

**Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»**

На правах рукописи

Кот Юрий Владимирович

**КОНЦЕПТ «РУССКИЙ МИР» В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
КУЛЬТУРФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА XVIII – XXI ВВ.**

5.10.1. – Теория и история культуры, искусства (философские науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата философских наук

Научный руководитель:

доктор педагогических наук,

профессор

Кудрина Екатерина Леонидовна

Москва – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ГЕНЕЗИС КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР»	 17
1.1. Многообразие трактовок концепта «Русский мир»: предметное поле и методология.....	17
1.2. Культурологическое измерение концепта «Русский мир». Русский мир и русскость.....	32
1.3. Культурфилософские истоки концепта «Русский мир» в русской религиозной философии XVIII – XX вв.	66
 ГЛАВА 2. РУССКАЯ ИДЕЯ КАК ДУХОВНОЕ ОСНОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО МИРА.....	 93
2.1. Русская идея как самосознание Русского мира: историософский аспект.....	93
2.2. Русская идея в XXI веке в контексте духовного проекта Нового Возрождения	116
 ГЛАВА 3. СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ИДЕИ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	 128
3.1. Русская идея как основа самоопределения современного российского общества.....	128
3.2. Культурфилософские основания Русского мира и концепция внешней политики Российской Федерации.....	141
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	157
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	163

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Исследование культурфилософского содержания концепта «Русский мир» в настоящее время обрело высокую степень актуальности в силу его востребованности в культурной политике и социальной практике российского общества в условиях формирования многополярного мира. «Русский мир» – один из центральных концептов политического и исторического дискурса, который предполагает более углубленное осмысление в культурологическом и философском аспекте. Сегодня бесспорно, что Русский мир не имеет административных и национальных границ. Теоретический анализ Русского мира – актуальное исследование того духовного измерения, в котором заложены ключевые для русского народа и всех людей планеты краеугольные понятия и смыслы.

Главной причиной актуальности современных исследований Русского мира стало необычайно токсичное и агрессивное отношение к нашей цивилизации коллективного Запада. Русофобия с их стороны стала системной и атакующей наши основополагающие смыслы: святыни, культурные ценности, духовное наследие и историю. «Современная русофобия, – отмечают авторы монографии «Философия русской идеи», – отрицающая способность русского народа быть носителем, выразителем великой идеи, в целом дискредитирующая русское начало, весьма многолика. Наиболее распространенный вариант – либеральный прозападный космополитизм, утверждающий абстрактного всечеловека, трактующий западную цивилизацию как «универсальную», призванную ассимилировать «отсталую» русскую культуру. В этом же ключе – лживое очернительство духовной основы русской культуры – православия»¹.

Особенно актуализировалась значимость Русского мира после того, как началась Специальная военная операция (СВО), благодаря чему проявился экзистенциальный смысл противостояния Запада с Россией.

¹ Кочеров С.Н., Парилов О.В. Философия русской идеи. М: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. С. 5.

То же касается внешней политики нашего государства, определенность и целенаправленность которой во многом определяется теоретической проработанностью ее оснований, и прежде всего концепта «Русский мир», у которого на протяжении двух столетий уточнялись границы и ценностное содержание.

Именно социально-политическая ситуация первой четверти XXI века требует особой проработки вопроса о духовно-нравственных основаниях Русского мира. Очевидно, что политическая и культурная конфигурация Русского мира на современном этапе истории находится в становлении. Мы - свидетели этого судьбоносного процесса, в котором принимаем посильное участие как исследователи.

Степень научной изученности темы. Востребованность теоретического осмысления концепта «Русский мир» провоцирует его анализ с разных позиций и аспектов. В результате разнообразных исследований проблематики Русского мира, что подтверждает значимость данного вопроса, сложилась эклектичная и во многом неупорядоченная система его понимания, благодаря количеству часто конъюнктурных подходов, вызванных теми или иными научными исследованиями разных отражений понятия (геополитических, лингвистических, географических и т. д.).

После распада СССР произошло обострение геополитической ситуации в мире. В кризисной для России ситуации под угрозой оказались национальная идентичность и государственная суверенность. В этот период Русский мир стал предметом многих междисциплинарных фундаментальных исследований таких авторов, как А.П. Афанасьев, В.Ю. Даренский, А.Г. Дугин, В.В. Кожин, Н.А. Нарочницкая, В.А. Никонов, С.В. Перевезенцев, А.С. Панарин, В.А. Тишков, М.Б. Смолин, В.Л. Цымбурский, П.Г. Щедровицкий и др., в результате чего оно приобрело более отчетливые и внятные черты².

² Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. М.: Институт русской цивилизации, 2012; Панарин А. Православная цивилизация. Институт русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2014; Нарочницкая Н.А. Русский мир. СПб., Алетейа, 2007; Никонов В.А. Современный мир и его истоки. Москва: Изд-во Московского университета, 2015; Смолин М.Б.

Тем не менее, о Русском мире в основном рассуждают с точки зрения духовной составляющей, ментального кода общности людей, объединённых одними метафорическими ценностями. Надо сказать, что подобная многоголосица точек зрения не позволяет выделить фундаментальные основы концепта «Русский мир», его глубинного инвариантного ядра³. В этом контексте следует согласиться с такой констатацией положения вещей: «Разнобой в интерпретациях и во мнениях, в определениях данного концепта свидетельствует о сложности изучаемого явления, не поддающегося формализации и каким-то одномерным категоризациям. Русский мир – это сложнейшая социокультурная реальность, требующая, помимо социологического ее изучения, также и междисциплинарного объединения усилий представителей разных общественных наук»⁴.

Несмотря на то что проблематика Русского мира находится сегодня в эпицентре гуманитарного дискурса и общественно-политических дискуссий, следует согласиться с мнением современного исследователя Д.П. Хоменко, что «пока нет единого подхода к определению понятия, хронологических и географических рамок Русского мира. В современной историографии понятие «Русского мира» до сих пор пребывает в стадии формирования»⁵.

Имперская политология: поиск истины. М., 2019; Афанасьев А.П. Смысл и предназначение России. М.: Звонница-МГ, 2013; Тишков В.А. Русский мир: история и география // Русский мир в меняющемся мире / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН. 2018; Перевезенцев С.В. Русский мир в XXI веке // Русская политология. 2022. № 1 (22); Даренский В.Ю. Цивилизационный суверенитет России как принцип неклассической идеологии // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. 2019. Том 44, № 4 и др.

³ Алимов А.В. О восстановлении границ русского мира // Международный научный журнал «Символ науки». 2022. № 5-1; Дронов А.И. Россия и Русский мир (культурологический аспект) // Наука. Искусство. Культура. 2022. Вып. 3(35); Доктрина Русского мира / Составитель В.В. Аверьянов. М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2016; Козловцева Н. А. Образ Русского мира в актуальном социокультурном пространстве // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53); Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А. Гусейнова, А. Кара-Мурзы, А. Яковлевой. М.: ИФРАН, 2011; Русский мир в меняющемся мире / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. – М.: ИЭА РАН, 2018; Теплых Н.В. Русский мир как традиционная основа духовной культуры социума // Социально-политические науки. 2021. №2.

⁴ Кривопусков В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Вестник АГУ. 2016. Вып. 1 (174). С. 116.

⁵ Хоменко Д.П. Проблема «Русского мира»: теория и историография // Genesis: исторические исследования, 2022. № 6. С. 151.

Следует, однако, отметить, что «знаковым» событием в междисциплинарном анализе феномена Русского мира можно считать масштабную научную конференцию 2019 года «Русский мир: динамика научного познания»⁶, объединившую специалистов из разных областей гуманитарных наук: на ней речь шла как о философском осмыслении актуального состояния Русского мира, так и рассматривалась культурная динамика и выявлялось его социальное многообразие; анализировались инновации в российской образовательной теории и практике, состояние экономики и культуры; рассматривались проблемы русской филологии в аспекте нового самоопределения.

Среди диссертационных исследований недавнего времени следует назвать работы Н.В. Теплых, О.Н. Батановой, М.А. Ефимец, С.А. Мальченкова, Н.А. Козловцевой и др., рассматривающих различные аспекты формирования и развития Русского мира, его бытования в современных геополитических и духовно-культурных реалиях современного мира⁷. Близко примыкающим в смысловом плане к концепту «Русский мир» является концепт «русскость», который исследуется в различных аспектах такими авторами, как А. А. Корольков, В. Н. Тростников, С. В. Полторацкая, Е. Р. Пономарев, В. Россман и др.⁸

⁶ Русский мир: динамика научного познания: сб. статей участников Международной научно-практической конференции (23-25 октября 2019 г.) / отв. ред. С.В. Напалков; науч. ред. Е.В. Валеева. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 492 с.

⁷ Теплых Н.В. Концепт «Русский мир» в социальной и политической философии России: этапы, принципы формирования, перспективы. дисс. ... к.филос.н. Саранск, 2023. Ефимец М.А. Русский мир как концепт и культурно-историческая реальность. Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Краснодар, 2022; Мальченков С.А. Социально-философский анализ цивилизационных трансформаций современной России: дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2022; Козловцева Н. А. Формирование образа Русского мира в современных условиях: потенциал гуманитарного сотрудничества: дис. ... канд. культурологии. М., 2018 Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: дисс. ... кандидата политических наук. М., 2009 и др.

⁸ Корольков А.А. Русскость культуры, русскость философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 3. С. 136-142; Полторацкая С.В. Ф.М. Достоевский и И.С. Шмелев: проблема «русскости» // Труды Белгородской духовной семинарии. 2018. С. 134-142; Пономарев Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 3; Россман В. Платон как зеркало русской идеи // Вопросы философии. 2005. № 4 и др.

Одна из типологий подходов к анализу содержания концепта «Русский мир», сложившаяся на сегодняшний день, выглядит следующим образом: 1) геополитическая реальность; 2) геоэкономическая реальность; 3) неповторимая этнокультурная (языковая) общность людей, проживающих не только в России; 4) православная цивилизация; 5) духовно-культурная метафора русскости⁹. При этом каждый подход имеет свою историю формирования в контексте истории русской философии. Вместе с тем большинство современных трактовок Русского мира соответствует одной из этих позиций. Как пишет об этом В.А. Тишков, «при всех отмеченных многовариантностях, ситуативности и мифологичности Русский мир есть реальность, он проявляет себя в самых разных ипостасях, в большинстве своем значимых для России и ценимых россиянами»¹⁰.

Русская философия выступила в качестве того идейного и духовного контекста, в котором произошло появление и созревание концепта «Русский мир». Напряженная рефлексия проблем России, ее сущности и судьбе значительно представлена у Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского, П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, И.В. Киреевского, Ф.М. Достоевского, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, П.Е. Астафьева, П.И. Новгородцева, В.В. Розанова, В.В. Зеньковского, Д.С. Мережковского и т. д.

Обращение к самим истокам концепции Русского мира позволяет отметить его глубокую органическую связь с пониманием «русской идеи», наиболее полно и глубоко проработанной в русской философии В.С. Соловьевым, Н.А. Бердяевым, Вяч. Ивановым, С.Н. Булгаковым, С.Л. Франком, Н.О. Лосским, Б.П. Вышеславцевым, Е.Н. Трубецким, П.А. Флоренским, И.А. Ильиным, П.А. Флоренским, Л.П. Карсавиным, Г.П. Федотовым, А. Ф. Лосевым и др. Русская идея есть результат большой философской работы, в котором отражены наиболее значимые духовные

⁹ См.: Кочеров С.Н., Парилов О.В. Философия русской идеи. М: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. С. 210.

¹⁰ Тишков В.А. Избранные труды: в 5 т. Т. 4: Российский народ: История и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2021. – С. 524.

ценности отечественной культуры. «В онтологическом отношении, – отмечают современные исследователи, – русская идея есть **идея Русского мира** как выражение его духовной сущности»¹¹.

При этом важно отметить *сотериологический* характер русской идеи, который реализуется и на уровне личного спасения, и на всемирно-историческом глобальном уровне всего человечества. Об этом говорят многие современные авторы. А.В. Гулыга пишет: «Русская идея есть идея спасения»¹². Л.В. Скворцов отмечает: «Русская идея как сформулированная в XIX в. идея всемирной отзывчивости обрела глобальный смысл, смысл духовного спасения человечества от самоуничтожения»¹³.

Важным вкладом в разработку духовных принципов Русского мира стали труды видных иерархов Русской православной церкви, среди которых необходимо отметить св. прав. Иоанна Кронштадтского, митр. Антония Храповицкого (в книгах «Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения», «Молитва русской души», «Сила Православия»); свт. Серафима (Соболева) в труде «Русская идеология»; митр. Вениамина (Федченкова) в воспоминаниях «Лики Святой Руси»; священномуч. Иоанна Восторгова в проповедях «О судьбах России», «Историческое призвание России»; архиеп. Аверкия (Таушева) в работе «Истинное Православие и современный мир»; архиеп. Никона (Рклицкого) в сборнике статей и проповедей «Мой Труд в Винограднике Христовом»; архиеп. Никона (Рождественского) в дневниках «Православие и грядущие судьбы России»; священномуч. Илариона (Троицкого) в сборнике трудов «Преображение души»; митр. Иоанна (Снычева) в книге «Самодержавие духа» и др.

Свою лепту в процесс описания и осознания концепта Русский мир, его духовных первооснов внесли и западные философы, политики, литераторы и

¹¹ Кочеров С.Н., Париков О.В. Философия русской идеи. М: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. С. 280.

¹² Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы, 2022. С. 95.

¹³ Скворцов Л.В. Возможна ли реанимация Русской идеи? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2021. №4. С. 7-36.

культурологи. Здесь важно назвать имена О. Шпенглера, В. Шубарта, Э. Кэррик, Т. Шпидлик и др.

Однако в целом необходимо отметить недостаточную концептуальную проработанность понятия «Русский мир» в культурфилософском аспекте.

Объект исследования – отечественный культурфилософский дискурс XVIII – XXI вв., представленный наиболее значимыми мыслителями.

Предмет исследования – формирование и современные трактовки концепта «Русский мир» в его культурфилософском аспекте.

Цель диссертации – проанализировать концепт «Русский мир» в отечественном культурфилософском дискурсе XVIII – XXI в контексте становления его сотериологической ядра, выраженного в «русской идее»

Для этого необходимо выполнить следующие **задачи**:

- 1) определить предметное поле и методологию современных исследований Русского мира, вычленив особенности его понимания как феномена культуры;
- 2) проанализировать культурфилософское содержание концепта «Русский мир», сопоставляя его смысл с концептом «русскость»;
- 3) проследить становление концепта Русской идеи в отечественной религиозной философии XVIII – XX вв. в качестве выражения национального самосознания и нравственного идеала Русского мира как цивилизационного единства;
- 4) выявить взаимосвязь историософской направленности и сотериологического смысла Русской идеи в контексте культурфилософского дискурса XVIII – XX вв;
- 5) уточнить сотериологический смысл Русской идеи в свете ценностно-ориентированного самоопределения Русского мира в современных условиях;
- 6) рассмотреть концепт «Русская идея» в контексте духовного проекта Нового Возрождения как перспективы культурных трансформаций XXI века;
- 7) прояснить духовные смыслы и культурные особенности Русского мира как основы концепции внешней политики Российской Федерации.

Теоретико-методологические основания исследования.

Методологической основой диссертационного исследования являются методы и принципы познания, специфичные для гуманитарных исследований, в частности герменевтический и компаративный анализ. Системный подход позволил автору определить исторические, духовные, геополитические контуры Русского мира; сравнительный анализ позволил определить общее и отличия в существующих исследованиях русскости и Русского мира; историко-генетический метод способствовал выявлению многообразных подходов и трактовок Русского мира, а также инвариантного ядра как этого понятия, так и таких дефиниций как «русскость» и «русская культура» для определения их авторских трактовок.

В данном исследовании применяется «ценностно-ориентированный» (В.А. Тишков) подход в изучении и трактовке феноменов культуры. Его необходимость, как отмечает данный автор, определяется «кризисом либеральных ценностей, общим консервативным поворотом в политике и идеологии... Потребность в сохранении и защите традиционных духовно-нравственных ценностей остро обозначилась в нашей стране в результате отторжения многих ценностных и культурных установок, которые активно внедрялись под влиянием Запада... Патриотизм и другие составляющие российской идентичности оказались особо важными в ситуации специальной военной операции на Украине и сильнейшего внешнего давления на нашу страну и ее народ»¹⁴.

Вторым важнейшим методологическим принципом данной работы стал принцип «отнесения к идеалу», в свое время обоснованный академиком Д.С. Лихачевым, который писал в статье «Национальный идеал и национальная действительность»: «Судить о народе мы должны по преимуществу, по тому лучшему, что он воплощал или даже только стремится воплотить в жизнь, а не по худшему. Именно такая позиция самая плодотворная, самая миролюбивая

¹⁴ Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. – М.: ИЭА РАН, 2023. – С. 67-68.

и самая гуманистическая. Добрый человек замечает в других прежде всего хорошее, злой – дурное. Геолог ищет ценную породу»¹⁵.

Третьим методологическим принципом исследования является принцип поливариативности культуры, обоснованный, в частности, в монографии М.М. Шибасовой «Культура в “зеркале” русской мысли» (М., 2001). Это принцип исследования не абстрактной, а сопряжённой «с социокультурными и экзистенциальными реалиями сущности русских вопросов»¹⁶.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается авторским подходом к анализу концепта «Русский мир» в контексте культурфилософского дискурса XVIII – XXI вв. Диссертационная работа опирается на обширную источниковую базу и большой массив специальной литературы по истории русской философии, истории русской культуры, а также философским проблемам теории культуры, который связан с концептами «Русский мир», «Русская идея», «русскость». В исследовании сопоставлены и верифицированы разные трактовки указанных концептов в свете решения диссертационных задач. Использованы оригинальные тексты мыслителей XVIII – XXI вв. для обоснования выводов по разным аспектам проблемы. Полученные результаты были апробированы в ходе научной и общественной деятельности автора диссертации.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) рассмотрено многообразие трактовок концепта «Русский мир» в современном общественно-политическом и гуманитарном дискурсе в контексте становления новой социокультурной реальности многополярного мира;
- 2) обозначено культурологическое измерение Русского мира как самобытной цивилизации; при сопоставлении с концептом «русскость» обосновано надэтническое и наднациональное своеобразие Русского мира,

¹⁵ Лихачев Д. Заметки о русском. – М.: КоЛибри, АзбукаАттикус, 2014. – С. 61.

¹⁶ Шибасова М.М. Культура в «зеркале» русской мысли: монография. – М.: МГУКИ, 2001. – С. 243.

организующего ценности и традиции разных народов в новое цивилизационное единство;

3) на материале отечественного культурфилософского дискурса XVIII – XIX вв. впервые прояснено ценностно-смысловое содержание Русской идеи как духовного основания Русского мира и ее противоречивая природа, в том числе, на примере «нравственной антроподицеи»;

4) впервые показана роль русской религиозной философии XVIII – XX вв. в становлении историософской направленности и сотериологического смысла Русской идеи, обретающего новую форму в современном культурфилософском понимании Русского мира;

5) впервые выявлена своеобразие историософской стороны Русской идеи, преодолевающей прерывность и катастрофичность в истории России за счет ее объединяющего и направляющего сотериологического смысла – спасения человечества;

6) впервые исследован концепт «Русская идея» в контексте духовного проекта Нового Возрождения как глобальной перспективы культурных трансформаций XXI века;

7) проанализирована Концепция внешней политики Российской Федерации с точки зрения духовных смыслов и ценностей Русского мира и намечены пути их интеграции в культурное и общественно-политическое пространство России.

Положения, выносимые на защиту:

1. Русский мир – один из наиболее частотных концептов в современном общественно-политическом и гуманитарном дискурсе, не имеющий при этом однозначной дефиниции. Будучи востребованным социальной практикой, связанной со становлением новой социокультурной реальности

многополярного мира, Русский мир в своем культурологическом измерении предстает как цивилизационное единство нового типа.

2. В качестве самобытной цивилизации Русский мир, при сопоставлении с концептом «русскость», явным образом обнаруживает свое надэтническое и наднациональное своеобразие. Это способность организовывать ценности и традиции разных народов в новое цивилизационное единство, что органично связано с религиозными традициями и культурой России.

3. Сопоставление Русского мира с представлением о русскости в прошлом и настоящем позволяет охарактеризовать его смысловую основу как противоречивое единство русской души, ее сердечности. Так, с одной стороны, оно предполагает благоговейно-уважительную отзывчивость к собственным национальным ценностям и отеческим святыням, а с другой – открытость к «всечеловеческому» и «вселенскому», что подтверждает творчество русских мыслителей от П.Я. Чаадаева до Ф.М. Достоевского Н.Я. Данилевского. В.С. Соловьева.

4. Русская идея обнаруживает противоречивую природу русской души в пафосе совлечения и нисхождения, когда взлет невозможен без падения, а греховность преодолевается очищающим страданием. То же касается Русской идеи, понятой как «нравственная антроподицея». Если Запад нуждается в теодицеи, то есть оправдании Бога в глазах отдельного индивида, то Русская идея как антроподицея - оправдание падшего человека перед Богом как Абсолютным Добром.

5. Только анализ единства историософских и сотериологических исканий русских мыслителей XVIII – XXI вв. позволяет в полной мере раскрыть духовный потенциал Русской идеи. Если в историософских поисках русских философов и писателей XVIII – XIX вв. вызревал идеал Русского мира как самобытной цивилизации, то их сотериологические поиски в современной ситуации определяют культурные и политические цели российской государственности.

6. В качестве «Нового Возрождения» можно определить наступающую эпоху духовной борьбы за возрождение человечества между цивилизациями, защищающими традиционные ценности, среди которых центральную роль играет Россия, и «антицивилизацией» коллективного Запада, которая противопоставляет традиционным ценностям с их ответственностью перед Богом и Родиной «антиценности» свободы от общественных идеалов в пользу животных потребностей.

7. В качестве приоритетного направления в Концепции внешней политики Российской Федерации обозначено формирование справедливого и устойчивого мироустройства, что выявляет сотериологическую константу исследуемого концепта, которая определяет защиту всего человечества от агрессивной несправедливости западной неокOLONиальной модели мироустройства, защиты от неё всех, кто нуждается в этом. Фактически мы находим отражение данных подходов в Концепции внешней политики России, что во многом соответствует принципам христианской политики, которые изначально составляли основу Русского мира.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость предлагаемого диссертационного исследования состоит в выделении из актуального предметного поля концепта «Русский мир» его культурологического измерения, связанного с пониманием Русского мира как самобытной цивилизации, и уточнении его культурфилософского содержания – сотериологического смысла, заключенного в Русской идее. Указанные задачи решались автором на материале, представленном в отечественном общественно-политическом и философском дискурсе XVIII – XXI вв., а также в публицистическом и художественном творчестве, связанном с осмыслением Русского мира и Русской идеи.

Практическая значимость диссертационного исследования связана с разработкой культурной политики российского государства в аспекте пропаганды традиционных ценностей отечественной культуры. Содержание диссертационного исследования связано с патриотическим воспитанием

русской молодежи. Результаты исследования применимы в качестве материала для учебных дисциплин «Философия культуры», «История русской философии», «Русская культура», «Политическая культура» и смежных дисциплин для обучающихся высших и средних профессиональных учебных заведений, а также образовательных программ для слушателей системы повышения квалификации специалистов образования и культуры.

Соответствие паспорту научной специальности. Тема и содержание диссертации соответствуют научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства и философской отрасли науки согласно пунктам 9 «Историческая преемственность в сохранении и трансляции культурных ценностей и смыслов. Традиции и инновации в истории культуры», 32 «Культура и общество. Социокультурная динамика», 37 «Личность и культура. Индивидуальные ценности. Творческая индивидуальность» паспорта научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Личный вклад автора диссертации в подходе к анализу концепта «Русский мир» его культурологического измерения основан на актуализации русской философской традиции и связан с пониманием Русского мира как самобытной цивилизации. Автором обоснован подход к уточнению культурфилософского содержания концепта «Русский мир» – его сотериологического смысла, заключенного в Русской идее.

Апробация результатов исследования. IX Всероссийской научно-практической конференции «Творчество и креатив в коммуникациях: теория и практика (Москва, 08 декабря 2022 г.)», Всероссийская научно-практическая конференция «Формирование культурного кода средствами экранных искусств: теория и практика» (Москва, 15 ноября 2023 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие идеологии терроризма: направление совершенствования профилактической деятельности» (Красноярск, 29-30 мая 2024 г.), VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве

традиции и инновации». (Москва, 31 октября 2024 г.), II Межвузовской научно-практической конференции «Русский культурный код как инструмент работы с молодёжью» (Москва, 22 октября 2024 г.), XII Всероссийская научно-практическая конференция «Творчество и креатив в коммуникациях: теория и практика». МГИК, 04 декабря 2024 г. и др.

Диссертационная работа была обсуждена и рекомендована к защите на кафедре культурологии Московского государственного института культуры (протокол № 7 от 28 марта 2024 г.) и рекомендована к защите.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, семи параграфов и заключения общим объемом 191 страница. Список литературы (286 наименований) отражает объем выполненной работы.

Глава 1. СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ И ГЕНЕЗИС КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР»

1.1. Многообразие трактовок концепта «Русский мир»: предметное поле и методология

Существующая исследовательская литература по различным аспектам Русского мира отличается многообразием трактовок, подходов, концепций. Это и неслучайно: с одной стороны, произошло серьезное расширение дисциплинарного инструментария современных наук, с другой – невероятно повысился статус вопроса о суверенности России в мире, об обретении ее подлинного достойного статуса в мировом сообществе. Встреча этих двух тенденций и порождает такое концептуальное разнообразие Русского мира. В то же время необходимость в уточнении концепта «Русский мир» обусловлено серьезными геополитическими обстоятельствами, в которых находится современный мир, западная часть которого бросила цивилизационный вызов России. Это произошло уже сразу после распада Советского Союза, когда появилась реальная угроза утраты национальной идентичности¹⁷.

Распад Советского Союза, который Президент РФ назвал геополитической катастрофой, безусловно, эпохальное событие, обнажившее множество противоречий, но также способствовавшее тому, что концепт «Русский мир» из сугубо теоретического приобрел стратегический статус, призванный сохранить нашу национальную идентичность. При этом мы вынуждены констатировать *концептуальную неоднозначность* и непроработанность данного концепта вплоть до нынешнего момента. Известный российский философ В. Н. Расторгуев еще в 2015 году писал: «В последние годы в бесчисленных дискуссиях о Русском мире наши аналитики напустили много теоретического тумана, но так и не предложили ни одной сколько-нибудь заметной и, главное, признанной научной концепции или

¹⁷ Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии. Тверь, 2013. С. 7.

школы, в рамках которой появился бы известный концепт, раскрывающий идею Русского мира»¹⁸.

Как пишет академик Н. А. Нарочницкая, «2022 г. стал рубежом эпох, годом беспрецедентного столкновения России и Запада, в котором следует видеть не только конфликт геополитических позиций, но и борьбу альтернативных интерпретаций прогресса и будущего человечества»¹⁹.

Эти противоречия носят фундаментальный характер, обусловленный цивилизационным различием российской и западной культур, их ценностных приоритетов и политических ориентаций. Н. А. Бердяев писал об этом: «Русские размышления... привели к сознанию, что путь России – особый. Россия есть Великий Востоко-Запад, она есть целый огромный мир, и в русском народе заключены великие силы. Русский народ есть народ будущего. Он разрешит вопросы, которые Запад уже не в силах разрешить, которые он даже не ставит во всей их глубине»²⁰. В данном контексте противостояние России Западу является важнейшим и даже ключевым вопросом дальнейшего пути развития человечества. Что в свою очередь требует от нас более глубокого переосмысления тысячелетнего наследия русской философии с целью определения практических величин в духовно-нравственных смыслах Русского мира. Фактически мы говорим о вычленении и разработке аутентичных духовно-нравственных технологий, способных вооружить наш народ в этом противостоянии и привести нас к победе не только ради сохранения русской цивилизации, но и продолжения существования всего человечества на земле.

¹⁸ Расторгуев В.Н. «Русский мир» и цивилизационная идентичность // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия 2015. Вып. 3 (59). С. 152–158. См.: Назарова Г.Ф., Фокина А.В. Русский мир: обновление подходов к концепции // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №6 (69). С. 338-343.

¹⁹ Нарочницкая Н.А. Россия и Сербия в эпоху перемен: Линии напряжения европейской истории XIX–XXI вв. I. Сербия в новом столкновении России и Запада // Перспективы. 2022. №4. С. 7.

²⁰ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 105.

Смысловое ядро Русского мира, его стратегические интенции связаны с возрождением и сохранением самой русскости как основы национальной идентичности, которая в постсоветском пространстве, начиная с 90-х гг. XX века, стала интенсивно менять свою ориентацию на американские и западноевропейские ценности с риском ее полной потери через растворение в инокультурном пространстве. Культурная политика России требует создания новых образовательных программ, наполненных смыслами тысячелетнего опыта русской цивилизации, её ценностей и смыслов. Культурфилософские исследования с этой точки зрения могут рассматриваться нами как своего рода ментальное оружие нашего народа, призванное служить духовно-нравственным камертоном как для старшего поколения, так и для воспитания новых поколений русского народа. Как отмечает В.А. Тишков, «сохранение и воспроизводство культурного капитала нации – работа, требующая сотрудничества науки и государства, ибо без научной проработки процесса принятия решений любая политика – это нищая политика и безответственная импровизация. Существует и своего рода социальный заказ самого общества: люди нуждаются в адекватных и актуальных для них версиях прошлого, которые могут быть получены только благодаря деятельности профессионалов»²¹.

Рассеивается ли этот своего рода «теоретический туман» относительно Русского мира с течением времени? Как отмечает А. Гронский: «Большинство интеллектуалов не ставит под сомнение существование Русского мира как такового. Проблема лишь в том, что под ним понимают всех, кто сопричастен России или русскому языку, или русской культуре, или православию, или общей исторической памяти, или различным вариантам сочетаний упомянутых признаков. Остальные утверждают, что Русский мир – это

²¹ Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук: научный и общественно-политический журнал. 2019. Т. 89. № 4. С. 409.

идеологема, призванная оправдать имперские, великодержавные и иные амбиции современной российской власти»²².

Изменилась ли ситуация с того времени? И если изменилась, то как? Большинство современных трактовок Русского мира соответствует одной из позиций в следующей типологии подходов к анализу содержания концепта «Русский мир»: 1) геополитическая реальность; 2) геоэкономическая реальность; 3) неповторимая этнокультурная (языковая) общность людей, проживающих не только в России; 4) православная цивилизация; 5) духовно-культурная метафора русскости²³.

Мы должны понимать, что на данный момент «единого определения понятия «Русский мир» не существует», что «вопрос о Русском мире относится к числу открытых вопросов»²⁴. Такое положение вещей не исключает, а как раз стимулирует дальнейшие исследования Русского мира в разных аспектах. В диссертационной работе М. А. Ефимец, как мы считаем, достаточно полно выявлены и проанализированы уровни исследования концепта «Русский мир». Это *историко-культурный, социально-философский, аксиологический, коммуникативный* уровни²⁵. При этом важным аспектом является довольно полемический характер дискуссий, связанных с Русским миром, и достаточно болезненное реагирование на обретение Россией своего суверенитета. Это определяет острый характер дискуссий относительно

²² Гронский А. Русский Мир в поисках содержания // Россия в глобальной политике. 2017. №4. С. 2.

²³ Кочеров С.Н., Париков О.В. Философия русской идеи. М: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. С. 210.

²⁴ Бедаев А.И., Михайлова Е.А., Тихонова В.Л. Русские общины в интеграционных механизмах каспийского региона // *Caspium Securitatis*. 2021. № 4. С. 27; Волхонский М.А., Муханов В.М. Концепция «Русского мира». Множественность смыслов в контексте международных процессов // *Международная аналитика*. 2019. № 4 (30). С. 58; Козловцева Н., Толстова Н. Формирование образа Русского мира как аспект социокультурной адаптации иностранных граждан в процессе обучения // *Bakhtiniana, São Paulo*, 14 (1): 82-113, Jan./March 2019. С. 83. Репринцев А.В. Труд как социокультурный и педагогический феномен в традиционном Русском мире: механизмы и факторы формирования этнокультурной идентичности личности // *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 1 (49).

²⁵ Ефимец М.А. Русский мир как концепт и культурно-историческая реальность. Автореф. дисс. канд. культурологии. Краснодар, 2022. С. 8.

Русского мира, которые проходят не только в политико-экономической и социокультурной средах, но также в широких слоях общества.

Концепт «Русский мир» отличается от строго научного, тем более естественнонаучного, понятия. Не углубляясь в теоретико-познавательную сторону вопроса, отметим, что в рамках данного исследования концепт в самом широком смысле понимается как инновационная идея, содержащая в себе созидательный смысл. В более узком, лингво-культурологическом смысле концепт понимается как «структурно-содержательная единица сознания, отражающая совокупность знаний, представлений, мнений об объекте мысли»²⁶. Кроме того, как отмечают исследователи, «концепт многомерен. В когнитивной лингвистике он представлен единицами разных структурных типов: фрейм, прототип, гештальт, схема, сценарий (скрипт), инсайт и т. д.»²⁷. Именно этим характеристикам на сегодняшний день и отвечает концепт «Русский мир».

А.Ю. Безродная в статье «Влияние историко-культурного контекста на концепт “Русский мир”» предложила интересную типологию содержаний этого концепта. По её определению, «концепт “Русский мир” имеет совершенно разное смысловое наполнение в зависимости от исторического периода и определенных социокультурных реалий. Существующие трактовки вышеуказанного концепта можно разделить на несколько основных групп. Трактовки, относящиеся к первой группе, понимают под “Русским миром” особую цивилизацию с уникальным мировоззрением, традициями и ценностями, исторически сложившимися на территории современной России и предшествовавших ей как догосударственных, так и государственных образований. В основу концепта в данном случае положена совокупность таких факторов, как социокультурная общность, религия, язык и

²⁶ Пищальникова В. А. Концепт // Большая российская энциклопедия 2004–2017. Гл. ред. президент РАН Ю.С. Осипов. – Том. 15. Конго – Крещение. – М.: РОСПЭН, 2010. С. 173.

²⁷ Крюкова Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Языкознание и литературоведение. 2008. Вып. 59. С. 133.

самоидентификация»²⁸. Отметим, что такое понимание содержания данного концепта и является, собственно, культурологическим. В контексте русской духовной традиции оно оказывается весьма близким по своему содержанию понятию «культурно-исторический тип», впервые введенным в философию Н.Я. Данилевским. Как отмечает Е.В. Мареева, у Данилевского «общечеловеческий» путь развития – ложная абстракция, за которой фактически скрывается европоцентризм и господство Запада в мировом развитии и культуре; в то время как «всечеловеческое» – истинная научная абстракция, предполагающая многообразие культур и цивилизаций²⁹.

В свою очередь, трактовки, входящие во вторую, в третью и четвертую группы, по мнению А.Ю. Безродной, имеют более частный и узкий по своему содержанию смысл, поскольку «определяют “Русский мир” как “совокупность людей, исповедующих православие”, “совокупность людей, владеющих русским языком вне зависимости от этнической принадлежности и страны проживания” и “совокупность людей, самоидентифицирующих себя как русских, как принадлежащих к русской культуре”, выделяют религию, язык и самоидентификацию, соответственно, как ключевой фактор. Пятая группа объединяет трактовки, которые определяют “Русский мир” как “совокупность этнических русских, проживающих как внутри страны, так и за ее пределами”: в данном случае ключевым фактором является этнический. В шестую группу входят трактовки, рассматривающие “Русский мир” как модель публичной дипломатии России, как “мягкую силу”, которую следует выделить как фактор, влияющий на смысловое наполнение изучаемого концепта»³⁰.

Согласно выводу А.Ю. Безродной, к которому есть все основания присоединиться, именно первая группа трактовок концепта «Русский мир»

²⁸ Безродная А.Ю. Влияние историко-культурного контекста на концепт «Русский мир» // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Том 26, № 4 (2020). С. 73.

²⁹ Мареева Е.В. «Общечеловеческое» или «всечеловеческое»: вклад Н. Я. Данилевского в методологию исследования «русского мира» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 3 (119), 2024. С. 79-80.

³⁰ Безродная А.Ю. Влияние историко-культурного контекста на концепт «Русский мир». С. 73.

«раскрывает его наиболее полно и многоаспектно, а определяющие факторы носят всеобъемлющий характер и включают в себя основные ценности культуры... именно такое определение концепта «Русский мир» является наиболее универсальным и рациональным для использования в научном обороте»³¹. Речь идет о содержательных границах данного концепта.

Что касается методологических подходах к проблеме, уточним позицию, выраженную в содержательной статье В.В. Кривопускова «Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов» справедливо отмечено: «Русский мир» как концепт – это сложное и объемное когнитивное образование, скорее имажинативный конструкт с ценностной и со смысловой нагрузкой, уходящей корнями в область этнической бессознательной ментальности, ностальгию по идеализированному историческому прошлому.

На многообразие понимания концепта «Русский мир» указывают практически все исследователи этой темы, причем часто отмечается наличие контрверсивных, часто даже взаимоисключающих подходов³². Этим определяется и актуальность дальнейшей разработки данного концепта.

Обозначая предметное поле исследований русского мира за появившихся после распада Советского Союза, когда остро встал вопрос о национальной идентичности, о самобытности России и русской культуры. Здесь необходимо отметить некоторые важные работы, повлиявшие на становление идейно-теоретического пространства Русского мира: книги *В. В. Кожина* (Судьба России: вчера, сегодня, завтра. М., 1997; О русском национальном сознании. Избранные статьи о наиболее актуальных вопросах Российского государства. М., 2002; Коренные различия России и Запада. Идея против закона. М., 2014 и др.; книги *А. С. Панарина* (Россия в цивилизованном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1995; Искушение глобализмом. М., 2000;

³¹ Там же. С. 73-74.

³² См.: Назарова Г.Ф., Фокина А.В. Русский мир: обновление подходов к концепции // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №6 (69). С. 3338-343.

Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002³³; Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003; Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005 и др.); книги *Н. А. Нарочницкой* (Россия и русские в мировой истории. М.: Международные отношения, 2003; Русский мир. СПб., Алетейа, 2007; Русский код развития. М., 2013 и др.); книги *В. Л. Цымбурского* (Остров Россия. М., 2007; Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011); книги *В. А. Тишкова* (Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия. М., 1994; Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013 и др.); книги *А. Г. Дугина* (Теория многополярного мира. М., 2012; Русский Логос – русский Хаос. Социология русского общества. М., 2015; Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. М., 2019 и др.).

Важное значение в разработке концептуальных основ Русского мира имеют работы следующих авторов: *Никонов В. А.* (Современный мир и его истоки. М., 2015); *Кравченко П. П.* (Мир православный (национальная идея многовекового развития России). М., 2017); *Осипов В. Н.* (Возрождение русской идеологии. М., 2012) и др. За последнее время вышли важные сборники: «Смыслы и ценности Русского мира: сб. статей и материалов круглых столов, организованных Фондом «Русский мир» / под ред. В. А. Никонова. М., 2010; «Русский мир как цивилизационное пространство» / Под ред. А. Гусейнова, А. Кара-Мурзы, А. Яковлевой. М., 2011; «Русский мир. О нашей национальной идее». Изд-во Московской Патриархии, 2014; «Русская доктрина» / под. ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. М., 2008; «Доктрина Русского мира» / Составитель В.В. Аверьянов. М., 2016; «Русский мир в меняющемся мире» / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. М., 2018.

³³ Обстоятельный анализ работ А.С. Панарина дон в статье Даренского В.Ю. «Большая восточная идея» в прогностике А.С. Панарина // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, вып. 3. С. 367–373.

Эти и другие работы показывают процесс становления Русского мира, его историко-культурный генезис, философскую основу и духовную сущность. Важным является анализ ценностного перелома в мире, произошедшего после развала СССР³⁴. Как геополитические пророчества о Русском мире звучат слова В. Цымбурского: «Наступающий век с определяющей конфигурацией «острова Россия» требует от ее правителей нового геополитического такта, минимизации негативных возмущений извне на решающей стадии становления городской России, в гармонизированных отношениях русского города с землей (после страшного торжества над деревней в XX веке). Стремиться к тому, чтобы городская Россия успела оформиться и предстать к моменту, когда закат нынешнего мирового порядка поставит русских перед проблемами, сейчас лишь отчасти вообразимыми»³⁵. В. Л. Цымбурский также говорил о невозможности ограничения Русского мира только лишь русскими диаспорами и общинами за рубежом, отмечая при этом, что современная Россия является ядром Русского мира и «генератором русскости»³⁶.

В. В. Кожин делает интересные наблюдения о феномене русского западника, который в современном контексте является антиподом Русского мира³⁷. «Современный Запад можно представить как сообщество индивидов, не мешающих делать друг другу что-либо (предпринимать и потреблять). Тогда как Россия – страна, в которой вырабатывается новая этическая система: ненависть ко злу, упорная защита идеала»³⁸.

Действительно, Запад подменил саму этику «этическими кодексами», «корпоративной этикой» и правилами профессиональной этики. Они в большей мере соответствуют правовому регулированию, являясь юридическими документами, нежели моральными правилами «неписаного

³⁴ Нарочницкая Н. А. Русский код развития. М., 2013. С.13.

³⁵ Цымбурский В. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М., 2011. С.11.

³⁶ Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 513.

³⁷ Кожин В.В. Россия как цивилизация и культура. М., 2012. С. 199.

³⁸ Русская доктрина. М., 2008. С. 834.

закона». В России сохраняется живое начало нравственности, которое всегда выше права. Это не значит, что право игнорируется, хотя феномен «правого нигилизма» иногда появляется на горизонте общественного бытия России. Это значит, что человеческое измерение, в котором нравственность занимает определяющее и верховное место, всегда будет выше всяческих формальных правил, делающих акцент исключительно на внешних факторах.

Остановимся на некоторых значимых, с нашей точки зрения, современных концепциях Русского мира, в результате которых он приобрел более отчетливые и внятные черты. В ситуации концептуальной неоднозначности важно находить инвариантные характеристики Русского мира. Исследователь Л. Н. Летягин отмечает следующую специфику Русского мира: «Типологическое единство культурных форм существует помимо и вне административных границ. В этом, в частности, и заключена специфика целостности Русского мира, основные параметры которого определяются комплексом доминантных отношений, в которых до настоящего времени сохраняется живая традиция – укорененность в повседневной практике и естественных моделях культурной активности»³⁹.

Действительно, Русский мир не имеет конкретных границ с точки зрения географии и национального вопроса. Такова точка зрения большинства исследователей. Представляют интерес выделенные В. И. Назаровым морально-психологические и духовные свойства и качества людей Русского мира⁴⁰. Важны наднациональные измерения Русского мира, основа которого содержится в русской идее⁴¹.

Преодолевая национальные рамки, Русский мир становится цивилизационной идеей. Это возможно лишь благодаря сотрудничеству всех народов России и родственных русским народам других государств,

³⁹ Летягин Л.Н. Русский мир: феномены сопредельности. С. 91.

⁴⁰ Назаров В.И. Русский мир как форма закономерного развития // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. №17-1.С. 207-208.

⁴¹ Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения: Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 5. С. 165.

представители которых соединены между собой духовными феноменами: общими традициями, языком, образом жизни, ценностями и, вообще, исторической судьбой. Духовный фактор в данном случае оказывается первичнее прочих, основанных на эмпирических реалиях, таких как территориальные границы. Это важно для русской аксиосферы в целом, которая отличается тем, что духовное всегда ставит выше материального в любой сфере. В данном случае в вопросах социального и культурного строительства Русского мира. Схожую позицию высказывает С. В. Перевезенцев: «Совместными усилиями народы России, объединившись вокруг русского народа, создали уникальное цивилизационное образование «Русский мир»⁴².

В диссертационном исследовании О. Н. Батановой автор представляет собственную трактовку концепта «Русский мир»: «Это глобальный культурно-цивилизационный феномен, состоящий из России как материнского государства и русского зарубежья, объединяющий людей, которые независимо от национальности ощущают себя русскими, являются носителями русской культуры и русского языка, духовно связаны с Россией и равнодушны к ее делам и судьбе»⁴³. В этом определении важной является «духовная связь» с Россией, которая оказывается значимее, чем, собственно, территориальная (географическая) и этническая. Именно дух, а не «кровь и почва» всегда были главными ценностными доминантами для русского самосознания, что всегда выгодно его отличало от европейских государств.

Белорусский исследователь С. М. Алейникова дает такое определение: «Русский мир – российская геополитическая стратегия, цель которой «собираение земель»: объединение на основе единых культурно-цивилизационных ценностей России, Украины, Беларуси и ряда других государств в глобальное транснациональное образование. Причастность к

⁴² Перевезенцев С. В. Русская история: с древнейших времен до начала XXI века. – М.: Академический проект, 2018. С. 10.

⁴³ Батанова О. Н. Русский мир и проблемы его формирования: диссертация ... кандидата политических наук. РАГС. М., 2009. С. 14-15.

Русскому миру в рамках геополитического подхода определяется: а) по языковому принципу; б) по признаку принадлежности к общей исторической родине; в) степени лояльности к России, ее внешней и внутренней политике»⁴⁴. Автор представляет геополитический подход, в котором так же, как и в рассмотренных выше, определяющую роль играют духовные факторы.

Сейчас существует уже достаточно большое количество работ, посвященных Родине, ее духовным и сакральным основам. Но хотелось бы остановиться на одном, весьма важном и примечательном сборнике петербургских ученых и философов 2009 года под названием «Образ России». Это междисциплинарное исследование, включающее философско-социологический, историко-педагогический, этический и эстетический научные векторы, дающие возможность представить наиболее значимые грани в многоаспектной проблеме целостного восприятия национальной культуры. В статье А. П. Валицкой раскрывается этико-онтологический статус Родины как «символа духовного братства» народа, «константную универсалию национального самосознания», объединяющую людей. Исследователь пишет: «Образ России, страны, Родины принадлежит аксиосфере культуры, составляет ее ядро, но прежде всего присутствует в индивидуально-личностном сознании каждого из тех, кто именует себя русским, человеком родной культуры, идентифицирует себя с нею»⁴⁵. Важнейшим качеством именно русского национального самосознания является нравственная преданность своей Родине.

Работа известного знатока русской культуры и философии К. Г. Исупова «Образ России в словарном освящении» представляет собой уникальный труд по определению основных универсалий, концептов и мотивов русской культуры в литературно-эстетической, философской и религиозной плоскости. Это авторский словарь «Космос русского самосознания», в

⁴⁴ Алейникова С.М. «Русский мир» геополитический подход // Весці БДПУ. Серыя 2. 2017. № 1. С. 41.

⁴⁵ Валицкая А.П. Образ России в контексте национального самосознания // Образ России. Сборник научных статей. СПб., 2009. С.7.

котором, в частности, представлены такие концепты как историко-географическое самоопределение Русь/Россия; что такое Родина для русских?; два образа России: диалогическое партнерство Москвы и Петербурга; русское чувство Дома на фоне мировой традиции; экзистенциально-религиозные реалии русского духа: Русский Христос; экзистенциально-религиозные реалии русского духа: русская философия как тип творчества; старчество; паломничество; юродство; хандра; русское мировосприятие: Апокалиптика; русская надежда: богочеловечество.

Тем самым космос русской культуры предстает во всей полноте. Эта работа – кладезь идей, ценностей, смыслов, раскрывающих глубинную суть русского национального самосознания. Нас интересует аспект, связанный с восприятием русскими своей Родины, который автор начинает с цитирования строк С. Н. Булгакова: «Родина есть священная тайна каждого человека, ... он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божьим творением. ... Есть предустановленное для каждого откровение Софии в его рождении и в его родине»⁴⁶. Это принципиально важно, поскольку слова русского философа открывают «кардинальный принцип русского ощущения Родины», которая «не просто знак этноязыковой и кровнородственной общности; она есть место промыслительно заданной мистической Встречи всякого «я» с высокой судьбой моего народа в ауре исторической памяти, семейного предания – под небесами предков и в надежном уюте отчего дома»⁴⁷. Здесь проявляется важный аспект русскости: слияние языческого ощущения земли как материнского лона и как места, пронизанного христианской софийностью почвы, то есть святостью и благодатью.

И важное определение духовного смысла Родины: «Поиск правды и Царствия Божьего для всех, кто ни есть на свете, – в этом телеология Родины на ее «русском пути». Россия есть Родина мирового смысла и то святое место,

⁴⁶ Булгаков С.Н. Моя родина // Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1988. С. 9.

⁴⁷ Исупов К.Г. Образ России в словарном освящении // Там же. С. 30.

где сбывается Божий Промысел во всей полноте Его Славы и Благодати»⁴⁸. Это очень высокие слова, но весь опыт русской духовной, культурной и философской истории подтверждает это.

В статье К. С. Пигрова «Пространственный образ России: дом, остров, океан» речь идет о философском краеведении, которое автор считает такой же важной дисциплиной как философская антропология или социальная философия. Он полагает, что патриотизм невозможен без эстетического отношения к своей стране, без того, что делает страну прекрасной. Эта «географическая эстетика» – существенная часть любви к Родине. Автор пишет: «Именно в интересе к родному краю обнаруживается та фундаментальная привязанность людей, человеческих коллективов, социумов к ландшафту, которая и выступает в качестве *любви к Родине* – патриотизма»⁴⁹.

Важно отметить, что философское краеведение отличается от простого эмпирического краеведения. Первое описывает не просто пространственно-географические факторы, важные сами по себе, но выводит на метафизику отчего края, в котором сопрягаются «земля» и «небо», «быт» и «бытие» той местности, в которой родился и живет человек. Тогда у него появляется чувство глубинной сопричастности своему родному краю и на этом фоне чувство неслучайности своего бытия в мире. И тогда человек начинает задумываться о смысле своей жизни и ее предназначении.

В статье Л. Н. Летягина «Русский мир: феномены сопредельности» речь идет о типологии пространственных открытий, которая самым непосредственным образом определяет формирование национальной идентичности. Автор делает такой вывод: «Беспредельность Русского мира раскрывается в глубине его истоков. Для каждого культурного поколения *география идей* сохраняет свой пространственный след как завет, указание, ПУТЬ»⁵⁰. Беспредельность Русского мира – это его пространственная

⁴⁸ Исупов К.Г. Там же. С. 31.

⁴⁹ Пигров К.С. Пространственный образ России: дом, остров, океан // Там же. С. 70.

⁵⁰ Летягин Л.Н. Русский мир: феномены сопредельности // Там же. С. 92.

типологическая особенность, оказавшая решающее формирование на духовные свойства русскости. Даль, безмерность, необъятность, странничество, хождения – все это специфически русские качества, порожденные беспредельностью России. Отсюда же русская тоска, малопонятная на Западе. Здесь же и «задавленность» русской энергии, по Н. А. Бердяеву, ширью русской земли и русской души, порождавшие такие негативные качества, как лень, беспечность, недостаток инициативы, слабое чувство ответственности.

Эта идея Н. А. Бердяева довольно распространена: беспредельность порождает неоформленность, и это невыгодно отличает Россию от Запада. Например, философ-этик А. Е. Зимбули отмечает, что «русским традиционно свойственны ценности веры, надежды, любви, труда, мудрости, лада во взаимоотношениях с близкими и дальними». Анализируя «Слово о законе и благодати» и «Домострой» («фундаментально важные документы русского самосознания»), которые выступают «программными выразителями души русского человека»), он выделяет ряд важнейших жизненных ценностей, имеющих непреходящий характер, таких как взаимоуважение, трудолюбие, скромность, отзывчивость, заботу о близком, самообладание, ответственность перед людьми и Богом⁵¹. Методология исследования русских, предложенная автором, предполагает выявлять не антропометрические характеристики русского этноса, но постигать этические свойства русского народа.

Как мы видим, важное место занимает религиозный подход к Русскому миру, согласно которому Православие выступило в качестве и духовного, и цивилизационного фактора создания Русского мира, а сам образ Русского мира отождествляется с представлением о русской (или российской) православной цивилизации⁵².

⁵¹ Зимбули А.Е. Русский этос («Вечно нам жить, вечно нам плыть?») // Там же. С. 127, 128.

⁵² См.: Расторгуев В.Н. «Русский мир» и цивилизационная идентичность // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия 2015. Вып. 3 (59). С. 156.

Исследователь В. Д. Попков предлагает аналогичный подход, позволяющий подойти к пониманию метафизического осмысления Русского мира как *религиозной идеи* с опорой на русскую философскую традицию: «Религиозные ориентиры оценки взаимодействий индивидов и составляют философское ядро Русского мира». Он считает, что в основе концепта Русского мира может лежать православная этика взаимодействий, формирующая особую реальность вокруг носителей идеи Русского мира на уровне их повседневных практик и определяющая их образ мыслей⁵³. Тем самым Русский мир понимается не как этническая или расовая категория. Среди современных исследований Русского мира достаточно большое количество работ, посвященных классическим именам русской философии, которые внесли существенный вклад в формирование концепта Русского мира. Исследования посвящены Ф. М. Достоевскому, Н. А. Бердяеву, И. А. Ильину и др.⁵⁴.

1.2. Культурологическое измерение Русского мира.

Русский мир и русскость.

Актуализация концепта «Русский мир» является объективным процессом, обусловленным спецификой исторических трансформаций, которые в настоящее время переживает Российская Федерация. Главной особенностью этих трансформаций является сдвиг доминанты с материальных (экономических и др.) аспектов жизни на духовные процессы самоопределения человека и народа, без которых становится невозможным даже физическое выживание социума (вымирание русских – это следствие разрушения семьи как результат упадка нравственности). В настоящее время,

⁵³ Попков В.Д. Русский мир. Философские рамки понимания проблемы // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 27, 34.

⁵⁴ Соловьев В.М. Модели русской национально-культурной идентичности И. А. Ильина // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 2 (831). С. 223; См.: Пономарев Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 222–243.

как отмечает В.А. Ремизов, «в культуре осмысления экономического и социально-политического бытия социума, доминанта должна (и необходимо обязана) исходить из одухотворения социального бытия высшими личностными смыслами»⁵⁵.

Тем самым исследование этого концепта в его культурологическом измерении будет результативным, если:

1. Анализ концепта Русского мира будут опираться на значимые факты культурной и социальной истории цивилизации. 2. Интерпретация этих фактов будет опираться на богатую традицию русской философской и культурологической мысли. 3. Исследование будет осуществляться в рамках мировоззрения, основанного на русской культурной и религиозной традициях.

Духовные основания цивилизации Русского мира в философском и культурологическом контексте исследуются сегодня многими современными авторам, среди которых В. Н. Тростников, К. А. Кокшенёва, С. В. Полторацкая, Е. Р. Пономарев, Е. Ф. Казаков, В. Россман и др.⁵⁶. В этих и других исследованиях есть весьма продуктивные выводы и наблюдения, имеющие значимость для нашего исследования. В монографии К. А. Кокшенёвой исследуется концепт «русская культура» последней трети XX – первых десятилетий XXI века на материале огромного массива текстов научного, художественного, публицистического характера. Автор выделяет константы русской культуры, в которых в значительной мере и выражена искомая русскость русской культуры⁵⁷.

Обращение к «русскости», русской культуре, Русскому миру сегодня является не только предметом исключительно научного интереса, это имеет стратегическое значение, поскольку нашей культуре и национальной

⁵⁵ Ремизов В.А. Культура личности как ресурс развития общества: к постановке проблемы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 5(43). С. 17.

⁵⁶ Полторацкая С.В. Ф.М. Достоевский и И.С. Шмелев: проблема «русскости» // Труды Белгородской духовной семинарии. 2018. С. 134-142; Пономарев Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Studia Litterarum. 2021. Том 6, № 3; Россман В. Платон как зеркало русской идеи // Вопросы философии. 2005. №4 и др.

⁵⁷ Кокшенева К.А. Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования. М., 2019. С. 7.

идентичности в последние десятилетия был нанесен серьезный урон. Современные исследователи отмечают особую значимость русскости на фоне происходящих катаклизмов, вызванных неолиберальными реформами. «Искомая “русскость”, – пишет известный исследователь данной темы В. Ю. Даренский, – даже независимо от того, какой смысл люди вкладывают в это понятие, в настоящее время стала мощным, а возможно, и решающим фактором возрождения народа и развития государства»⁵⁸. Введение в научный оборот понятия «русскость» у К. А. Кокшенёвой и ряда других авторов представляется инновационным и плодотворным как для понимания специфики русской культуры по сравнению с европейской, так и для раскрытия содержания концепта «Русский мир» как самобытной цивилизации. В данной диссертации будет раскрыта и развита указанная культурологическая трактовка Русского мира.

В свою очередь, исследователи отмечают своеобразное качество русской культуры, как её «открытость», своего рода «ускользание от определений». Русскость предстает как непостижимая вселенная духа, которая очевидно требует нестандартных методов исследования, поскольку и сам «дух» не может быть исследован строго научно, как это происходит в естествознании. Область духа - это «непостижимая вселенная». Множество авторов, глубоко исследовавших данный вопрос, акцентируют внимание на открытости русскости, которая основывается на открытости русской души и самой России как цивилизации, всегда открытой новому.

Именно поэтому, несмотря на интенсивную исследовательскую энергию и, соответственно, огромный теоретический задел, следует признать отсутствие консенсуса в научном мире относительно того, что следует понимать под русскостью. Вот некоторые мнения по этому вопросу из различных областей гуманитарного знания, давно и глубоко занимающихся

⁵⁸ Даренский В.Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. №1. С. 52. См.: Марков А.П. Образы и сценарии будущего в отечественной гуманитарной мысли // Вестник культуры и искусств. 2023. № 1.

данной проблематикой: «Как свидетельствует история, понятие «русскость» исследовали лучшие умы России, но до сих пор единственной, научно признанной парадигмы этого сложного явления нет»⁵⁹; «Русскость остается неподатливым бессознательным, изменчивым, неопределенным и самоотрицающим феноменом, непередаваемым в прозрачные термины и универсальные формы»⁶⁰; «Непонятно, что такое современная Россия, российскость/русскость, в чем *общее благо* для конкретного территориального сообщества граждан»⁶¹.

Характерным является также такое определение: «Одним из актуальных и многогранных вопросов современности является вопрос о *русскости*. Многие ученые и мыслители, как отечественные, так и зарубежные, предпринимали попытки постижения этого феномена, но каждый раз, казалось бы, уже найденный ответ ускользает в последний момент, и взору исследователя предстает нечто нецелостное, незавершенное, необъятное и недопонятое, взору открываются только некоторые грани этой поистине **непостижимой вселенной духа** (выделено – Ю.К.) и бытия – *русскости*»⁶²; «В чем заключается «русскость русскости», и вообще, есть ли она (?) – вопрос непростой и до сих пор открытый»⁶³.

Необходимо здесь уточнить значение «открытости», которое означает невозможность достижения полноты определения относительно любого феномена и области знания. Как методологический принцип открытость указывает на невыявленную сущность, скрытую от непосредственного наблюдения, выявление которой может быть неограниченным. Открытость русской души поэтому не препятствует его исследованию, но раскрывает их

⁵⁹ Верещагин С.Г., Верещагина А.В. Там же. С. 26.

⁶⁰ Ярская-Смирнова Е.Р. Русскость как диагноз // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 1. С. 197. С. 200.

⁶¹ Фишман Л., Мартынов В. Если не урок, то проект. Ставка на лучшую Современность для человечества как шанс для России // Россия в глобальной политике. 2022. Том 20. № 4(116). С. 85.

⁶² Огнева Е.А. Художественный формат концепта русскость как когнитивной доминанты в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. С. С. 31.

⁶³ Казаков Е.Ф. Душа русской культуры: к определению понятия // Вестник КемГУКИ. 2017. №45. С. 143.

специфические черты. На наш взгляд, здесь все же с точки зрения большинства существующих «наук о духе» необходимо посмотреть на предмет исследования с иной методологической точки зрения. Отсутствие общепринятой научной парадигмы продиктовано самим «предметом» исследования, его пока ещё неохватностью существующих естественных рациональных подходов.

Неслучайно Тютчев сказал, что «умом Россию не понять». И к этим словам великого русского поэта и дипломата стоит прислушаться внимательнее, не считая их, как это часто бывает, всего лишь поэтической метафорой, превозносящей некое избранничество России, ее недоступность и непроницаемость для других народов и культур. Эти слова выражают типологическую черту культурного своеобразия России и в этом смысле являются философским концептом, выраженным в нетрактатной форме, характерной для научной философии. Здесь важно поставить вопрос: каким умом? Каким умом невозможно понять Россию? Если обратиться к контексту греческой философской культуры, то мы встречаем как минимум два понятия, которые переводим как ум. Это *рацио* и *логос*. Так вот Тютчев, очевидно, имел в виду *рацио*, то есть рациональное понимание России, которое в принципе невозможно. Но оно невозможно не только по отношению к России, но и к другим народам, к их ментальности, духовному строю, который выходит за рамки узко рационалистической методологии⁶⁴.

Слова Тютчева напрямую выводят нас к другому понятию древнегреческой философии – понятию *логоса*, самое первое упоминание о котором встречается уже у Гераклита. Для античной философии оно было одним из главных понятий, в котором были сконцентрированы самые главные свойства бытия в эмпирическом, сверхэмпирическом и социальном плане. В самом общем плане – это сверхрациональное начало Бытия, в

⁶⁴ Здесь следует сказать об уникальной методологии и уникальном опыте постижения чужих культур Космо-Психо-Логос, который был разработан отечественным философом и литературоведом, историком культуры Г. Д. Гачевым: Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М., 1995; Ментальности народов мира. М., 2008.

христианской традиции – Божественное начало, вторая ипостась Божественной Троицы, Сын Божий Иисус Христос, о котором много говорили отечественные философы. В этом смысле часто русская традиция называется *логосической*, пронизанной духовной энергией Слова⁶⁵.

Сошлемся здесь на важную работу русского философа В. Ф. Эрн «Нечто о Логосе, русской философии и научности», которая является философской иллюстрацией слов Тютчева. В ней раскрыты отличия Ratio как «результата схематического отвлечения» от живой божественной стихии Λογος'а, и показано, что «субстанциональная пронизанность религией Слова, роднящей нас с «логизмом» восточнохристианского умозрения, – вот что составляет поистине оригинальную почву русской философской мысли»⁶⁶. Современные исследователи выделяют подобные воззрения в качестве важной составляющей национальной ментальности, имеющей высокий статус в российской интеллектуальной традиции. Ю. Маннхерц в статье «Иррациональное в русской истории» пишет о том, что представление об особом всеохватном характере русской мысли, преодолевающей границы чисто рациональной традиции, вдохновляло многих мыслителей – от П. Я. Чаадаева до И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского, М. М. Бахтина и Льва Шестова. Они подчеркивали тот особый вклад, который могла внести в более полное понимание жизни философия, не ограниченная формальными структурами рациональной логики⁶⁷. Открытость русской культуры и, соответственно, Русского мира как её цивилизационного носителя, приводит к необходимости рассматривать сам Русский мир как концепт, имеющий многомерное, не до конца определенное

⁶⁵ См.: Океанский В.П. Русская словесная культура в контексте цивилизационной метаистории. Иваново, 2017; Слово в русской логоцентрической культуре: Сб. материалов / под ред. В.П. Океанского. Шуя, 2013; Проблема имени в русской словесной культуре: Сб. материалов под общ. ред. В.П. Океанского. – Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2013; Имя и чаша. Сб. науч. трудов. в 2-х тт. /под ред. В.П. Океанского. – Иваново: Центр кризисологических исследований, 2012.

⁶⁶ Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991. С. 85.

⁶⁷ Маннхерц Ю. Иррациональное в русской истории. С. 18.

содержание, но вместе с тем имеющий инновационный и актуальный характер.

За последние два десятилетия появилось достаточно большое количество исследований, посвященных изучению феномена русскости в различных измерениях: этнографическом, филологическом, лингвокультурном, культурно-историческом, этическом, политологическом, этнополитическом, этнопсихологическом, социально-антропологическом, религиозном, ментальном, философском⁶⁸. По своей сути, русскость есть основа национального менталитета русского народа, основной маркер его национальной идентичности⁶⁹. Это позволяет шире исследовать концепт русскости, чтобы попытаться определить ценностные и смысловые основы Русского мира, через выявление его духовно-нравственного ядра. Культурно-философский подход в вопросе с точки зрения выявления категории национального менталитета позволяет определить путь, выходящий далеко за рамки узкой парадигмы «национализма», при этом избежать расстворения в лишенном корней и всяческой идентичности «глобализме»

Мы полагаем, что наиболее значимые работы, посвященные культурно-философским аспектам русскости, принадлежат известному российскому философу, историку русской философии, а также специалисту в области философии образования А. А. Королькову. Среди его многочисленных работ необходимо выделить следующие: «Русскость

⁶⁸ См.: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛЮ, 2011. 384 с.; Полторацкая С.В. Ф. М. Достоевский и И. С. Шмелев: проблема «русскости» // Труды Белгородской духовной семинарии. 2018. С. 134-142; Котов А. Э. Русский национализм и православие во второй половине XIX в. // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 248–257; Хейдари М. Русскость – всемирность в ценностном (аксиологическом) поле героев фантастических произведений А. Платонова 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 256-258; Огнева Е.А. Художественный формат концепта русскость как когнитивной доминанты в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. С. 30-44. Ерохина Т.И. Репрезентация русскости на современной сцене: отечественный театр в поисках идентичности // Мир русскоговорящих стран. 2019. С. 92-102; Гиматдинова А.Р., Недашковская Н.И. Методология исследований наций и национализма в современной российской историографии (на материале концепта «русскости») // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 232–247 и др.

⁶⁹ Верещагин С.Г., Верещагина А.В. Русскость как категория национального менталитета русского народа // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Том: 10. № 4 (37). С. 25.

культуры, русскость философии», «Спасительная миссия культуры», «Духовный смысл русской идеи», «Быть или не быть собой русскому человеку?», «Георгий Свиридов и традиции русской духовной культуры», «Парадоксальная душевность Андрея Платонова», «Культура как культ предков. Философская публицистика Валентина Распутина», «Русская культура – культура духовная» и др.⁷⁰.

В этих и других работах автора представлена многомерная реконструкция концепта русскости; раскрыто его содержание как фундаментального основания русской культуры; проанализированы парадоксы русскости и русского; определена соотнесенность с такими понятиями как русская душевность, отзывчивость, поэтичность, всемирность; показаны проявления подлинной русскости в литературе, искусстве, музыке, религии, повседневной жизни; выявлены отличия этнических и духовных аспектов русскости, а также русскости и русскоязычности; намечены пути сохранения русскости в мире, из которого стремительно убывает русскость вот уже несколько десятилетий.

В работе «Русскость культуры, русскость философии» А. А. Корольков обращает наше внимание на тот факт, что в словаре В. И. Даля нет определения понятия «русскость», но это никоим образом не делает самого автора нерусским. А. А. Корольков отмечает, что разговор о русскости не исключителен, и, например, И. Г. Фихте в знаменитых «Речах к немецкой нации» писал о немецкости своего народа. Исследователь отмечает, что русскость воспринимается как неологизм, поскольку это слово появляется в критический момент, когда само явление стало убывать из всех сфер культуры. То есть слово появляется тогда, когда возникает опасность гибели того, что оно обозначает, наподобие появлению экологии в ситуации возникшей угрозы над природой, а культурологии в ситуации, когда пошатнулась сама культура⁷¹. Язык выступает здесь в качестве защитного

⁷⁰ Среди монографий А. А. Королькова необходимо выделить следующие: Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб., 1998; Корольков А.А. Органика культуры. Бийск, 2011.

⁷¹ Похожую точку зрения высказывает исследователь С. В. Полторацкая: «В начале XX века проблема «русскости» становится судьбоносной в связи с революционными событиями, особую

механизма, а не просто как средство коммуникации. Это во многом объясняет закономерность появления лексемы «русскость»: сам язык, его духовный ресурс породил это слово, которое стало спасительным в ситуации угрозы исчезновения русского как такового в результате либеральной политики дерусификации, которая была доминирующей в постсоветский период в течение трех десятилетий.

Глубоки, ёмки и поэтичны определения русскости, которые дает А. А. Корольков. Так, он пишет, что «Русскость культуры – это проявление, выплеск глубинной народной души, ее потаенных и вместе с тем самых определяющих, субстанциональных особенностей». Или такое определение: «Русскость – менее всего характеристика этническая, это качество души и сердца»; «Русскость есть наполненность души человека любовью к Родине, к ее культуре в самых глубинных, сокровенных проявлениях, любовью не эгоистической, а распахнутой в мир, при этом не теряющей своей неповторимости, самобытности. Русскость – это проявление русской национально-культурной идентичности»⁷².

Очень емкое метафоричное определение русскости – «выплеск глубинной народной души», позволяющий прикоснуться к сокровенным началам этого явления, увидеть, как оно появляется, зарождается, бытует в различных сферах жизни и культуры. Насколько оно в конечном счете органично для национального самосознания. Важны размышления автора над парадоксами русскости и русского, связанные с несовпадением с этническими характеристиками. «Русский может совсем не быть носителем русскости, – пишет автор, – между тем как носитель африканской крови способен стать высшим проявлением русскости, что и продемонстрировал в нашей истории

актуальность она приобретает для русского зарубежья, так как после октябрьского переворота жизнь для многих людей науки и искусства в России оказалась невозможной, они были вынуждены эмигрировать» (Полторацкая С.В. Ф.М. Достоевский и И.С. Шмелев: проблема «русскости». С. 135).

⁷² Корольков А.А. Русскость культуры, русскость философии // Корольков А.А. Органика культуры. Бийск, 2011. С. 6, 9, 11.

русский гений Александр Сергеевич Пушкин»⁷³. Что говорит о факте обладания русским менталитетом представителя любой национальности, не обязательно русского с точки зрения происхождения. Откуда следует такой важный вывод: «Всемирность русской культуры, всемирная отзывчивость не уничтожают реальность русскости»⁷⁴.

Кроме А. С. Пушкина, в подтверждение своего тезиса А. А. Корольков снова апеллирует к В. И. Даю, отмечая, что отсутствие у него таких расхожих показателей как этническая принадлежность (немецкая и датская родословная) и православная воцерковленность (лютеранин) не помешало ему редчайшим образом чувствовать и проявлять русскость в культуре всем своим творчеством и стать олицетворением русскости в словесности. Характеризуя сверхрациональное чувство русскости у Даля, исследователь пишет: «Вот это неуловимое, неформализуемое чувство звучания русского слова, его потаенной основы, его корневого происхождения – это и есть тайна русскости великого лексикографа»⁷⁵.

Как же определить подлинную русскость и где ее искать? Есть ли вообще какая-то методология уловления этого едва уловимого явления? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться не только к культурологии, но и к психологии: «Откликается ли душа человека на родное в культуре, живет ли она в соборном единстве своего народа? Без этих вопросов не обойтись при оценке русскости в культуре. Русская душевность, отзывчивость, поэтичность противостоят всякому формализму, сухости, черствости»⁷⁶. Это близко тому, что сказал митрополит Калужский и Боровский Климент: «Русскость – это еще и особое состояние духа, свойство души человека»⁷⁷. Исходя из этого, можно

⁷³ Корольков А.А. Там же. С. 9.

⁷⁴ Корольков А.А. Там же.

⁷⁵ Корольков А.А. Там же. С. 12.

⁷⁶ Корольков А.А. Там же. С. 11.

⁷⁷ Климент, митр. Калужский и Боровский. Митрополит Климент: Русскость – это особое состояние человеческой души. Режим доступа: <http://www.narodsobor.ru/events/orthodoxy/7946-mitropolit-kliment-russkost-eto-osoboe-sostoyanie-chelovecheskoj-dushi>

дать такое расширенное определение русскости как способность души откликаться на проявления родного в культуре.

В этом контексте важно различие русскоязычности и русскости, которые абсолютно не тождественны. Большая политическая ошибка заключается в том, что само понятие «русские» воспринимают как исключительно «русскоязычное население». Это подмена, которая фактически исключает русскость, русский народ, русскую культуру. Равно как и нельзя допускать замещение русского российским, когда исчезают понятия «русский народ», «русская литература», «русская музыка», «русская идея». Автор ссылается на известную фразу Георгия Свиридова, что «россиянином может стать и папуас». Он акцентирует наше внимание на важном вопросе: «Нелепо называть Пушкина, Достоевского, Шукшина, Распутина российскими писателями, они русские писатели, они выразители русскости в литературе, которую совершенно определенно называют русской литературой»⁷⁸.

Один из авторов, исследуемых в цитируемой работе А. А. Королькова, Василий Шукшин – наиболее глубокий из современных выразителей русскости, которому он посвятил много внимания. Исконно русское страдание, проходящее рефреном через все творчество писателя⁷⁹. Это говорит о глубоком антипсихологизме русской душевности, которая является хранителем антропологической тайны, тайны человека. Определяющими здесь являются известные слова Ф. М. Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»⁸⁰. Собственно, и все творчество писателя, и творчество русских философов в

⁷⁸ Корольков А.А. Духовный смысл русской идеи // Там же. С. 87.

⁷⁹ Корольков А.А. Там же. С. 81-82. «Превратившаяся в психику русская душа теряет русскость» (Казаков Е.Ф., Чеснокова Е.А. в статье «К проблеме русской национальной идентичности» // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 34).

⁸⁰ Достоевский Ф.М. О русской литературе. М., 1987. С. 317.

дальнейшем посвящено человеку, его духовным и нравственным измерениям как наиболее существенным.

И конечно же, важнейшей задачей является сохранение русскости: «Остаться русским, сохранить русскость – значит, нести в себе духовность, сокровище нашей истории, духовность русскую, соединив в себе вселенские истины христианства с сердечной восприимчивостью, давшую то, что называл И. А. Ильин просветленной чувственностью, христиански просветленной чувственностью»; «Коль удержим в себе русскость, русскую душу, русские характеры, русскую культуру, русские исторические традиции, будем интересны и ценны другим народам». Безусловно, религия в сохранении русскости играет определяющую роль: «Без опоры на Церковь, на евангельские заповеди, на молитву не может удержаться православная духовность, а стало быть, и основной стержень русскости»⁸¹.

Необходимо сказать и о националистических, основанных на биологической трактовке этничности теорий, основой которых является «кровь и почва», а не дух и число которых увеличилось с момента распада Советского Союза. Вот типичное мнение: «Новое понимание этничности дает недвусмысленный и шокирующий ответ на сакраментальный вопрос русского национального дискурса: что значит быть русским, что такое русскость? Русскость – это не культура, не религия, не язык, не самосознание. Русскость – это кровь, кровь как носитель социальных инстинктов восприятия и действия. Кровь (или биологическая русскость) составляет стержень, к которому тяготеют внешние проявления русскости»⁸².

Биологическая сторона русскости никогда не была предметом серьезной рефлексии выдающихся русских мыслителей, ученых, писателей, интерес которых был сосредоточен на духовных и нравственных аспектах национального самосознания, имеющих вселенское и всечеловеческое измерение. В этом смысле данные теории всегда были предметом острой

⁸¹ Корольков А.А. Там же. С. 86.

⁸² Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории. М., 2008. С. 464.

критики, поскольку они не соответствуют духовной природе русскости, всей отечественной культуры⁸³. Не вдаваясь в критику этой теории, приведем лишь одно авторитетное мнение известного историка русской философии Н. П. Ильина: «Концепция автора настолько ошибочна с точки зрения современной генетики (и эпигенетики), что теоретический спор с нею лишен всякого научного интереса»⁸⁴. С методологической точки зрения важно понимать, что биологический аспект не может играть основную роль в идентичности, поскольку её носителем является не тело, а личность: как пишет В. А. Ремизов, «личность является прямым культурогенным субъектом, воплощающим себя в культуре»⁸⁵. Как писал классик мировой социологии П.А. Сорокин, «ряд существенно важных черт русской нации включает в себя ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательную стойкость, исключительное стремление со стороны ее членов к самопожертвованию ради ее спасения и процветания, чрезвычайный территориальный, политический, социальный и культурный рост и рост ее населения в течение ее исторического существования»⁸⁶.

Однако на самом деле этнический аспект русскости состоит вовсе не в «крови», а в определенной культурной и ментальной традиции русского народа, которая формировалась много веков и остается неизменной, не смотря на сильную деформацию в XX веке. Именно такое понимание этнической составляющей цивилизации Русского мира мы находим, например, в следующих словах патриарха Кирилла: «Говоря о духовных скрепах нашего единства, мы не имеем права забывать, что главным творцом отечественной

⁸³ Не занимаясь в данной работе специально этим вопросом, отметим, что отличия просвещенного национализма, ориентированного на христианский духовный идеал, от этнического шовинизма нашли глубокую проработку в статье: Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 4. С. 143-157.

⁸⁴ См.: раздел Приложение в кн.: Астафьев П.Е. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура. М., 2021. С. 552.

⁸⁵ Ремизов В.А. Культура личности: ценностно-мировоззренческий анализ: монография. – М.: Изд. МГИКИ, 2000. – С. 31.

⁸⁶ Сорокин П.А. Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке / пер. с англ. А. Пауль // Молодая гвардия. – 1990. – № 10. – С. 189.

культуры является русский народ. При всей открытости нашей культуры, при всей разумной готовности принять в наши ряды человека любого происхождения, нам следует всегда помнить, что без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет и не имеет перспектив в будущем»⁸⁷.

В сегодняшнем исследовательском пространстве можно обнаружить различные дискурсы русскости, имеющие в том числе и метафорические репрезентации. Философское исследование какого-либо концепта уместно начинать с лингвофилософского анализа, который проясняет этимологию и семантику данного концепта, что является важным для понимания его философских оснований. Центральный предмет нашего исследования – это понятие «Русский мир», изучение его основополагающих смыслов невозможно без исследования смысловой нагрузки понятия «русскость». С точки зрения типологии «русскость» в ценностно-смысловом аспекте близка Русскому миру. Что не означает их идентичность. У «русскости» есть свои характерные особенности, которые в той или иной мере проявляются в Русском мире. Для определения разностей в данном вопросе необходимо использовать лингвокультурный и философско-культурный анализ, что позволит расширить рамки изучения самого понятия Русский мир.

Размышления относительно сущностной открытости русской души и сверхрациональности русской культуры необходимо учитывать при изучении различных аспектов русскости, чтобы не поддаваться соблазну дать полное рационалистическое истолкование этих феноменов. В этой ситуации весьма плодотворным является лингвофилософский анализ феномена русскости, поскольку язык связан на глубинном онтологическом уровне с картиной мира того или иного народа, в нем отражаются и сознательное, и бессознательное его проявления. О картине мира написано невероятно много, но мы укажем на

⁸⁷ Святейший Патриарх Кирилл. Вступительное слово на открытии XVIII Всемирного русского народного собора 11 ноября 2014 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (дата обращения 24.10.2024)

одну работу, в которой, с нашей точки зрения, данное понятие раскрыто с максимальной полнотой. Речь идет о книге Р. Гвардини «Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность», в которой раскрывается художественный мир поэта через последовательную реконструкцию пяти кругов: поток и гора; человек и история; боги и религиозное отношение; природа; Христос и христианское⁸⁸. В последнее время также появились интересные явления, связанные с различными аспектами картины мира русской культуры⁸⁹.

Обратимся к некоторым лингвистическим данным относительно лексико-семантических и этимологических особенностей понятия «русскость», его репрезентации в языке, которые углубляют его понимание как ментального концепта, выражающего корневые свойства народной жизни русских людей. Известный советский и российский ученый-русист, один из отечественных пионеров лингвофилософского анализа русской ментальности В. В. Колесов писал: «Мы говорим о народной русской ментальности, которая сегодня многократно перекрыта давлением извне, влияниями и заимствованиями внешних форм; это привело к некоторому искажению коренного свойства «русскости», но главное – к частому отходу от внутренней логики собственного развития. Это приводило и приводит к поиску самого себя в глубинах собственного национального сознания, в попытках определиться как народно-самобытный тип. По-видимому, такая задача должна быть решена»⁹⁰.

Созданный В. В. Колесовым «Словарь русской ментальности» во многом является выполнением такой задачи⁹¹. «Глубокие погружения В. В. Колесова в «русскость», – пишут его коллеги, – заданную нашим Словом, возбуждают

⁸⁸ Гвардини Р. Гёльдерлин. Картина мира и боговдохновенность. СПб., 2015.

⁸⁹ См.: Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 690 с.; Даниленко В.П. Картина мира в пословицах русского народа. СПб.: Алетейя, 2017. 466 с.; Ужанков А.Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры. М.: Институт Наследия, 2022. 213 с.

⁹⁰ Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. С. 3.

⁹¹ См.: Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2т. Т.1. А–О. СПб.: Златоуст, 2014.

мысль и побуждают к дальнейшим поискам»⁹². Лингвистические «погружения в русскость», в ее философскую стихию обогащают одновременно и лингвистический, и философский аспекты культуры, раскрывают ее глубинные ментальные особенности.

В рецензии на этот труд А. М. Камчатнов отметил: «Россия, русские, русскость, начиная по меньшей мере с князя М. М. Щербатова, всегда были предметом философской рефлексии. Что нового может сказать на эту тему лингвист? Цель его – желание понять и объяснить коренные свойства русской духовности – ничем не отличается от целей множества великих и не очень философов, историков и культурологов. <...> «Словарь русской ментальности» – это и есть попытка объяснить, что такое русская душа, объяснить прежде всего нам самим, а потом уже и всем, кто этого пожелает»⁹³.

Выявление русскости в языке более конкретно в религиозно-философских текстах, реконструкция концептов, отражающих специфику русского менталитета с древнейших эпох до настоящего времени – это сущность лингвокультурного метода. Различные лингвистические аспекты концепта «русскость», его бытования в стихии русского языка и в контексте литературного произведения в качестве концептосферы художественного текста и как категория этнопоэтики русской словесности изучается в работах А. С. Горшуновой, Н. Г. Глебовой, С. Г. Воркачевой, Г. В. Афанасьевой-Медведевой, Л. А. Климовой, В. Н. Захаровой, С. В. Шешуновой, Е. А. Огневой, В. П. Трыковой, А. Н. Смолиной, Е. Ю. Литвиненко, Л. Ю. Федоровой и др.⁹⁴. Исследователи отмечают различные лингвокультурные проявления концепта «русскость». «Феномен русскости как синоним

⁹² Время языка. Сборник статей памяти профессора В.В. Колесова / ред. С.А. Аверина, М.Б. Попов, Д.В. Руднев, Т.С. Садова, О.А. Черепанова, А.В. Голубева. СПб. : Златоуст, 2021. С. 251.

⁹³ <http://vvkolesov.ru/portfolio/slovar-russkoy-mentalnosti/>

⁹⁴ Захаров В. Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 7–19; Афанасьева-Медведева Г. В. Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина: Словарь: В 2 т. Иркутск, 2017. 432 с.; Шешунова С. В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И. С. Шмелева. М.: Ленанд, 2017. 194 с.; Трыков В.П. Константы «русскости» и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена-Мельхиора де Вогиюэ «Русский роман» // Rhema. Рема. 2017. № 3. С. 21–39.

национальной и этнической идентичности, его отражение в языке, культуре и сознании – один из важнейших объектов изучения лингвистики и лингвокультурологии»⁹⁵; «Этническая родина отличается от гражданской своей большей устойчивостью и более глубокой укорененностью в общественном сознании: не прошло и двух десятков лет, а от Советского Союза остались лишь смутная ностальгия, надписи на майках и призыв на лестнице Мамаева кургана «За нашу советскую Родину – СССР», а «русскость» по большому счету никуда не делась»⁹⁶; «Концепт «русскость», несомненно, обладает повышенной культурной и ценностной значимостью, его конкретное концептуальное содержание варьируется от эпохи к эпохе, но в своих основах остается неизменным»⁹⁷; «Рассматриваемый нами художественный концепт «русскость», репрезентированный в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам», – это концепт, воплощающий трагизм и величие русского народа в переломный период его истории, на излете существовавшей империи»⁹⁸.

Анализ лингвосемантического содержания культурологического знания, представленного в философском языке России, предпринят в работе известных новосибирских философов В. Ш. Сабирова и О. С. Соиной. Авторы полагают, что философская рефлексия включает в себя ряд основополагающих понятий русской религиозной философии, воплощенных в специфическую лексику, в основном свойственную именно этой духовно-

⁹⁵ Горшунова А.С. Феномен «русскость» в мультимодальном аспекте (на материале короткометражного фильма «Russian Cyberpunk Farm // Русская кибердеревня») // Политическая лингвистика. 2022. № 3 (93). С. 50. См.: Климкова Л.А. Феномен русскости: языковая экспликация // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Саров, 2016. С. 381–389; Фахрутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново, 2000. 204 с.

⁹⁶ Воркачев С.Г. Что есть Родина? Идея патриотизма в русской лингвокультуре // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2 (26). С. 77.

⁹⁷ Глебова Н.Г. Коннотативно-оценочный потенциал слов — репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке // Научный диалог. 2017. № 11. С. 26. См.: так же диссертационное исследование автора: Когнитивные признаки концепта «русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке. Диссер. на соискание уч. степени ... кфн. Н.-Новгород, 2018. 223 с.

⁹⁸ Огнева Е.А. Художественный формат концепта РУССКОСТЬ как когнитивной доминанты в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. С. 42.

интеллектуальной традиции: русская идея, всеединство, София, соборность, Богочеловечество, русский космизм, космодицея и др. Эти понятия могут выступить основанием для культурного единства нашего Отечества, поскольку являются отражением и выражением специфики русского менталитета. При этом исследователи делают важный вывод: «Несмотря на «русскость» многих слов и понятий, которыми оперировали отечественные мыслители, они в содержательном плане выходят за рамки отечественной культурной традиции и обладают универсальным значением, благодаря чему русская философия Серебряного века становится читаемой и почитаемой не только в нашей стране, но и за ее рубежами <...> русская философия не только обогатила лексическое содержание философского знания, не только углубила наши представления о мире, человеке в его гражданском и социальном бытии, истории, включая Русский мир, русского человека и русскую историю, но и вследствие этого имеет также несомненное праксиологическое значение, ибо служит духовной и интеллектуальной основой преобразования человека и мира»⁹⁹. В частности, продуктивный и во многом новаторский подход представлен в создании с помощью *теолингвистического метода* словаря русской христианской лексики духовно-нравственного содержания, в котором будут представлены языковые единицы, обозначающие основные христианские идеи¹⁰⁰.

Основной вывод заключается в том, что понятия, составляющие ядро христианского вероучения, несут в себе основные смыслы христианской этики и культуры. Это три понятия – спасение, обожение и смирение, они представляют собой православные теологемы русскости, имеющие светские этические эквиваленты в литературно-философских текстах, в которых обнаруживается по преимуществу сотериологическая доминанта¹⁰¹.

⁹⁹ Сабиров В.Ш., Соина О.С. Философский язык России как фактор ее культурного единства // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 2. С. 9.

¹⁰⁰ Смолина А.Н. Русская христианская лексика духовно-нравственного содержания: краткий словарь (лексикографический проект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 4. С. 1097.

¹⁰¹ Смолина А.Н. Там же. С. 1093.

Исследование русской словесности в контексте православной культуры представлено в книге И. А. Есаулова «Пасхальность русской словесности»¹⁰².

Лингвофилософский анализ помогает нам выявить этот духовный инвариант «русскости», который также является инвариантом русской культуры на всем историческом периоде ее существования. Таким инвариантом выступает, прежде всего, позитивно-оценочный коннотативный фон, реализованный в следующих семантических дериватах, имеющих отношение к русским национальным идеалам и ценностям. Это русский дух, русский характер, русская душа и т.д.

В работе Е. А. Мостовщиковой «Светлый образ России» исследуются истоки русской духовной традиции, которая формировалась под влиянием Кирилло-Мефодиевского наследия. Православие на много столетий становится основной почвой для развития духовных практик на Руси. И самым высшим проявлением духовности у человека в русской традиции становится святость как «архетип духовной жизни, ставший идеалом для всех последующих поколений»¹⁰³. Автор обозначает довольно распространенную точку зрения на тождество русского и православного, которая была широко распространена в дореволюционной России, а сегодня возрождается. Русскость здесь определяется как стремление к святости, это есть истинно духовный идеал, значительно отличающийся от западноевропейского, где социальный престиж, материальный успех – на первом месте в иерархии ценностей.

Это идея, идущая от славянофилов, – отождествлять русское и православное. Православие воспринималось как наиболее подходящее для русской души, ее особого склада, идеально подходящего для православной духовности. Со временем эта идея вышла за славянофильские круги. «Русскость с православием отождествляли не только славянофилы, но и близкие к ним мыслители: Н. П. Гиляров-Платонов, К. П. Победоносцев,

¹⁰² Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. С. 549.

¹⁰³ Мостовщикова Е.А. Светлый образ России // Там же. С. 169.

«почвенники» и «западнорусисты»,¹⁰⁴ – отмечает современный исследователь. Это так, поскольку эта идея, обладающая огромной духовно-творческой силой преодолевать «разрывы» национально исторического бытия.

Интересен в этом отношении такой мыслитель русского Зарубежья, как Н. Арсеньев. В статье «Духовные силы в жизни русского народа» он определял русскость как особое качество души, сформированное Православием: «Суровый подвиг личный, соединенный с любвеобильным служением ближнему, смирение и трезвенность и простота, детская простота сердца, сочетающаяся с великой мудростью духовной, с даром “различения”, духовный такт и горение духа, просветляющее всю окружающую духовную атмосферу (как мы имеем, например, в лице Серафима Саровского), – вот характерные черты высшего проявления в жизни русского народа этих творческих и при том свыше, из другой, сверхсубъективной области приходящих сил, свидетельствующих о другой, высшей действительности»¹⁰⁵.

Как пишет исследователь славянофильства А. Д. Каплин: «Славянофилы поняли гибельность петровского пути, необходимость преодоления разорванности русского самосознания (на светское и церковное, образованное и простонародное), необходимость возвращения «домой»: и в Церковь, и к единственно спасительному русскому пути – пути Святой Руси»¹⁰⁶. Именно славянофилы как «светские богословы» и основоположники светской русской философии, имеющей религиозный характер, заложили начало непрестанной и глубокой рефлексии о России, её сущности, пути, самобытности.

А. А. Корольков пишет по этому поводу: «Русские философы размышляли не о чистоте крови, а о чистоте помыслов, идеалов, о правде жизни, поэтому философия наша была озабочена спасением России как духовного материка, пристанище на котором может найти человек любой

¹⁰⁴ Котов А.Э. Русский национализм и православие во второй половине XIX в. // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 250.

¹⁰⁵ Арсеньев Н.С. Из русской культурной и творческой традиции. – London: Overseas publ. interchange, 1992. – С. 287.

¹⁰⁶ Каплин А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М., 2011. С. 597-598.

нации»¹⁰⁷. Здесь в значительной мере выражена и суть духовных исканий русской философии, и сущность русскости. Действительно, *духовная сущность русскости* – исследовалась многими философами, писателями и учёными России во все времена. Так, у А. С. Хомякова речь идет о «русском духе», В. С. Соловьев и Н. А. Бердяев говорят о «русской идее», С. Л. Франк употребляет выражение «русское мировоззрение» и т. д.

Важным аспектом является то, что положительное качество «русскости» усиливается сочетаниями с оценочными наречиями: истинно русский, истинно русский человек, истинно русское сердце и т. д. С этой точки зрения важна положительная ассоциативная сторона, где происходит взаимопроникновение понятий русский/родной: русское лицо, русская природа, русская земля. Подобная положительная импликация происходит и в плоскости патриотизма и связанной с ним православной веры: русский народ, вера русская православная. Также здесь фиксируется негативно-оценочный коннотативный фон, реализованный в следующих семантических дериватах, тоже имеющих устойчивый характер: русский бунт, русское пьянство, русская тоска; русская лень, русский авось. Негативно-оценочный фон автор находит также в таких дериватах как русофоб, русопят, антирусский, псевдорусский¹⁰⁸.

Здесь перед нами ассоциация русского с чем-то негативным и угрожающим. Негативные характеристики русскости имеют явный оценочно-идеологический характер, прямо направленный на искажение, примитивизацию и вульгаризацию образа России. При этом выявление этих свойств носит дилетантский характер: например, наряду с русским пьянством

¹⁰⁷ Корольков А.А. Русская духовная философия. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. С. 50. Вот еще важные мнения современных исследователей: «Неотделимость русской философии от русской жизни, событийность ее понуждает нас признать, что во всех своих началах, серединах и концах она была философским россиеведением, философией России, никакой другой быть не могла, а теперь и не станет» (Ермичев А.А. О «Русскости» русской философии: в ответ В. Н. Сагатовскому // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 112); «Россия превратилась для русской философии в важнейшую историософскую проблему, по сути, основную, на фоне которой онтологические, гносеологические и другие традиционные вопросы философского знания казались слишком школьными, отдающими духом западного отвлеченного схоластицизма» (Денисов А.А. Русская идея как основная проблема русской философии // Вестник омской православной духовной семинарии. 2022. № 2(13). С. 113).

¹⁰⁸ Глетьева Н.Г. Там же. С. 29-30, 32-33.

соседствует русская тоска. Если первое свойство однозначно носит негативный характер, то второе, наоборот, скорее, является выражением сокровенно-потаенных, глубинных свойств русского характера.

Важно отметить и исторический аспект этой проблемы. В свое время Н.М. Карамзин писал: «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам? Любовь к Отечеству питается сими народными особенностями, безгрешными в глазах космополита, благотворными в глазах политика глубокомысленного»¹⁰⁹.

Таковы были негативные последствия европеизации для народного духа. Далее Н.М. Карамзин развивает эту же мысль следующим образом: «Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование Михаила и сына его присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а *Святая Русь* – первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию – *неверным* или *братьям*?»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991. – С. 32.

¹¹⁰ Там же. – С. 34.

В течение XIX века данная проблема находилась в центре внимания отечественных мыслителей. Интересным является подход К.Д. Кавелина, который в известной статье «Наш умственный строй» писал: «В Европе, в силу исторических обстоятельств, личное, субъективное убеждение оставлено в тени; нам, по нашим историческим условиям, надо, напротив, с особенным вниманием разработать вопрос о субъективной истине, высвободить ее из-под давления истины объективной, вернуть ей права, отнятые по ошибке и недоразумениям, и самым точным образом разграничить между собою тот и другой вид истины... Уже теперь нам нельзя больше довольствоваться готовыми решениями и формулами европейской науки; часто приходится нам строго проверять их; но выполнить эту работу за нас никто не может»¹¹¹.

Уже в наше время исследователи констатируют наличие той же самой проблемы: «Когда Россия всерьез озаботилась вопросами собственной национальной идентичности, переживает сложные процессы внутреннего культурно-духовного упорядочивания и ищет пути рациональной интеграции в мировое сообщество, интерес к проблематике русского самосознания вышел далеко за рамки академических дискуссий. Более того: вопросы, связанные с русским самосознанием и межнациональными отношениями, сделались не только теоретическими, но и практическими»¹¹².

Продолжая тему о негативных характеристиках «русскости», необходимо отметить, что часто действуют устаревшие стереотипы, архайзирующие и искажающие актуальную действительность. Они, увы, появились не сегодня, но корнями уходят в прочно сформировавшиеся представления о России, основанные, мягко говоря, на не дружественном, а чаще откровенно русофобском к ней отношении. Так, преподаватели русского языка как иностранного выявляют ряд стереотипов о Русском мире, которые не

¹¹¹ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989. – С. 318.

¹¹² Строев Е.С. Проблемы российского самосознания // «Проблемы российского самосознания», Всероссийская конф. (2006, Москва–Орел) / Ред. М.Н.Громов и др. – М.: ИФРАН, 2007. С. 12.

соответствуют реальности и способны исказить представления о действительном положении дел в России. Среди таких стереотипов следующие: *водка, медведи, тройка, кокошник, балалайка, оливье, борщ, баня, матрешка* и др.¹¹³

На этом аспекте стоит остановиться подробнее, чтобы увидеть, каким образом экстралингвистические факторы влияют на формирование устойчивых концептов, своего рода лингвокультурных стереотипов негативного характера. Вообще, задача по развенчиванию недоброкачественных стереотипов о России – одна из постоянных, воспроизводимых с завидным постоянством вот уже в течение достаточно долго периода, практически с первых посещений иностранцами России. Как только Московское государство со второй половины XV века начинает робко и осторожно открываться для иностранцев, сразу формируется особый необъективный, предвзятый и часто откровенно антирусский дискурс, основанный на слабом знании и понимании особенностей национального характера. Происходит становление евроцентризма. К сожалению, не только западные исследователи, но и многие отечественные будут пользоваться этой евроцентричной моделью при оценке различных явлений русской национальной жизни, особенно в той части, которая касается ментальности народа, особенностей его духовной культуры.

Особо примечателен «антирусский памфлет» маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году», который изобилует явно тенденциозными недоброкачественными инвективами в адрес России, русского народа, которые, к сожалению, хоть и были встречены с возмущением русской общественностью, однако получили широкое распространение как в России, так и за рубежом. Характеризуя это произведение, исследователь пишет: «Пожалуй, нет таких отрицательных черт характера, которые не были бы

¹¹³ Козловцева Н., Толстова Н. Формирование образа Русского мира как аспект социокультурной адаптации иностранных граждан в процессе обучения русскому языку // *Bakhtiniana, São Paulo*, 14 (1): 82-113, Jan./March 2019. С. 103.

приписаны русским»¹¹⁴. При этом важно отметить два фактора, влияющих на абсолютно субъективный и предвзятый характер заметок автора. Это кратковременность его пребывания в России (всего полтора месяца), а также подмена предмета описания: у Кюстина не русский народ, а чиновничество, бюрократия, царский двор. В результате – искаженная картина нравственного характера русских¹¹⁵.

Конечно, далеко не все иностранцы выражали такую неприкрытую антипатию к России. Известная писательница Жермена де Сталь, посетившая Россию в 1812 году писала: «В России, так несправедливо называемой варварской страной, я испытала лишь чувства добрые, благородные. Пусть моя признательность призовет благословение на эту страну и на ее государя!»¹¹⁶ В ее заметках много верных оценок характера русского народа, в том числе его добродушия гостеприимства. Но такие оценки, увы, уступают тем мнениям, в которых высказываются противоположные характеристики русского народа. Существует много объяснений причин такого поверхностного, но и прямо злонамеренного отношения иностранцев к России. В. О. Ключевский в книге «Сказание иностранцев о Московском государстве» писал по этому поводу следующее: «Вследствие отчуждения между западною Европой и Россией, продолжавшегося до самого XVIII века, западноевропейское общество оставалось почти в совершенном неведении о положении и судьбах России; вследствие этого неведения в нем распространились и укоренились странные представления об этой стране»¹¹⁷.

В. О. Ключевский употребляет довольно мягкое слово «странные» представления, которые по большей части носили явный антирусский характер. Но, возможно, он прав, что грубый субъективизм и недостоверность первых впечатлений иностранцев о России были вызваны именно неведением.

¹¹⁴ Лимонов Ю. Россия в западноевропейских сочинениях первой половины XIX века // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 14.

¹¹⁵ Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия. М.: «Терра», 1990. С. 52, 54, 191, 255.

¹¹⁶ Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 21.

¹¹⁷ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 5.

Беспристрастная оценка, увы, удел немногих добросовестных исследователей, можно сказать, нравственный идеал для ученого. Про иностранцев, конечно, такого сказать нельзя. И поэтому Ключевский заключает словами одного из иностранных писателей начала XVIII века, сказавшего, что «русский народ в продолжении многих веков имел то несчастье, что каждый свободно мог распускать о нем по свету всевозможные нелепости, не опасаясь встретить возражения»¹¹⁸. Таким образом и был сформирован устойчивый комплекс недоброкачественных стереотипов о России, который сегодня перешел уже в свою злокачественную стадию отмены русской культуры со стороны не просто недружественных, но откровенно враждебных нам стран. Этому необходимо противостоять политически, но также, что не менее значимо, и просветительской, философско-культурной работой по прояснению подлинных основ нашего национального самосознания.

Для национального самосознания очень важным является женский образ России и, соответственно, русскости. От матери-земли через Софию В. С. Соловьева до Родины-матери в Великую Отечественную войну – это глубинный духовный архетип России¹¹⁹. Ссылаясь на понимание О. Шпенглером «подлинной русскости», исследователь Е. Ф. Казаков отмечает, что русскость рождается не через самоопределение, а через отрицание – вбирание черт западной и восточной культур. Отсюда выраженная конфронтационность русской души: она ищет себя, защищая себя, те первые ростки русскости, которые начинают проклевываться. Русскость «выкарабкивается» не сама из себя лишь, а одновременно из «аполлонической, фаустовской и магической душ»¹²⁰. Весьма интересное наблюдение, свидетельствующее об особом характере русскости, для которой немаловажным фактором является необходимость отталкиваться, то есть

¹¹⁸ Ключевский В.О. Там же. С. 14.

¹¹⁹ Астафурова Т.Н., Скрынникова И.В. Современная российская идентичность сквозь призму дискурсивных метафор // Известия ВГПУ. 2022. С. 79-80.

¹²⁰ Казаков Е.Ф. Душа русской культуры: к определению понятия // Вестник КемГУКИ. 2017. №45. С. 145.

критически относиться к архетипам западной культуры. Собственно, такова уже программа славянофильства, которое во многом стало органом европейского критического самосознания России.

Одним из важных аспектов феномена русскости является и его соотнесенность с феноменом советскости. Мы не рассматриваем этот вопрос специально, но в контексте нашего исследования необходимо отметить, что это соотношение не носит однозначно непротиворечивого характера. Существует тенденция *отождествления русского и советского*, которая произошла в период Великой Отечественной войны, когда «понятие «русскости» было не только «реабилитировано» в общественном сознании, но, по сути, стало синонимом советской идентичности»¹²¹.

Действительно, в этот период были возвращены многие значимые фигуры и символы русской истории, что нашло, например, отражение в военных рассказах Андрея Платонова. Писатель способствовал тому, что русское у него проросло через советское, по сути, став единым целым. С другой стороны, следует согласиться с таким мнением исследователя: «Попытки отождествления русскости и советскости предпринимаются преимущественно в антисоветском контексте, нередко замешанном на русофобии»¹²². Это вопрос огромной важности, требующий специального исследования, в нашей работе мы лишь касаемся его, отмечая эту важность.

Сохранение русскости как «субстанции» цивилизации Русского мира, таким образом, и есть сохранение русской культуры. Это есть одновременно и задача личного нравственного самосознания человека, и важнейший элемент современной культурной политики России. Таким образом, можно заключить, русскость является традиционным предметом философского поиска и представляет собой один из значимых концептов русской культуры и

¹²¹ Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 4. С. 153-154.

¹²² Орлов И. Феномен советскости в отечественной историографической традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 603.

национальной идентичности. При всей неопределенности дефиниций и многообразии подходов лингвокультурный анализ помогает выявить духовный инвариант «русскости», который также является инвариантом русской культуры на всем историческом периоде ее существования. Среди наиболее значимых характеристик русскости, выявленных в ходе лингвокультурного анализа, можно отнести ее антипсихологизм, т. е. душевность в противоположность психологичности, отзывчивость на родное, материнское начало, неприятие биологизаторского национализма, всечеловечность, открытость к иному, сердечность, религиозность. Все рассмотренные признаки русскости представляют собой определенную целостность, раскрывая основные культурные признаки русского культурного типа и, соответственно, Русского мира как суверенной цивилизации.

Здесь необходимо указать на фигуру П. Е. Астафьева – крупного самобытного русского философа XIX века, который в работе «Национальность и общечеловеческие задачи» (1890) ставит вопрос о «метафизическом понимании национальной природы человека» и стремится дать философское обоснование *национальной природы человеческой души*. Нужно сказать, что для своего времени это был абсолютно новаторской подход, который именно сегодня оказывается крайне востребованным. Сама работа написана в полемике с «космополитическими» взглядами В. С. Соловьева того периода и поэтому является особо важным и интересным сюжетом в истории отечественной философской культуры.

Вот идеи П. Е. Астафьева относительно глубинного характера русского народа: *«Душа выше и дороже всего: её спасение, полнота, цельность и глубина ее внутреннего мира – прежде всего, а все прочее само приложится, несущественно, – таков девиз «Святой Руси», предносящейся ей в отлчительно русском идеале «святости»... Душа всего дороже, — таков основной мотив и Православия, и Самодержавия, и народности нашей»*¹²³.

¹²³ Астафьев П.Е. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура. М., 2021. С. 470, 478.

Главный принцип П. Е. Астафьева «Душа всего дороже» является той духовной вертикалью, которая определяет *корневые свойства русского народа*. Такие высказывания философа помогают понять инвариантные национальные качества русского человека, не изменяемые со временем: «относился русский народ всегда более или менее равнодушно, а часто даже и *враждебно* к *внешне-организаторским* задачам вообще; оказывал и мало склонности, и мало способности к формальной организации и организованной деятельности... Наш народ – менее всего юридический или политический народ, в очень слабой степени – социально-экономический и в высочайшей – нравственный и нравственно-религиозный»¹²⁴. Данные констатации позволяют многое понять в нашей истории и культуре, прежде всего почему нам не подходят нормы и стандарты западной жизни.

Обострение вопроса о национально-культурной самобытности русских можно найти у В. С. Соловьева. В «Трех разговорах» он устами политика чуть ли не провоцирует своих собеседников заведомо радикальными высказываниями. «Что такое *русские* – в грамматическом смысле? – спрашивает он. – Имя прилагательное. Ну а к какому же существительному это прилагательное относится?.. Настоящее существительное к прилагательному *русский* есть *европеец*. Мы *русские европейцы*, как есть европейцы английские, французские, немецкие. Если я чувствую себя европейцем, то не глупо ли мне доказывать, что я какой-то славяно-росс или греко-славянин? Я так же неоспоримо знаю, что я европеец, как то, что я русский»¹²⁵. Это очень логичная аргументация русского западника, сохраняющаяся до нынешнего времени. Интересно заметить, как национально-патриотическая идентичность, утверждающая *тождество русского и православного*, меняется на либерально-глобалистское *тождество*

¹²⁴ Астафьев П.Е. Там же. С. 473-474. Акцент на *нравственной* стороне характера русского народа является важнейшим в понимании его глубинной религиозной природы. См. об этом работы современного отечественного философа-этика В.П. Фетисова: Солнце не заходит. Труды по нравственной философии. Воронеж: ВГЛТА, 2011. 518 с.

¹²⁵ Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе, и конце всемирной истории // Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 696, 697.

русского и европейского. Далее В. Соловьев выстраивает рассуждения, предвосхищающие широко распространенную идею Ф. Фукуямы о конце истории. Устами того же политика он заявляет: «Теперь наступает эпоха мира и мирного распространения европейской культуры повсюду. Все должны стать европейцами. Понятие европейца должно совпасть с понятием человека, и понятие европейского культурного мира – с понятием человечества. В этом смысл истории»¹²⁶. То, что Соловьев говорит в терминах «смысла истории», на языке Фукуямы означает «конец истории»; человеческая история достигает своей высшей цели – становится европейской и поэтому прекращается. Прекращаются войны, революции, раздоры между народами, поскольку человеку явлен лучший образец социально-политического, экономического и культурного устройства. Это касается всех народов без исключения. Именно так и мыслит Фукуяма, полагая, что либеральная демократия должна стать таким искомым идеалом для всего человечества.

Но «логика истории», во многом рационально непостижимая, воспротивилась «концу истории» и продолжила свое существование. «Западный мир в течение тридцати лет (1990–2020), – пишут исследователи Л. Фишман и В. Мартьянов, – был основным бенефициаром «конца истории», преподносимого как окончательная победа либерально-рыночных демократий»¹²⁷. Сегодня также очевиден провал этих благодушных идей о европейских гуманности, культурности, доброжелательности. Происходит как раз все наоборот. Европа, объявила «крестовый поход против Русского мира», против русской литературы. «Что происходит? Откуда столько ненависти к русской литературе, которая была признана великой на Западе, которую изучают во многих странах мира?» – спрашивает современный исследователь Е.В. Семенова¹²⁸. Очень закономерные вопросы и точное определение –

¹²⁶ Соловьев В.С. Там же. С. 697.

¹²⁷ Фишман Л., Мартьянов В. Если не урок, то проект. Ставка на лучшую Современность для человечества как шанс для России // Россия в глобальной политике. 2022. Том 20. № 4(116). С. 67-68.

¹²⁸ Семенова Е.В. Русская литература против «расчеловечивания» человека в современную эпоху // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2022. №5-1. С. 69.

крестовый поход против Русского мира; именно так можно наиболее адекватно оценить то, что сегодня происходит в области внешней политики, международных отношений.

Но, несмотря на явную утопичность, просто ошибочность таких идей, они в себе таят угрозу национально-государственному суверенитету. Это коснулось и России. И сам проект Русского мира, направленный на возрождение России, в значительной мере актуализовался как ответ на вызов либеральной идеологии, которая утвердилась после распада Советского Союза. Главная мишень этой идеологии – *традиционные ценности общества*, способствующие осознанию единства русской истории и культуры. По сути дела, произошла смена одного утопического идеала (коммунистического) на другой (либеральный), очень разных идеологий, но объединенных общим началом – неприятие православия как духовного фундамента общества, государства, культуры.

Характеризуя эту смену эпох и идеологий, историк М. Б. Смолин в книге «Тайны русской империи» пишет: «На начало XXI столетия русская нация переросла, изжила коммунистический соблазн как разновидность демократического принципа, к которому возврата, вероятно, уже не будет, так как в обществе выработались идейно-политические иммунитеты на эту духовную заразу. Современная же Россия сегодня больна новыми и одновременно старыми западническими либеральными соблазнами, ставшими своеобразным «осложнением» после продолжительного и тяжелого заболевания большевизмом»¹²⁹.

Очевидно, что в этом контексте значительно повышается роль религиозного начала, препятствующего деструктивным тенденциям по разложению традиционных духовных начал. «В постсоветское время в контексте проекта по укреплению “Русского мира”, – отмечает современный исследователь, – происходит усиление консервативных начал в обществе.

¹²⁹ Смолин М.Б. Тайны русской империи. М., 2014. С. 4.

Особую роль в этом играет Русская Православная Церковь»¹³⁰. Стоит отметить, что эта мысль далеко не нова; например, её высказывал еще выдающийся представитель евразийства П.Н. Савицкий. Он писал: «В настоящее время, в грехе и блужданиях, русский народ подошел к пределу последнему. Но в этом, верим, залог возрождения. Ибо поистине должна ужаснуться душа. И на путях преодоления и просветления вслед за высшим торжеством неверия возникнет высшее возобладание Веры; вслед за триумфами “обличительства” идет торжество Православия»¹³¹.

Мы вполне согласны с этим мнением. Традиционные ценности выполняют функцию *сохранения русскости* как *духовного ядра Русского мира*. В Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» дается такое определение: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России». В свою очередь, «к традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений,

¹³⁰ Еремин А.В. Консерватизм как социокультурный феномен русского исторического пути: истоки, трансформация в советскую эпоху, влияние на современность // Верхневолжский филологический вестник. 2022. №3 (30). С. 179.

¹³¹ Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 67.

единство народов России... Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит Православию»¹³².

Важно в этом плане отметить, что на XVII Всемирном народном Соборе (2013 г.) было провозглашено общее понимание того, что «слово «русский» уже давно обозначает не столько этничность, сколько культурную, цивилизационную и духовную принадлежность»¹³³. Это дает возможность предложить гармоничную форму общественного устройства, основанную на строительстве справедливых и мирных межнациональных отношений. Однако сегодня в обществе еще нет достаточного понимания этого, и часто, к сожалению, понятие «русскость» ассоциируется с национализмом, шовинизмом – с теми деформациями национального, которым русскость как раз и противостоит. Значимы были на этом Соборе слова Патриарха о «симфонии этносов», которая является сущностью и своеобразием нашей цивилизации, которая невозможна без участия в ней русских. У русской культуры – особая роль в становлении России. «Русское ядро» скрепляет и центрирует, а не умаляет вклады других этносов и народов в укрепление России, что подчеркивает многообразие нашей общности. Все это позволяет России сохранить суверенитет и самобытность и не принимать чужие, откровенно деструктивные модели мультикультурализма, политкорректности и ультралиберального рынка. Все это не соответствует ни природе русскости, ни духовной сущности Русского мира.

Тезисы Собора во многом концентрируют большую духовно-интеллектуальную работу многих видных представителей отечественной культуры, много размышлявших над особенностями исторического пути России, самобытностью национального самосознания русского народа.

В «Основах государственной культурной политики», утвержденных Указом Президента России в 2023 году, на уровне целеполагания обозначено: «Формирование гармонично развитой личности, разделяющей традиционные

¹³² <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

¹³³ <https://rg.ru/2013/11/01/forum.html>

российские духовно-нравственные ценности, и укрепление единства и сплоченности российского общества посредством культурного и гуманитарного развития»¹³⁴. В ранее цитированном Указе «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» говорится также и о том, что «Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять бережение народа России и развитие человеческого потенциала. Осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяют народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность»¹³⁵. *Традиционные ценности – это смысловые установки и императивы деятельности человека, которые реализуют его духовную сущность, его ответственность перед Богом, Родиной и будущими поколениями.*

В свою очередь, в послании Президента Федеральному Собранию 2024 года было указано и на тот внешний вызов, который актуализирует развитие современной России в этом направлении: «Так называемый Запад с его колониальными повадками, привычкой разжигать по всему миру национальные конфликты стремится не просто сдержать наше развитие – вместо России им нужно зависимое, угасающее, вымирающее пространство, где можно творить всё что угодно. По сути, они хотели бы сделать с Россией то же самое, что сотворили во многих других регионах мира, в том числе на Украине: принести в наш дом разлад, ослабить изнутри. Но они просчитались

¹³⁴ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004>

¹³⁵ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

– это сегодня уже абсолютно очевидная вещь: столкнулись с твёрдой позицией и решимостью нашего многонационального народа»¹³⁶.

Вопрос о русскости, как было показано в данном параграфе, – это вопрос о национальной идентичности в ее духовно-нравственном смысле. «Вплоть до настоящего времени, – отмечает современный исследователь Н. В. Теплых, – ценностные доминанты «русскости» не потеряли своей актуальности, среди которых российская общественная мысль выделяет религиозность, коллективизм, традиционность социального бытия человека»¹³⁷. Кроме этого, осмысление понятия «русскость» является важным как для науки, так и для социального прогнозирования¹³⁸. И сейчас мы стоим перед очередным вызовом нашей самобытности, пожалуй, наиболее серьезным и опасным за всю историю существования нашей государственности.

1.3. Культурфилософские истоки концепта «Русский мир» в русской религиозной философии XVIII – XX вв.

Истоки формирования концепции Русского мира уходят в XIX век, когда, как отмечает А. Койре в книге «Философия и национальная проблема в России начала XIX века», в эпоху царствования Николая I произошло заметное оживление национального вопроса. Он пишет, что «национальная проблема входила в повестку дня... Кто мы такие? Каков смысл нашего существования? Каково наше предназначение в мире?.. При всем своем могуществе, призванная к великому будущему – в этом все были убеждены – Россия оставалась немой, неким молчаливым Сфинксом, скрывающим свою тайну от

¹³⁶ Послание Президента Федеральному Собранию. 2024 г. // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

¹³⁷ Теплых Н.В. Ценностные доминанты «русского мира» и перспективы будущего России // Социальные нормы и практики. 2023. №1. С. 65.

¹³⁸ Гиматдинова А.Р., Недашковская Н.И. Методология исследований наций и национализма в современной российской историографии (на материале концепта «русскости») // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. Т. 162, кн. 3. С. 233.

самого себя. Сумеет ли она однажды выразить себя, найдет ли «отсутствующее слово»?»¹³⁹.

Значительным стимулом к пробуждению национального самосознания, которое серьезно озаботилось вопросами культурной самобытности, исторического пути и места в мировой истории было, конечно, выступление П. Я. Чаадаева в «Философических письмах», где он поставил под сомнение само существование России как полноценного государственно-цивилизационного образования. Известны его радикальные высказывания в адрес России: «Мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода»¹⁴⁰; А далее в указанном философическом письме Чаадаев пишет: «Мы, можно сказать, некоторым образом народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок. Наставление, которое мы призваны преподать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обречем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение?»¹⁴¹.

Несмотря на острый и подчас несправедливый критицизм, у Чаадаева присутствует глубокое провиденциальное убеждение в том, что, несмотря на все исторические неудачи и культурную непроизводительность, у нас есть *предназначение* и какая-то *исключительность*, которую он чувствует. Он не может рационально выразить, в чем эти предназначение и исключительность, но как христианский философ убежден, что это предназначение есть. Размышления Чаадаева имели, безусловно, положительное значение для

¹³⁹ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 207-208.

¹⁴⁰ Чаадаев П.Я. Философические письма // Статьи и письма. М., 1989. С. 41.

¹⁴¹ Чаадаев П.Я. там же. С. 44.

развития русской общественной мысли, становления отечественной историософии, а в ее контексте представлений о Русском мире.¹⁴²

В XIX веке выделяются две фигуры, более всего имевшие отношение к становлению концепта Русского мира¹⁴³. Это создавший учение о культурно-исторических типах Н. Я. Данилевский и исследовавший глубинные первоосновы содержания Русского мира Ф. М. Достоевский. Во многом их исследования пересекаются, особенно в части оценочных категорий откровенно враждебной к России романо-германской Европы. В данном исследовании именно их глубоко национальная, резко прорусская точка зрения на отношение к агрессивной по отношению к нам позиции Запада легла в основу россиеведения. Но всё же их отличительные характеристики данного вопроса крайне важны для нас с точки зрения раскрытия многообразия Русского мира. Если Достоевский опирается в своих работах на религиозно-философский подход, то Данилевский на геополитический и цивилизационный.

«Пушкинская речь» Достоевского, безусловно, была вершинным событием в его жизни и творчестве: «Достоевский вложил в «Пушкинскую речь» самое сокровенное, что он вынашивал всю свою жизнь».¹⁴⁴ Важным духовно-биографическим фактом в жизни Ф. М. Достоевского является прохождение через каторгу, через нравственное очищение, которое помогло ему осознать свою русскость в принадлежности к христианству, православию¹⁴⁵. «Я всегда был истинно русский», – говорил Достоевский

¹⁴² Нижников С.А. П.Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017 Vol. 21 №. 4. С. 488.

¹⁴³ Исследователь Кочеров С.Н. полагает, что «Цивилизационная концепция «русского мира» берет свое начало в деятельности графа С.С. Уварова (1833)» // Русский мир: проблема определения. С. 163. Вообще, исследователи считают, что первое упоминание о русском мире см.: Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси. Архив русской эмиграции. Москва-Брюссель: Conférence Sainte Trinité du Patriarcat de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. С. 184-185. (Patrologia Slavica, Вып. 2).

¹⁴⁴ Захарова О.В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 2. С. 324.

¹⁴⁵ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худ. лит., 1990. Т. 2. С. 212.

своим знакомым. Этот опыт помог понять писателю, что русский народ весь в православии, это его основополагающая черта¹⁴⁶.

Сам этот вопрос возник в глубинах XIX века, у Ф. М. Достоевского он достигает предельной остроты. В путевых записках 1863 года «Зимние заметки о летних впечатлениях», Фёдор Михайлович задаёт важный, с точки зрения отношения русских к всегда враждебному к нам Западу, вопрос: «Господи, да какие же мы русские?. Действительно ли мы русские в самом-то деле? Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление? То есть я не про тех русских теперь говорю, которые там остались, ну вот про тех простых русских, которым имя пятьдесят миллионов, которых мы, сто тысяч человек, до сих пор пресерьезно за никого считаем и над которыми глубокие сатирические журналы наши до сих пор смеются за то, что они бород не бреют. Нет, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же «страны святых чудес»! Ведь вся наша жизнь по европейским складам еще с самого первого детства сложилась. Неужели же кто-нибудь из нас мог устоять против этого влияния, призыва, давления? Как еще не переродились мы окончательно в европейцев?»¹⁴⁷

Очень честные, открытые, непростые вопросы. Действительно, эта опасность «окончательного перерождения в европейцев» постоянно угрожает нашей самобытности, глубинным духовно-культурным основам.¹⁴⁸ Однако нужно сказать, что, несмотря на сильнейшее западное влияние, которое можно обозначить в терминах «культурной интервенции», которой подвергаются

¹⁴⁶ Сыромятников О.И. Наследие Ф. М. Достоевского как вершина православного реализма // Русско-Византийский вестник. 2022. №2.

¹⁴⁷ Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Собрание сочинений в 12-ти т. Т. 10. М.: Мир книги, Литература, 2008. С. 216-217.

¹⁴⁸ Масштабность этого произведения Ф. М. Достоевского хорошо передал итальянский исследователь Джузеппе Астуто в статье: «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского: культурно-историческая проблематика цикла // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. №3.

прежде всего либеральные слои нашего общества, этого перерождения в европейцев так и не происходит. В самый последний, казалось бы, критический момент угрозы национальным основам существования возникает какой-то национальный инстинкт самосохранения, который не позволяет России утратить свою идентичность.

Идея о «всемирной отзывчивости» русского человека, а также мысль о «всечеловечности» русского национального идеала представляют собой своего рода «светскую транскрипцию» церковного идеала соборности, спроецированную на эмпирическую реальность национального бытия. «Национальная идея русская есть, – говорит Достоевский, – в конце концов всемирное общечеловеческое единение»¹⁴⁹.

По сути это христианский идеал, на бесконечность отстоящий от либеральных идеалов общечеловеческого прогресса или глобализации в современном англосаксонском варианте, представляющей собой чисто секулярный вариант. У Достоевского присутствует прямая отсылка к словам апостола Павла: «Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3: 11-11). Критики Достоевского не поняли разницы между *всечеловеческим* и *общечеловеческим*. Тонкий лексический нюанс, за которым стоят целые миры. У Достоевского *всечеловек* – совершенный христианин¹⁵⁰. Всечеловек – это Христос, объединяющий все человечество *в Себе*, в то время как общечеловек – человек общества, общественный, секулярный, ничейный, обычно объединенный какими-то ложными идеями и принципами.

Сербский богослов и философ, святой Сербской православной церкви преп. Иустин (Попович) посвятил изучению Достоевского много внимания. Вот каким образом он поясняет христианский смысл «Пушкинской речи» писателя: «Всечеловечество, богочеловечество есть цель человечества; богочеловеческий всечеловек есть цель человека – так учит Православие, так

¹⁴⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 131.

¹⁵⁰ Захарова О.В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского. С. 332.

учит Достоевский. Об этом всечеловеке и о всечеловечестве Достоевский начал говорить и писать первым, а в конце концов по-пророчески и по-апостольски провозгласил это, проповедуя всечеловека и всечеловечество в своей вдохновенной «Пушкинской речи»¹⁵¹. Исходя из этого, он так определяет *миссию русского народа* в свете идеалов Достоевского: «Такую великую всечеловеческую роль Достоевский отводит русскому народу не потому, что это русский народ, а потому, что это православный народ, потому что он православный Образ Христа хранит свято и благолепно»¹⁵².

При переходе в философскую плоскость возникает вопрос о метафизике национальной идеи в универсальном измерении всего человечества¹⁵³. Русский мир в свете такого понимания – это пространство мирового смысла, пространство, где творятся смыслы, где обыденная жизнь во всей ее суете и бессмысленности, абсурдности и пустоте наполняется высшим смыслом. Неслучайно, поиск смысла – отличительная черта отечественной философии.

Христианский идеал универсален, и Россия является той страной и культурой, которая способна его осуществить. Современный исследователь нравственной философии Ф. М. Достоевского О. С. Соина пишет: «Русский мир, как и сама Россия, представляет собой нечто чрезвычайно многообразное, всеобъемлюще разностороннее, но при этом удивительно целостное и единое в своих фундаментальных духовных и жизненных проявлениях, и эта *монолитность в чем-то текущем до необъятности* действительно не могла не стать предметом живейшего творческого интереса великих национальных гениев слова и мысли, одним из которых являлся Ф. М. Достоевский»¹⁵⁴. Вот этот во многом непостижимый с точки зрения рациональности, по слову

¹⁵¹ Иустин (Попович), преподобный. Философия и религия Ф.М. Достоевского. Мн., 2007. С. 292.

¹⁵² Там же. С. 276.

¹⁵³ Сербиненко В.В., Гребешев И.В. Русская метафизика XIX-XX веков. М., 2016. С. 16; Квашина Л. П. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского: поэтика и политика. / Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2022. 16. № 4. С. 38.

¹⁵⁴ Соина О.С. Ф. М. Достоевский о «русском мире» // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19-21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 462.

Тютчева, неместимый ни в какие схемы и концепции, парадоксальный и невозможный Русский мир и привлек писателя.

Исследователь задает важные вопросы: «Но где же нашел Ф. М. Достоевский свой Русский мир? Какими качествами его восхитился и о каких скорбел и переживал? И почему, наконец, именно в нем он увидел некую духовную и социально-гражданскую альтернативу западноевропейской цивилизации?» И тут же отвечает: каторга. Фактически окунувшись в преступный мир злодеев, «отбросов и отщепенцев», став частью их Достоевский смог осознать и принять тот самый одухотворённый, пропитанный нравственностью Русский мир – мир взлетов и падений, добра и зла, греха и святости, низости и благородства, мрака и света – всего того, что в своей трагической противоречивости и составляет основу души русского человека, его характер или ментальность.

В том же ключе мыслит Н.Я. Данилевский, который в своем фундаментальном труде «Россия и Европа» затронул широкий спектр вопросов, имеющих самое непосредственное отношение к современности. Трудно назвать проблему, затронутую им в середине позапрошлого столетия, которая не обсуждалась бы сегодня, не была бы актуальной. Это и традиционная враждебность Европы по отношению к России, и невежество Европы относительно России, и вопрос о принадлежности России к Европе, и различия между Западом и Востоком, и противоположность между Америкой и Россией и многое другое, не сходящее с повестки дня уже второе столетие. Важнейшим выводом становится ответ на вопрос славянского культурно-исторического типа и место России в нем.

Н. Я. Данилевский отрицает общечеловеческие измерения истории, полагая Россию и славянство особым культурно-историческим типом. Исходя из политических и этнографических принципов, философ обосновывает идею о всеславянстве, о всеславянской федерации под руководством России. Всеславянский союз под гегемонией России – эта геополитическая конструкция и есть основа панславянской концепции Русского мира. Откуда

взялась эта идея, крайне непопулярная в русском обществе в 1868 году, на момент выхода книги? Необходимо обратить внимание на подзаголовок книги: «Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому».

Речь идет об отношении славянства к германству, и наоборот. Данилевский утверждает враждебность Европы к России и славянству и в течение всей работы старается объяснить причины этой враждебности. Он пишет: «Это исследование привело к тому заключению, что враждебность эта кроется в глубокой розни, существующей между мирами славянским и германо-романским, – розни, которая проникает до самых оснований общего плана развития всемирной истории»¹⁵⁵. Важнейшая констатация: не просто отличия, но именно враждебность Запада по отношению к славянству, и особенно к России.

Данилевский акцентирует внимание на смешении понятий частной европейской, или германо-романской цивилизации с цивилизацией всечеловеческою; именно оно породило явление западничества в отечественной культуре. Это смешение понятий происходит постоянно. Произошло оно и в недавней истории, после распада Советского Союза, когда не только внешние, но и внутренние силы западничества обрекли Россию на вторичную роль подражателей англосаксонского мира, лишив надежды и на самобытность, и на великое будущее. А вера Данилевского в Россию была очень велика. Свою книгу он заканчивает утверждением идеи справедливости, являющейся сверхценностью русской культуры и государства, которая имеет всечеловеческое измерение.

В том контексте необходимо сказать несколько слов о панславистской концепции известного русского ученого-слависта А. С. Будиловича. Будучи сторонником славянофильских идей об ошибочности европоцентризма, а также исходящего из него такого же ложного постулирования общечеловеческой культуры, он считает, что существует самостоятельный

¹⁵⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 469.

«греко-славянский мир» под покровительством России. В этом деле объединения славян он видит «мессианскую» роль России, способную противостоять прежде всего угрозе пангерманизма.

Гарантом великой панславистской объединяющей роли России является язык – наследник апостольского славянства: «Что касается языка русского, то его будущее достаточно обеспечена уже и теперь многочисленностью населения, обширностью территории, силой русского государства, наконец, тысячелетней давностью нашего литературного языка, наследника благословений апостолов славянства»¹⁵⁶.

Часто именно панславистская теория Н. Я. Данилевского встречает сегодня довольно серьезную критику. Например, В. А. Сендеров считает, что неопанславизм – гибельный вариант для русской государственности и культуры¹⁵⁷. А если обратиться к истокам критики панславизма, то, конечно, возникает фигура К. Н. Леонтьева, который смотрел на него как на весьма опасное и губительное дело¹⁵⁸. Апологет «византизма» в исторической перспективе оказался более правым, поскольку в современном мире практически не осталось никаких следов «славянского единства».

Несмотря на довольно высокую оценку Н. Я. Данилевского со стороны В. С. Соловьева как ученого и мыслителя, последний подверг достаточно серьезной критике его теорию культурно-исторических типов, и особенно «идею славянства». В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона Соловьев писал: «Забывая, что для культурно-исторического типа прежде всего нужна культура, Данилевский выставляет какое-то славянство *an und für sich*, признает за высшее начало самую особенность племени независимо от исторических задач и культурного содержания его жизни»¹⁵⁹.

¹⁵⁶ Будилович А.С. Славянское единство. М., 2014. С. 571.

¹⁵⁷ Сендеров В.А. От «Всеславянской федерации» к «русскому миру» // Вопросы философии. 2015. №3. С. 137.

¹⁵⁸ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 529.

¹⁵⁹ Соловьев В.С. Данилевский. С. 409.

Кроме этого, Соловьев критиковал автора «России и Европы» за идею «непередаваемости культур», которую Данилевский выставил в качестве исторического закона; также Соловьев доказывал, вопреки Данилевскому, что славянство несамобытно, поскольку «целиком принято от Византии»; указывал Соловьев и на неоригинальность идеи Данилевского об упадке Европы, которая, по его мнению, уже была ранее высказана славянофилами; и конечно, идея Царьграда была совершенно неприемлема для Соловьева.

Очевидно, что автору идеи о «богочеловеческом процессе», призывавшего Россию к национальному самоотречению, а также создателю теории «вселенской теократии», предполагавшей переход в католичество под руководством Папы Римского, мысли Данилевского были чужды. И если в словаре Брокгауза и Ефрона Соловьев придерживался академического стиля, то в письме Н. Н. Страхову он называл книгу Данилевского «кораном всех мерзавцев и глупцов, хотящих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу». На что Н. Н. Страхов ответил Соловьеву и другим критикам Данилевского весьма страстно и пафосно¹⁶⁰.

Доктрины «Москва – Третий Рим» / «Святая Русь» - так можно сформулировать основные противоречия Русского мира в его *историософской и (нео)панславистской* версиях. Степень их противостояния нельзя, конечно, преувеличивать, поскольку они обе есть органичное порождение одной и той же русской духовной культуры, репрезентирующей ее различные ипостаси, но преуменьшать их различие тоже было бы неправильно. М. Н. Громов хорошо разъясняет этот вопрос: «Всю тысячелетнюю отечественную историю пронизывает противостояние и одновременно причудливое переплетение двух основополагающих идеалов – политического, воплощенного в концепции «Москва – Третий Рим», и сакрального, отразившегося в образе Святой Руси. Жестокость политических институтов, варварские обычаи, презрение к ценности отдельной человеческой жизни, бесправие – на одном полюсе, и утонченная духовная

¹⁶⁰ См.: Данилевский. Там же. С. 530.

культура, великолепные творения архитектуры, живописи, музыки, литературы, пластики, милосердие, сострадание к униженным и оскорбленным – на другом»¹⁶¹.

О. Шпенглер, Рильке, В. Шубарт, Э. Кэррик и другие западные философы, писатели, политики внесли не малый вклад в вопрос понимания отличительных черт Русского мира. Они извне, со стороны разглядели в России нечто такое, что не видно самим аутентичным носителям русской культуры. Наблюдения западных исследователей важны для понимания ценностно-смысловой основы Русского мира, поскольку их рефлексия также интегрирована в его мировоззренческие первоосновы.

Многие из западных исследователей полагают, что именно Достоевскому удалось раскрыть сущностные черты характера русского человека и определить место России в мировой истории. Особенно популярен был Достоевский в Германии в начале XX столетия во многом благодаря переводам Элизабет (Лэсс) Кэррик. Она не только переводчица Достоевского, но и глубокий знаток русской культуры, литературы, философии, религии. Освальд Шпенглер, поразившись ее знанию, настоятельно рекомендовал ей издать книгу о России под названием «Душа России».

Ее оценка как западного исследователя творчества Достоевского невероятно глубока, в чем-то она даже лучше его понимает, чем отечественные авторы. Она пишет: «Достоевский – один из тех китов, что играючи заглатывают человеческую жизнь... Те последние истины, о которых говорит Достоевский, нельзя раскрыть при помощи одной только логики, не говоря уже о том, чтобы исчерпать все это. И даже психоанализ, пускай самый изощренный, помогает мало, если вивисекции подвергается только один человек – сам Достоевский как личность, или его герои. И даже всей России

¹⁶¹ Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии. Тверь, 2013. С. 9.

как материала для подобного анализа было бы еще недостаточно. Приблизительно хватило бы только всей истории человечества»¹⁶².

О значимости Достоевского для Германии и Запада в целом она говорит следующее: «Для нас, немцев, важен совсем не частный человек Достоевский, а те гигантские вопросы, которые вырастают из всего, что написано Достоевским-писателем. Что несет нам этот русский Восток? Чего он хочет, чем нам грозит? Почему он говорит о загнивающем Западе и о конце Европы, не исключая и Германии? Что имеет он в виду, твердя о «новом слове», которое должна Россия сказать Западу?»¹⁶³

Вопросы сверхактуальные, особенно в контексте современного противостояния России и Европы. Через Достоевского, через психологию его героев Лесс Кэррик постигает Россию. Ее суждения о нашей стране парадоксальны, противоречивы, иногда субъективны, но они нетривиальны, в них раскрываются очень тонкие нюансы русской души. Вот некоторые ее суждения: «Вечный, исконно русский вопрос: зачем мы живем?»; «Русский человек любит страдание»; «Русские – самые большие логики, логически холодные и по-звериному горячие. У немцев всегда средняя температура»; «Русский дух противится культуре оттого, что она – придание формы. Он противится всем ценностям, которые приводят к порядку, к законам какой-либо формы»; «Все это русский народ запечатлевает в слове – вот это у него великое. В русской литературе заключается не только объяснение русской души, но и предвестие новой, другой Европы»¹⁶⁴.

Наиболее проникательные представители западной культуры всегда чувствовали значимость России, ее инаковость, особую духовную миссию. Уникальной работой, посвященной России, ее исторической миссии, является книга немецкого философа Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока». В ней автор пишет о грядущей катастрофе западной цивилизации, убедительно

¹⁶² Кэррик Л. Достоевский и «другая Европа»: афоризмы, статьи, эссе, дневники, путевая проза, письма. СПб.: Из-во «Пушкинский дом», 2017. С. 389.

¹⁶³ Кэррик Л. Там же. С. 69.

¹⁶⁴ Кэррик Л. Там же. С. 56, 63, 65, 60, 66.

доказывая, что спасение Европы и всего мира возможно лишь благодаря православной славянской идее. Оценивая данную работу, М. Н. Назаров говорит о том, что ее нужно рассматривать в контексте православной историософии. А Иван Ильин сказал про книгу Шубарта, что «с тех пор, как стоит Россия, о русском народе сказаны такие слова *впервые*»¹⁶⁵.

Действительно, в книге Шубарта очень много тонких, метких и глубоких наблюдений над сущностью русской души, русского религиозного характера, существенно отличающегося от западноевропейского человека»¹⁶⁶. Он показывает глубокое отличие всего психического строя русского человека и духовной сущности русской культуры от западной. Для Запада наличное есть «божество», оно нуждается лишь в усовершенствовании, но не в коренной перестройке. В России бытие – «больное бытие», отсюда жажда иного, иного царства, либо Царства Небесного в православии, либо коммунистического царства, которое стремится до основания старый мир разрушить.

И поэтому такая миссия России в понимании немецкого философа: «Русскость борется за преодоление прометеевской культуры на русской почве. Но придет время, когда она перешагнет границы своей страны, чтобы атаковать западный дух на его родине. От такого хода событий зависит судьба человечества: Европа была несчастьем для России, так пусть Россия станет счастьем для Европы»¹⁶⁷.

Эти слова, учитывая современное сильнейшее геополитическое и духовное противостояние России и Запада, звучат почти как пророчество. Вспоминая слова Лесс Кэррик о значимости русской литературы для Европы,

¹⁶⁵ См.: Прокаева О.Н. Всечеловечность как ментальное качество русского народа (на основе книги Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока») // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. 11-4; Рудская Н.В. Испанцы и русские в культурологической концепции Вальтера Шубарта // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. №4; Казин А.Л., Жданова Е.В. Русская культура в современной немецкой интерпретации. Основные подходы // Вестник славянских культур. 2020. Т. 57.

¹⁶⁶ Шубарт В. Европа и душа Востока. С. 89, 97.

¹⁶⁷ Там же. С. 357.

объясним интерес к ней европейцев. Этому вопросу посвящена довольно большая литература¹⁶⁸.

Если посмотреть на историю нашей духовной традиции, то можно уверенно сказать, что во многом Россия, поиск исконной и аутентичной русскости – *главная тема русской философии и культуры*, создающей и задающей ее разнообразие. От известных вопрошаний Гоголя «Русь! Какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Русь! Чего же ты хочешь от меня?» – до не менее известных строк Александра Блока «Россия – Сфинкс» выражает себя некая глубинная метафизика России, притягательная и для творческого осмысления, и для социально-философского анализа.

Выдающийся историк русской философии В. В. Зеньковский писал: «Русская мысль *сплошь историософична*, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т. п. Эсхатологические концепции XVI века перекликаются с утопиями XIX века, с историософскими размышлениями самых различных мыслителей. Это исключительное, можно сказать, чрезмерное внимание к философии истории, конечно, неслучайно и, очевидно, коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей «русской души»¹⁶⁹.

И в этой исходной историсофичности – мысль о России, ее смысле и предназначении, сущности и своеобразии на первом месте. Видный российский и советский философ, знаток немецкой и русской философии А. В. Гулыга в середине 90-х гг. XX века написал книгу с примечательным и говорящим названием «Русская идея и ее творцы». В ней он попытался сформулировать сущность русских философских исканий, имеющих

¹⁶⁸ Трыков В.П. Константы «русскости» и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена-Мельхиора де Вогиоэ «Русский роман» // Rhema. Рема. 2017. № 3. С. 38; Об интересе американских славистов к русской литературе см.: Миллионщикова Т.М. Социальная парадигма русской литературы XIX в. с точки зрения американских славистов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. 2022. № 2. С. 92–105; Рецепция концептов «русская идея», «Святая Русь», «русскость» в культурном сознании англичан рассмотрена в работе С.Б. Королевой и М.И. Никола «Концепт Holy Russia в романе Г. Уэллса «Джоанна и Питер». С. 181-207. Подобных примеров приводить можно много, они свидетельствуют о некой неустранимой тяге западных авторов к России, к ее «загадке».

¹⁶⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. 880. С. 22.

всемирное значение. Мы еще обратимся к этому выдающемуся труду. Сейчас же важны такие его слова из этой книги: «Важнейшая проблема практической философии – **судьба Родины** (выделено – Ю.К). Должна ли Россия идти дорогой западного прогресса или искать собственные пути? Ответ на этот вопрос разделил русскую интеллигенцию на два стана – славянофилов и западников»¹⁷⁰. И это не просто особенности общественной мысли, но корневой вопрос о судьбе России, о путях ее исторического бытия. В русской философии судьба Родины – важнейший этико-философский вопрос, вокруг которого сопрягаются поистине лучшие ее представители¹⁷¹.

Так, А.И. Солженицын в романе «В круге первом» говорит о народе от имени героя Нержина (этот образ он писал с себя): «Народ – это не все, говорящие на нашем языке, но и не избранцы, отмеченные огненным знаком гения. Не по рождению, не по труду своих рук и не по крылам своей образованности отбираются люди в народ. А – по душе. Душу же выковывает себе каждый сам, год от году. Надо стараться закалить, отгранить себе такую душу чтобы стать человеком. И через то – крупницей своего народа. С такой душой человек обычно не преуспевает в жизни, в должностях, в богатстве. И вот почему народ преимущественно располагается не на верхах общества»¹⁷².

Позже в «Нобелевской лекции» эти размышления были им продолжены: «Нации – это богатство человечества, это – обобщённые личности его, самая малая из них несёт свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла... Но едва я сделал вывод, что это относится также и к русскому народу, что также и он имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей духовной болезни, – это с яростью объявлено великодержавным национализмом. Такова горячность – не лично Сахарова, но широкого слоя в образованном классе, чьим выразителем

¹⁷⁰ Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 2022. С. 23.

¹⁷¹ В этом контексте очень значим опыт эмигрантской жизни И. А. Ильина, который создает философию Родины, во многом направляя русскую философию по-новому посмотреть на проблемы своего Отечества. См.: Пономарев Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 222–243.

¹⁷² Солженицын А.И. В круге первом. – М.: Наука, 2006. – С. 407.

он невольно стал. За русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже о “национальном самосознании”, даже оно объявляется опасной гидрой»¹⁷³.

Русский философ С. Н. Булгаков проникновенно писал *о первоосновах русского духа*, проявленной в таких понятиях, как «безмерность», «ширь», «тоска». Все они воплотились в разнообразнейших формах русского искусства, войдя в духовную основу национальной культуры¹⁷⁴. Обратимся к работе В. С. Соловьева «Русская идея», в которой философ полагает, что самый важный вопрос из всех для русского – это вопрос о смысле существования России во всемирной истории, ответ на который следует искать не в общественных мнениях сегодняшнего дня, а в вечных истинах религии. Этот известный ответ является характеристикой русской духовной культуры в целом: *«Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности»*¹⁷⁵.

Интересно, что русскость в религиозной парадигме В. С. Соловьева определяется как максимальное отдаление от национального эгоизма. Философ как бы не доверяет национальному, всегда видит опасность его падения в национализм. В отказе от национального В. С. Соловьев парадоксальным образом видит миссию русского народа, поскольку он полагает, что русский национализм вообще враждебен русскому народному идеалу и оскорбителен для национального достоинства России. Действительно, национализм и его крайняя форма (шовинизм) есть детище европейской политики.

¹⁷³ Солженицын А.И. Нобелевская лекция // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Статьи и речи. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – С. 12.

¹⁷⁴ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание // Русские философы о войне: Ф. М. Достоевский, Вл. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн. М., 2005. С. 357-358.

¹⁷⁵ Соловьев В.С. Русская идея // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. М., 1991. С. 41-69.

В дальнейшем эти идеи В. С. Соловьева были развиты в той или иной мере его продолжателями, представителями религиозно-философского ренессанса начала XX века. С. Н. Булгаков писал: «Национальность есть высшая ценность, но не последняя: она необходимо лежит на пути к вселенскому самосознанию, но не должна от него отвращать и преграждать к нему дорогу»¹⁷⁶. «Вселенское самосознание» оказывается все же большей ценностью, чем национальность. Хотя именно С. Н. Булгаковым сказаны одни из наиболее философски проникновенных слов о Родине, написанных им в автобиографических заметках «Моя Родина», в которых делается акцент на таинственный, материнский аспект рождения¹⁷⁷.

Е. Н. Трубецкой в работе «Старый и новый национальный мессианиззм» обличает «ложь всяческого национального мессианизма», в том числе и «Русского Христа» С. Н. Булгакова на том основании, что в этом мессианизме происходит забвение Пятидесятницы, замена Пятидесятницы вавилонским столпотворением. В этом происходит столкновение национального мессианства и народа с его религиозным призванием. В случае торжества первого терпит поражение второе. Поясняя эту мысль, он пишет: «В основе этого заблуждения лежит смешение естественных особенностей каждого народа с его мистической идеей, языка природного и языка огненного. Природный язык каждого народа отделяет и разлучает его от прочих. Напротив, его *огненный* язык не знает национальных преград; всем людям близкий и понятный, он обращается ко всем народам и всем сообщает высшие духовные дары»¹⁷⁸.

В истории произошло, согласно Е.Н. Трубецкому, смешение «русского, православного и вселенского». Произошло это потому, что «увлечение Россией воображаемой помешало нам рассмотреть как следует Россию

¹⁷⁶ Булгаков С.Н. Война и русское самосознание, с. 381.

¹⁷⁷ Булгаков С.Н. Моя родина // Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1988. С. 9, 24.

¹⁷⁸ Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм // Избранное. М.: Канон, 1995. С. 317-318.

действительную и, что еще хуже, русскую национальную идею; духовный облик России хронически заслонялся фантастической грезой «народа-богоносца». Для выявления подлинной национальной идеи Е. Трубецкой разбирает работу В. Соловьева «Три разговора» и приходит к выводу, что мистический образ апостола Иоанна и есть искомый духовный идеал России, ее настоящее христианское призвание. «В этом старце, – пишет он, – Россия находит свой подлинный огненный язык, который бесстрашно разоблачает тайну беззакония, испытывая антихриста по способу апостола Иоанна – чрез исповедание воплощенного Слова»¹⁷⁹.

Нужно сказать, что трансцендентный национальный идеал, намеченный В. Соловьевым, у Е. Н. Трубецкого получает еще большее воплощение – такое воплощение, которое как бы совсем не касается эмпирического плана, в котором лишь грех национального мессианизма, превращающегося в национальную исключительность. «Огненный язык» стоит по одну сторону всех эмпирических языков, которые суть языки культуры, то есть национальные языки. В них происходит дробление вселенского на частные национальные «углы», в котором каждый народ лишь кичится своей особой связью с Богом. Это национальная гордыня переходит в религиозную, порождающую лишь рознь между народами, а не сплочение. «Огненный язык» – этот подлинно духовный язык, с помощью которого каждая нация реализует свое религиозное предназначение, но лишь в случае отречения от своего национального мессианизма.

Глубинная религиозная сущность Русского мира наиболее полно и ярко философски выражена Вяч. Ивановым в работе «О русской идее», которая входит в книгу с концептуальным названием «Родное и вселенское». Своеобразие этой работы, выгодно отличающейся от множества на подобную тему, в том, что в ней «отличительные особенности нашей народной психологии» являются религиозными чертами русского народа. Иными

¹⁷⁹ Трубецкой Е.Н. Там же. С. 323.

словами, психологическое и религиозное совпадает, образуя прочную душевную и духовную основу Русского мира.

Этот синтез психологического и религиозного предстает, согласно Вяч. Иванову, в таких особенностях как стремление ко всенародности, к русской энергии совлечения, к русской жажде нисхождения и служения. Приведем высказывание, большое по объему, но являющееся принципиально значимым для понимания Русского мира. Вяч. Иванов пишет: «Основная черта нашего народного характера – пафос совлечения, жажда совлечься всех риз и всех убранств, и совлечь всякую личину и всякое украшение с голой правды вещей. С этой чертой связаны многообразные добродетели и силы наши, как и многие немощи, уклонь, опасности и падения»¹⁸⁰.

Можно сказать, что это программный тезис, квинтэссенция многих размышлений, раскрывающая суть религиозной психологии русского народа, все его противоречия, нелогичность, взлеты и падения, трагизм и стремление к высшему духовному идеалу. Выделенный философом пафос совлечения связан с любовью к нисхождению, откуда следует принципиальная характеристика русскости как имманентной религиозности.

Имманентная религиозность русской души – своего рода общее место большой традиции русской религиозной мысли, которая отмечена такими именами как Н. В. Гоголь, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, И. С. Аксаков, К. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, И. А. Ильин и многими другими. Однако, с нашей точки зрения, именно Вяч. Иванову принадлежит глубокое и изящное обоснование этой идеи. Вот его итоговая характеристика: «Общий склад русской души таков, что христианская идея составляет, можно сказать, ее природу. Она выражает центральное в христианской идее – категорический императив нисхождения и погребения Света и категорический постулат воскресения... Если народ наш

¹⁸⁰ Иванов Вяч. И. О русской идее // Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 368.

называли «богоносцем», то Бог явлен ему прежде всего в лике Христа; и народ наш именно «Христоносец, Христофор»¹⁸¹.

Русский народ – это народ-Христофор, согласно Вяч. Иванову. Такова *предельная формула русскости*, многое объясняющая в России, которая вышла не из «мирообъятного лона римской государственности», а шла своим путем, на котором и «ненависть к культуре обособленных возвышений и достижений», и «своеобразное отношение нашего народа к греху и преступнику», и особый культ просветляющего страдания, и нигилистические ниспадения в анархию и сектантство, и особое отношение к Светлому Воскресению, которое «поистине праздник праздников и торжество торжеств», в отличие от западных народов, которым ближе Рождество.

Вяч. Иванов проник в глубинную сущность Русского мира, которая является отражением коренных духовных особенностей русского народа, его религиозно-психологических черт. Нужно сказать, что идеи, высказанные в этой работе еще в 1909 году, найдут в дальнейшем продолжение и развитие. И причем не только у русских авторов. Хотелось бы указать на известную работу одного из лучших знатоков и ценителей восточнохристианской духовной культуры чешского богослова Томаша Шпидлика «Русская идея: иное видение человека». В ней множество поразительных характеристик русской духовности, коррелирующих с общим строем русской мысли.

В книге Т. Шпидлика множество глубочайших наблюдений над религиозной психологией русского человека, созвучных в том числе и Вяч. Иванову. Вот, например, что он говорит в духе Иванова об особой радости о воскресении в России. Ссылаясь на русских авторов (Н. Гоголя, П. Евдокимова и Н. Арсеньева), он пишет: «Сама душа православия жаждет этого и приводит основные утверждения веры, связанные с этим прославлением. Прежде всего это откровение жизни вечной, не только для души, но и для тела. Отсюда реабилитация материи и плоти. Отсюда рождается понимание человека в его

¹⁸¹ Иванов Вяч. Там же. С. 371.

космическом измерении. Через воскресение мертвых человек включается в историческую жизнь всего человечества»¹⁸².

Вместе с тем уже к началу XX века исконная русскость, сформированная Православием, начинает разрушаться в слоях населения, которые в большой степени подверглись секуляризации и европеизации. Как писал известный либеральный философ А. С. Ахиезер, «ослабление господствующего идеала усилило опасность растаскивания ценностей большого общества по локальным мирам. Это сопровождалось ростом общей дезорганизации, усилением социокультурных противоречий»¹⁸³. Развивая его концепцию, современный исследователь Н. В. Синявина отмечает, что «доминантной тенденцией при построении модели будущего выступала теургическая идея. Однако если в древнерусской культуре, детерминированной православными основаниями, она предполагала преобразование Царства Земного в Царство Небесное, то по мере обмирщения сознания русского общества, смысловое пространство теургии смещалось в сторону секулярного... Именно раскол выступает как механизм социокультурной динамики в развитии русской культуры. Результатом становится распад общества на два субэтноса, каждому из которых присущи собственные ментальность, комплекс ценностей и идеалов»¹⁸⁴. Почему же произошел этот раскол?

Как пишет Е. В. Мареева, «национальная общность большинством образованных людей России воспринималась как чисто духовное, идеальное образование. Нация отождествлялась с национальной идеей, а не с реальным историческим объединением людей»¹⁸⁵. В этом проявился полный отрыв от народа. Русская нация сформировалась еще в XV веке в период создания

¹⁸² Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека. СПб., 2006. С. 242.

¹⁸³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокульт. динамика России): Т.1. От прошлого к будущему – 2. изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. – С. 204.

¹⁸⁴ Синявина Н.В. Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография. – М.: МГИК, 2022. – С. 332.

¹⁸⁵ Мареева Е.В. Культурология. Теория и история культуры. Учеб. пос. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство «Экзамен», 2008. – С. 431.

Московской Руси как защитницы православной веры, и эта общность оставалась нерушимой вплоть до XX века, но была чужда интеллигенции.

Одной из насущных задач современности – и общества, и культуры, и государства – является задача воспитания, а подчас и формирования утраченной за последние десятилетия русскости. Безусловно, религиозное воспитание имеет приоритетное значение. Как хранитель традиционных ценностей религия содержит в чистом виде самые драгоценные сокровища национальной духовности. И обращение к церковному преданию – это также постижение духовных основ русскости.

В этом контексте особое значение приобретает специфически русская категория соборности, введенная в философию А. С. Хомяковым. Эта категория отражает специфику российской цивилизации, но именно она и подверглась самому радикальному разрушению в XX веке, когда соборность подменялась государственным коллективизмом. Как пишет исследователь этой категории А. Н. Лазарева, «умерщвление соборности выдают за внутреннюю ее нежизнеспособность; разложение извне – за собственную внутреннюю ее деградацию; свое неверие в будущее соборности – за действительную ее бесперспективность. Мы знаем то, что сами создаем. Но кто и пальцем не пошевелил для созидания соборности, тот не может иметь подлинного знания ее, а кто работает над разрушением ее, тому и надобности нет постигать ее изнутри»¹⁸⁶.

В результате, как писал В. М. Межуев, «после всех злоключений последнего столетия Россию как бы выбросило в открытый океан, где ей только еще предстоит определиться в координатах своего нового местонахождения. Пока же она плывет “без руля и без ветрил”, смутно осознавая цель своего движения»¹⁸⁷. В статье «Российская цивилизация:

¹⁸⁶ Лазарева А.Н. Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии. – М.: ИФ РАН, 2003. – С. 143.

¹⁸⁷ Межуев В.М. Российский путь цивилизационного развития // Межуев В.М. Между прошлым и будущим. Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФ РАН, 1996. – С. 128.

утопия или реальность?» (2000) он отмечал: «Вопреки мнению о том, что Россия уже сложилась как особая цивилизация, напрашивается другой вывод: она и по сей день находится в состоянии цивилизационного поиска, то есть поиска своего места в мировой истории. Поиск этот далеко не закончен, о чём свидетельствует длящийся уже несколько столетий спор о том, чем является Россия – частью Запада или чем-то отличным от него... На отсутствие окончательного решения указывает и постоянно возрождающийся интерес к так называемой “русской идее”. Если Запад осознает себя как сложившуюся цивилизацию, то Россия – только как идею (разумеется, по-разному трактуемую), существующую более в голове, чем в реальности. Подобное направление мысли выходит на первый план там, где реальность находится ещё в состоянии брожения, не отлилась в законченную форму, не застыла в своей цивилизационной определённости. И в нынешнем своём виде Россия представляет собой пример страны, не столько обретшей, наконец, свою цивилизационную идентичность, сколько в очередной раз осознавшей острую необходимость её обретения»¹⁸⁸. «Опорной точкой» для возрождения и роста российской цивилизации В. М. Межуев справедливо считал особое качество «русскости», которое сохранилось в народе. Он определял её так: «Русская культура всегда ориентировалась на жизненный идеал, выходящий за пределы сознания и образа жизни одного лишь западного человека, преимущественно ориентированного на свои частные нужды и потребности. Если для Европы (и Запада в целом) общим основанием для любой цивилизации являются права и свободы человека как частного лица, то Россия (в лице философов и писателей) искала это основание в сфере нравственной ответственности человека перед Богом и перед другими людьми»¹⁸⁹.

Кроме религиозного воспитания, большое значение имеет русская литература в воспитании патриотических чувств: «Воспитание «русского

¹⁸⁸ Межуев В.М. Российская цивилизация: утопия или реальность? // Россия XXI, 2000, № 1. С. 5.

¹⁸⁹ Межуев В.М. Россия в диалоге с Европой: генезис взглядов на становление российской цивилизационной идентичности // Социология власти. 2007. № 1. – С. 31-32.

чувства», «русскости» как мировоззренческой ценности и национальной черты характера станет одной из знаковых традиций русской литературы»¹⁹⁰. Именно русская литература, которая больше, чем литература, также содержит в себе огромные пласты традиционных нравственных ценностей, изучать, постигать и претворять в жизнь которые представляет сегодня большую задачу государственной культурной политики в области образования, воспитания и духовного просвещения.

Чего же не хватает сейчас России для возрождения своей самобытной цивилизации? А. С. Панарин писал об этом так: «Не хватает мощной мобилизующей надэтнической идеи, в которой нашла бы разрешение проблема евразийской идентичности – творческого прочтения нашей цивилизационной специфики. Но напряженная атмосфера ожидания такой идеи сама по себе многозначительна: общество уже готовится к таинственному рывку»¹⁹¹. Особо стоит отметить здесь понятие *надэтнической* идеи – оно обозначает сущностную специфику российской цивилизации как полиэтническую и поликультурную. В свое время Г. Федотов писал об этой специфике так: нужно «расширить свое русское сознание (без ущерба для его “русскости”) в сознание российское. Это значит – воскресить в нем в какой-то мере духовный облик всех народов России»¹⁹².

Научная гипотеза нашего исследования состоит в том, что осмысление Русского мира как самобытного цивилизационного единства в отечественном культурфилософском дискурсе XVIII – XX вв. позволяет раскрыть единство историософской направленности и сотериологического смысла Русской идеи как ценностно-смыслового ядра Русского мира. Анализ современных проявлений Русской идеи дает возможность уточнить сотериологический смысл политики российского государства в условиях становления

¹⁹⁰ Семенова Е.В. Русская литература против «расчеловечивания» человека в современную эпоху // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2022. №5-1. С. 69.

¹⁹¹ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). – М.: ИФ РАН, 1994. – С. 261.

¹⁹² Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. – СПб.: София. 1991. – С. 181.

социокультурной реальности многополярного мира в XXI в., который внутренне связан с христианской политикой, как ее понимали представители русской религиозной философии и литературы в XVIII – XX вв.

Выводы из первой главы

Как показано в первом параграфе первой главы диссертационного исследования, концепт «Русский мир» невозможно вписать в существующие заданные рамки и категории. Само понятие Русского мира, его явление находится в состоянии развития и формирования с точки зрения социокультурной реальности, которая требует взаимопроникающей и взаимодополняющей друг друга синергии учёных разнообразных общественных наук.¹⁹³ Необходимо вырабатывать многоуровневое и многоплановое, междисциплинарное изучение Русского мира, широкое предметное поле которого, как показано в первой главе, граничит как с проблемами геополитики, с одной стороны, там и с проблемами метафизики – с другой стороны, не является единственно возможным. Имеет смысл выбрать противоположное движение и другой подход, где Русский мир в пространстве культуры раскрывается перед нами как самобытная цивилизация, причем не в шпенглеровской узком смысле умирающей культуры. Цивилизация в данном случае означает расцвет самобытной культуры, представление о которой формировалось в историософских поисках русских мыслителей на протяжении нескольких столетий. Именно культурологическое измерение Русского мира всерьёз изучалось в рамках русского философского и теологического дискурса, а также в отечественной литературе и публицистике XVIII – XX вв.

Во втором параграфе первой главы диссертационного исследования отмечено, что рефлексия оснований Русского мира как самобытной

¹⁹³ Кривоусков В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Вестник АГУ. 2016. Вып. 1 (174). С. 116.

цивилизации обнаруживает содержательную открытость данного концепта, укорененного в отечественной культуре в эсхатологическом и нравственном плане. Исследование проблемы русскости как основы национального менталитета и маркера национальной идентичности обнаруживает наднациональный и надэтнический характер Русского мира в том случае, когда этническое и национальное понимаются в строго научном или идеологическом смысле. Соответственно, концепты русскости и Русского мира несовместимы с идеями национализма, основанными на лозунгах «крови и почвы». Исследование концепта русскости, которая является особенностью русского национального менталитета требует не ограничиваться в рамках сугубо национального вопроса, при этом не отрываться от национальной культуры настолько, чтобы не раствориться в лишенном уникальных особенностей и традиционных истоков глобализме.

При этом русскость предстает как противоречивое единство в основании русской сердечности. С одной стороны, это благоговейно-уважительная отзывчивости к собственным национальным ценностям и отеческим святыням, а с другой – открытость к «всечеловеческому» и «вселенскому», что подтверждает анализ творчества русских религиозных философов и писателей XVIII-XX вв. Речь идет об идее «всемирной отзывчивости» русского человека, которая у Ф.М. Достоевского является продолжением и развитием идеи соборности у славянофилов. В свою очередь, мысль о «всечеловечности» русского национального идеала есть «светская транскрипция» церковного идеала соборности, спроецированная на эмпирическую реальность национального бытия. В этом плане смысловым ядром Русского мира оказывается поиск вселенской справедливости как «сверхценности» русской религиозной философии, получающая в наши дни новую трактовку. Русский мир в свете указанного понимания – это пространство мирового смысла, пространство, где творятся смыслы, где обыденная жизнь во всей ее суеде наполняется высшим смыслом. Неслучайно поиск смысла – отличительная черта отечественной философии.

Размышления о Русском мире «сплошь историософичны» (В. В. Зеньковский), их основой является обращение к темам смысла истории, её конца и т. п. Эсхатологические концепции XVI - XVIII века перекликаются в русском культурфилософском дискурсе с историософскими размышлениями XIX века и утопиями XX века. При этом Русский мир демонстрирует синтез психологического и религиозного, который предстает в энергии совлечения, в русской жажде нисхождения и служения. Здесь квинтэссенция психологии русского народа, все его противоречия, нелогичность, взлеты и падения, трагизм и стремление к высшему духовному идеалу.

Глава 2. РУССКАЯ ИДЕЯ КАК ДУХОВНОЕ ОСНОВАНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РУССКОГО МИРА

2.1. Русская идея как самосознании Русского мира: историсофский аспект

Понятие «самосознание» и его, более сложное выражение «самосознание общества» являются одними из ключевых понятий современной философии, поскольку в центре её интересов всегда стоит человек и его культурная и экзистенциальная идентичность. Специфика феномена самосознания состоит в том, что в нем объект и субъект совпадают в процессе рефлексии и самотрансформации. Коллективное самосознание, в том числе самосознание общества, является полисубъектным и внутренне диалогичным, многомерным. По определению С. А. Никольского, национальное самосознание представляет собой «систему идей, взглядов, представлений, убеждений, верований, норм, целей, ценностей и привычек, сложившихся у отдельного субъекта и народа в целом и проявляющихся в его поведении и действиях в обыденно -типичных или экзистенциально- экстремальных ситуациях»¹⁹⁴. Это же определение применимо и к цивилизационному самосознанию, каковым является самосознание многонациональной цивилизационной общности Русского мира.

Исследования самосознания современного российского общества уже породили обширную научную и философскую литературу¹⁹⁵. В целом, как отмечает В. В. Баркова, задача философии и современной российской культуры состоит в том, чтобы «стимулировать трансформацию российского общества в нацию и движение российского самосознания к уровню

¹⁹⁴ Никольский С.А. Российское самосознание в реалиях XXI столетия // Политическая концептология. 2009. № 4. С. 95.

¹⁹⁵ См.: Гумерова Ж.А., Шелехов И.Л. Основные направления исследования русского национального самосознания в XX-XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 39–42; Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки, Всероссийская конф. (2008; Москва–Пенза). 3-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 22–24 мая 2008 г. / Ред. М.Н.Громов и др. – М.: ИФ РАН, 2009. – 279 с.

национального явления»¹⁹⁶. По мнению Э. М. Думновой, «в условиях существования национального самосознания представителей отдельных этносов, входящих в российский народ, и укрепления их этнической идентичности наблюдаются тенденции формирования наднациональной, интегрирующей идентичности – социопространственной»¹⁹⁷. Именно к «социопространственной» относится и идентичность Русского мира.

Согласно концепции академика РАН А. В. Смирнова, «фактическая нерешённость вопроса о втором уровне идентичности для России со всей остротой ставит проблему несформированности устойчивого национального самосознания. Рассмотрены три варианта ответа на вопрос о втором уровне идентичности: славянский (Данилевский), европейский (Достоевский), Россия – Евразия (классическое евразийство)... Никакой из частных вариантов культурно-цивилизационной идентичности в современной России не может служить инвариантом всероссийской идентичности, что ставит вопрос о необходимости их собирания (а не приведения к единству) на основе разработанной в русской мысли категории “всечеловеческое”»¹⁹⁸.

Уже шла речь о том, что Русская идея и Русский мир взаимосвязаны в реальности нашей истории и в теоретическом сознании. Современные представления о русской идее опираются на результаты духовного развития русской культуры. Об этом глубоко и всесторонне рассуждают авторы монографии «Философия русской идеи» С. Н. Кочеров и О. В. Парилов. В результате анализа существенного пласта историко-философского материала, в том числе и средневековых представлений о русской идее, старообрядческих воззрений и генезиса этой идеи в Новое время, вплоть до XXI века, авторы приходят к выводу: «Не может быть Русского мира без русской идеи!»¹⁹⁹. Как

¹⁹⁶ Баркова В.В. Российское самосознание и тенденции его развития // Аналитика культурологии. 2012. Вып. 2 (23). С. 61.

¹⁹⁷ Думнова Э.М. Феномен формирования самосознания народа в современном российском обществе // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 16.

¹⁹⁸ Смирнов А.В. Самосознание российского общества // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 220.

¹⁹⁹ Кочеров С.Н., Парилов О.В. Философия русской идеи: Монография. М: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. С. 212.

справедливо отмечает исследователь М. Ю. Неронова, в современном дискурсе, посвященном своеобразию России, все чаще употребляют понятие «Русский мир», заменяя им привычное понятие «русская идея»²⁰⁰. Эти концепты близки, но они не синонимы, а, скорее, соотносятся как «внешнее» и «внутреннее», «форма» и «содержание».

Взаимозамещение этих понятий не только неправомерно, оно неверно с исторической, логической и философской точек зрения. Действительно, такие важные составляющие Русского мира, как географическое местоположение, русский язык и русская культура, традиции и обряды, моральные и религиозные представления, историческая память, оказываются недостаточными, если отсутствует высшая, объединяющая Идея, задающая смысловой, целевой и ценностный горизонт бытия Русского мира. В этом смысле никакая идеология Русского мира невозможна вне концептуальных смыслов русской идеи, выработанных в недрах русской религиозно-философской традиции. «Ибо только через усилия философской рефлексии, – отмечают И. И. Горлова и В. П. Гриценко, – в общественное сознание войдет концепт «Русский мир» в своем новом, соборном звучании»²⁰¹.

Исследователь В. Д. Попков также делает акцент на философских параметрах Русского мира. Он считает, что в современных дискуссиях недостаточно звучат вопросы о том, какое мировоззрение лежит в основе Русского мира, мировоззрение, определяющее культурные, поведенческие практики: «Русский мир – это мировоззрение и образ мыслей; он не материален»²⁰².

Для формирования русского общественно-политического сознания и русской культурной идентичности необходимо провести специальный

²⁰⁰ Неронова М.Ю. Развитие русской идеи и русский мир // Философские науки. 2019. №3 (32). С. 214.

²⁰¹ Горлова И.И., Гриценко В.П. Российская цивилизация и «Русский мир» // Журнал Института наследия. – 2018. 2(13) [Электронный ресурс] URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/206.html> (дата обращения: 29.12.2022).

²⁰² Попков В.Д. Русский мир. Философские рамки понимания проблемы // Вопросы философии. 2021. № 7. С. 35.

культурфилософский анализ с целью выявления мировоззренческих первооснов Русского мира, его ценностно-смыслового содержания. Председатель правления фонда «Русский мир» В. А. Никонов еще в 2010 году говорил следующее: «Среди сотрудников фонда «Русский мир» практически нет никого с философским образованием, но, естественно, ответы на подобные вопросы должны искать представители самых разных профессий. В первую очередь, наверное, это философы, поскольку над «русскостью», «русской идеей» отечественные философы нашей страны размышляют уже не одно столетие»²⁰³. Это очень точные слова, показывающие приоритетность культурфилософского исследования Русской идеи как смыслового основания Русского мира.

Вновь обратимся к работе видного отечественного философа, исследователя русской и немецкой философских традиций А. В. Гулыги, конкретно к его книге «Русская идея и ее творцы». В этой уникальной работе представлена своеобразная биография русской идеи в ее неотрывной связи с современностью, с духовными заботами сегодняшнего времени. Истоки русской идеи автор находит у Ф. М. Достоевского, кроме него В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, А. Ф. Лосев. Основная идея всей работы в том, что, как полагает автор, русская идея – это «идея всеобщего спасения»²⁰⁴. Это сквозная идея, объединяющая философские биографии более десяти русских философов в единое целое. Посвящая каждому философу отдельную главу, автор показывает, как идея спасения была реализована в его наследии. Это уникальный труд, раскрывающий ценностно-смысловое единство русской философии по отношению к одному из важнейших экзистенциальных аспектов человеческого существования через идею спасения.

²⁰³ Смыслы и ценности Русского мира: сб. статей и материалов круглых столов, организованных Фондом «Русский мир» / под ред. В. А. Никонова. М., 2010. С. 73.

²⁰⁴ Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М., 2022. С. 21.

Оценивая русскую историю большинство исследователей мыслят антиномически: или-или. В истории России сплошные разрывы, особенно между самодержавным периодом с его идеологией «православия, самодержавия, народности» и советским с его установкой на построение нового мира («до основания старый мир разрушим»). И большинство авторов так и смотрят на отечественную историю по принципу или/или: либо дореволюционная православная Русь, либо Советская атеистическая Россия.

Даже такой глубокий автор, как протоиерей Георгий Флоровский, не смог, с нашей точки зрения, преодолеть полностью эту антиномию. В своем фундаментальном труде «Пути русского богословия» он пишет: «История русской культуры – вся она в перебоях, приступах, отречениях или увлечениях, в разочарованиях, изменах, разрывах. Всего меньше в ней непосредственной цельности. Русская историческая ткань так странно спутана и вся точно перемята и оборвана»²⁰⁵. И хотя следом за этими словами он приводит в свое подтверждение слова Бердяева «Для русской истории наиболее характерны расколы и катастрофические перерывы», необходимо сказать, что «Русская идея» Бердяева как раз доказывает, что, несмотря на расколы и катастрофические перерывы, русская история и культура едины.

Но своеобразие православного религиозного взгляда на русскую историю предполагает не только констатацию ее катастрофичности. Он неотделим от поиска смысла в русской истории, а в более глубоком религиозном аспекте – поиск провиденциального, часто трагического и драматического смысла мира и человеческой жизни²⁰⁶. Особое значение здесь имел эмигрантский опыт. «Для христианина все в мире имеет смысл, – отмечает исследователь русской эмиграции М. В. Назаров, – в том числе и катастрофы: они дают опыт катарсиса, который, пожалуй, иным образом получить было нельзя. В этом глубочайший и единственный положительный земной смысл российской

²⁰⁵ Флоровский Г.П. Пути русского богословия. М., 2009. С. 633.

²⁰⁶ См.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 1999. С. 3.

трагедии»²⁰⁷. Важно здесь сделать акцент на нравственный, а не только на теоретический аспект понятия «смысл»; все в мире имеет *нравственный смысл*, поскольку речь идет о *катарсисе* – нравственном очищении через прохождение исторических катастроф и трагедий. Что касается исторической науки, то она «аксиологически нейтральна», она исследует закономерности исторического процесса вне каких-либо моральных характеристик самого исследователя.

С религиозной точки зрения, исторический процесс является не набором разрозненных случайных событий, факторов и явлений в бытии народов, подчиненных логике выживания и сохранения своего эмпирического существования, но неким целостным процессом, имеющим высшую, *метафизическую цель* (духовное задание, миссию). И у каждого народа своя собственная национальная миссия, что является важным цивилизационным фактором различия между ними. Каждый народ самобытен, поскольку самобытна его высшая цель. Но далеко не все народы следуют своему предназначению, часто отклоняясь от своего пути или подчиняясь другому. В этом смысле сама *история человечества* есть драма его бытия, в которой силы хаоса и деструкции часто оказываются сильнее жизнеутверждающих идеалов. И поэтому, как считает К. М. Кантор, «предмет историософа – единая история всех стран, народов и государств, всех эпох – в духовной сфере»²⁰⁸.

Нужно различать позитивную науку историю и историософию, которая не всегда является религиозной. Историософия видит исторический процесс через призму его смысла, как это было у Гегеля, у которого смысл исторического процесса в самопознании Абсолютного Духа. У Гегеля, как и в религиозной историософии, присутствует выход в метафизическую и постметафизическую области историософской рефлексии²⁰⁹. Но Гегель

²⁰⁷ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века). В 2-тт. Том первый. М.: Русская Идея; СПб.: Русская Лира. 2020. С. 19.

²⁰⁸ Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т. 1: Общие проблемы. – М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 15.

²⁰⁹ Демин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии. Самара: Издательство СГА, 2016. 240 с.

выходит за пределы эмпирической реальности рационально-логически, а религиозная историософия духовно-мистически.

Принято вполне обоснованно считать Н. Я. Данилевского основоположником самобытной русской историософии: «Н. Я. Данилевский заложил основы русской историософии и геополитики, не западной и не славянофильской, а именно русской»²¹⁰. Суть этой *историософской русскости* Н. Я. Данилевского в том, что она отрицает общечеловеческую цивилизацию, в контексте которой Россия призвана, как считали славянофилы, решать общечеловеческие задачи. Таких задач не существует, поскольку культурно-исторический тип каждого народа предполагает развитие собственных национальных принципов и ценностей. Россия как самобытный культурно-исторический тип, безусловно, имеет собственную национальную основу.

Таким образом, русская историософия – это метафизика, определяемая Божественным началом, глубоко и оригинально проявляющегося в национальной истории и культуре. Но не всякая национальная философия способна расслышать и понять свое национальное задание. И поэтому бытие человечества разнообразно, прежде всего, в своих национальных философских конфигурациях. Содержательное наполнение русской национальной основы, относится к философско-богословским разработкам Русской идеи, в которой заложены историософская направленность и миссия русского народа. Эта миссия более всего отражена в разработках русской философии²¹¹. При общем понимании высокой духовной миссии России, ее нравственного призвания ортодоксальная церковная историософия имеет некоторые отличия от религиозно-философской. Примером «строго воцерковленной русской историософской мысли» представляют труды

²¹⁰ Дверницкий Б.Г. Н. Я. Данилевский – основоположник русской историософии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. №4. С. 288.

²¹¹ Егорычев А. М., Мардахаев Л. В., Варламова Е. Ю. Социальный мир человека XXI века: универсальное, национальное, особенное // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2023. № 1(104). С. 122-123.

архимандрита Константина (Зайцева). Это выдающийся мыслитель Русского Зарубежья, создавший историософскую концепцию миссии русской эмиграции и в целом миссии России как всемирного «удерживающего» и предапокалиптического состояния современного мира.

Миссия русской эмиграции в том, что «она сохранила свою органическую принадлежность к исторической России, продолжая быть носителем «подвига русскости»²¹². Очень сильное выражение «подвиг русскости», могущее употребляться не только применительно к эмиграции, но и в целом как сохранение своей национальной, духовной, исторической, культурной идентичности в мире. С этим связана особая судьба и, соответственно, духовная миссия России – чувствовать приближение конца истории, но не в смысле Ф. Фукуямы, а в смысле христианской эсхатологии: «Завершительным же событием в этом процессе явилось разрушение Русского Православного Царства, явившееся следствием духовного разложения Православной Русскости, бывшей одновременно и творением Русского Православного Царства, и его существом. История тем кончилась. Наступила стадия конца»²¹³. Комментируя эти слова богослова, современный исследователь В. Ю. Даренский отмечает: «Россия стала центром и завершением мирового исторического процесса, поскольку была хранителем Православия и Катехона. Именно здесь поэтому и произошла главная катастрофа, положившая начало движения земного человечества к гибели»²¹⁴. Это историософская концепция Православного Катехона – духовной силы, удерживающей мир от окончательного разложения и гибели. И пока существует Россия, существует и мир. Таким образом, восстановление, возрождение России являются залогом того, что история продолжится. И Русский мир в этом смысле является духовным пространством Катехона.

²¹² Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории: сборник статей, раскрывающих промыслительное значение исторической России, опубликованных в зарубежной России за последнее двадцатилетие. – Jordanville : Holly Trinity monastery, 1970. С. 158.

²¹³ Константин (Зайцев), арх. Чудо русской истории. М.: Форум, 2000. С. 571.

²¹⁴ Даренский В.Ю. Историософия архимандрита Константина (Зайцева) // Русско-Византийский вестник. – 2021. № 4 (7). С. 88.

В отличие от просвещенных, но строгих иерархов Церкви, которые видели миссию русского народа в том, что он является носителем и хранителем православия – последнего оплота добра и света в обезбоженном греховном мире, находящемся на грани катастрофы, – большинство религиозных философов были светскими людьми и внесли в историософский горизонт ценности и смыслы, выходящие за пределы строгой ортодоксии, но принимая его основной духовный посыл.

Согласно совокупному опыту русских философов классического периода (XIX – начало XX вв.) русская идея – идея вселенская. Это не противоречит идеям Н. Я. Данилевского, поскольку «вселенское» не тождественно «общечеловеческому» в либеральном смысле. И в этом гораздо большее расхождение между религиозными философами и либеральной интеллигенцией, нежели между ними и церковными иерархами. Свидетельством этого стал знаменитый сборник «Вехи», в котором дана жесткая критика утопической идеологии леволиберального лагеря со стороны религиозных философов.

О вселенской сущности русской идеи, в которой нет никакого националистического эгоизма, писали многие авторы. Вяч. Иванов в работе «О русской идее» определил ее суть как сочетание родного и вселенского, что является христианским универсализмом, лишенным как узкого национализма, так и беспочвенного космополитизма. В такой же тональности размышляли другие русские философы – Н. А. Бердяев, Е. Н. Трубецкой, Л. П. Карсавин, раньше Ф. М. Достоевский и В. С. Соловьев. Истоки этой идеи – в философии А. С. Хомякова, П. Я. Чаадаева, Любомудров (Д. В. Веневитинова, В. Ф. Одоевского), славянофилов, П. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, в поэзии Тютчева.

Несколько иное видение русской идеи представляет И. А. Ильин. Он рассматривает русскую идею не в плане общечеловеческого единения, как В. С. Соловьев, но в контексте драматической судьбы русского народа. И в этом смысле русская идея Ильина становится программой национального

возрождения России. В чем же ее сущность? В своей последней книге «Наши задачи» он пишет, что «Русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего сердца*»²¹⁵. Будучи универсальной, она пронизывает все уровни русской духовной культуры. Она проявляется и в русском православии, и в русской истории, и в русской душе. Ее можно обнаружить и в добродушии русских сказок, и в русском гостеприимстве, и в русской поэзии, литературе, музыке, живописи. Также значимо понимание Ильиным подлинного национализма, который у него является тождественным христианскому национализму и патриотизму. Это явления «высокого духа». В книге «Основы христианской культуры» есть глава, которая называется «О христианском национализме». В ней Ильин пишет: «Истинный национализм есть не темная, антихристианская страсть, но *духовный огонь*, возводящий человека к жертвенному служению, а народ – к духовному расцвету»²¹⁶.

Важное значение для структурирования духовного содержания русской идеи, выходящей в сферу общественного идеала, является понятие соборности. «Формирование идеального социального состояния происходит путем «просветления» социальной материи идеей соборности»²¹⁷, – отмечают современные исследователи на примере историософии С. Л. Франка. Безусловно, соборность как интегральная характеристика отечественного дискурса всеединства присуща не только С. Л. Франку²¹⁸. Как религиозно-философское понятие «соборность» означает удержание распадающегося мира на всех уровнях (биологическом, психическом, индивидуальном, социальном, культурно-историческом) и является близким синонимом богословскому понятию Катехон.

²¹⁵ Ильин И.А. Наши задачи // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 420.

²¹⁶ Ильин И.А. Основы христианской культуры // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 326.

²¹⁷ Маркова Т.В., Шетулова Е.Д. Историософия С.Л. Франка: вопрос об общественном идеале // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. vol. 9-1 (72). С. 96.

²¹⁸ Семикопов Д.В., Лебедев И.А., Аксенов А.В. Соборность как метафизическая категория в религиозном персонализме В.С. Соловьева, протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова) // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. №1.

Н. А. Бердяев пишет: «Русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической. Она глубоко задумалась над тем, что замыслил Творец о России, что есть Россия и какова ее судьба. Русским людям давно уже было свойственно чувство (скорее, чувство, чем сознание), что Россия имеет особенную судьбу, что русский народ – народ особенный»²¹⁹. Но это не повод для националистической гордыни, как раз наоборот, эта миссия вызывает к вселенской нравственной ответственности. И все историософские построения русской мысли пронизаны этой идеей ответственности. Это породило жесткий идеологический раскол, известный как противостояние западников и славянофилов, за которым как раз и скрывался вопрос не просто об историко-культурной ориентации России (на Запад или на православный Восток), но вопрос об историософской миссии.

Результат работы русской историософской мысли Н. А. Бердяев формулирует следующим образом: «Русские размышления над историософической темой привели к сознанию, что путь России – особый. Россия есть Великий Востоко-Запад, она есть целый огромный мир, и в русском народе заключены великие силы. Русский народ есть народ будущего. Он разрешит вопросы, которые Запад уже не в силах разрешить, которые он даже не ставит во всей их глубине»²²⁰. Это поразительно точные и даже пророческие слова, помогающие понять суть нынешнего противостояния России и Запада. Запад не просто не ставит фундаментальных вопросов нравственного и метафизического характера, он их устранил с горизонта своей рефлексии и социальной жизни как «имперские», «авторитарные» и т. д. Именно в этом корень глобального непонимания Западом России, который очень точно усмотрел Н. А. Бердяев.

Заканчивает свою книгу Н. А. Бердяев своеобразной формулой глубинной связи русской идеи и Русского мира: «Русский народ по своей вечной идее не любит устройства этого земного града и устремлен к Граду Грядущему, к

²¹⁹ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1990. С. 71.

²²⁰ Бердяев Н.А. Там же. С. 105.

Новому Иерусалиму, но Новый Иерусалим не оторван от огромной русской земли, он с ней связан, и она в него войдет»²²¹. Огромная русская земля в современной терминологии и есть Русский мир, наполненный стремлением к вечным духовным ценностям. Но эта устремленность к духовному и «нелюбовь» к земному не означают отсутствия заботы о земном, небрежения к действительности. Русский мир – это земная, а не трансцендентная реальность, в которой строго соблюдается иерархия ценностей. И поэтому так важны социокультурные и общественно-политические параметры Русского мира, которые также были предметом пристальной заботы русских философов.

Весьма схожие мысли высказывают такие авторитетные историки русской философии, религиозные философы и православные богословы, как прот. Василий Зеньковский и прот. Георгий Флоровский. Их размышления важны для нас; если идеи Н. А. Бердяева подвергаются иногда критике за чрезмерный субъективизм и эмоциональность в оценках, то Зеньковский и Флоровский, будучи выдающимися учеными-историками, предельно точны и сдержанны в своих характеристиках. «Русская мысль *сплошь историософична*, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т. п.»²²². Аналогичным образом высказывается Флоровский: «Русская философия рождается из историософического изумления, почти испуга, в болезненном процессе национально-исторического самонахождения и раздумья. И рождается именно *русская философия*, не только философия в России». *Историософия русской судьбы* и становится основной темой пробуждающейся теперь русской философской мысли»²²³.

Данных позиций известных русских философов, мы полагаем, достаточно, чтобы увидеть и понять, что историософия является духовным

²²¹ Бердяев Н.А. Там же. С. 269.

²²² Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. С. 22.

²²³ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 301.

фундаментом русской мысли, возможно, и судьбой русской философии и культуры. Смысл истории и смысл человеческого бытия неразрывно связаны. Именно в контексте русской философской культуры эти вопросы никогда не носили абстрактно-кабинетного характера, а были драматическими, экзистенциальными вопросами, в которые вовлекался сам философ. Для русских мыслителей вопросы о смысле носят личный характер, и в этом существенное отличие русской философии от западноевропейской теоретической мысли.

Однако начало всем историософским концепциям русской философии положено в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, в котором задана историософская направленность Русской идеи и Русского мира, становление которых доходит вплоть до нынешнего времени. В этом древнейшем памятнике древнерусской литературы, «одном из самых древних отечественных историософских сочинений»²²⁴ представлено богословское осмысление места Русской церкви в христианской истории, и, соответственно, определена историческая судьба русского народа в контексте религиозного миропонимания. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) таким образом выявляет промыслительный характер религиозной миссии русского народа, исходя из «Слова о законе и благодати»: «Русская судьба и дальше видится Илариону как результат непрерывного промыслительного попечения... Митрополит говорит о Богом определенной роли именно для русского народа, «спотыкавшегося» ранее «на путях гибели». Цель этого всенародного единения в духе церковного миропонимания – сохранить чистоту веры, удержать ее апостольскую спасительную истину, «святых Отцов Семи Соборов заповеди соблюдая». Здесь корни русской державности, понимающей государственную мощь не как самоцель, а как дарованное Богом средство к удержанию народной жизни

²²⁴ Мильков В.В. Иларион // Философская антропология. 2019. Т.5. №1. С. 103.

в рамках евангельской непорочности»²²⁵. Исследователь В. Ю. Даренский пишет: «Уже в самом начале русской истории в середине XI века в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона Киевского мы находим самую глубокую историософскую манифестацию того, что позже будет названо русской национальной идеей»²²⁶.

Важны в этом контексте слова выдающегося русского мыслителя, критика и литературоведа В. В. Кожина: «Для меня нет сомнения, что глубокое изучение «Слова о законе и благодати» способно доказать, что в нем уже начинало складываться то целостное понимание России и мира, человека и истории, истины и добра, которое гораздо позднее, в XIX–XX веках, воплотилось с наибольшей мощью и открытостью в русской классической литературе и мысли – в творчестве Пушкина и Достоевского, Гоголя и Ивана Киреевского, Александра Блока и Павла Флоренского, Михаила Булгакова и Бахтина»²²⁷.

Поскольку Русская идея в классическом измерении – во многом историософична, то в таком качестве она есть антипод секулярной, а в дальнейшем либеральной идеи, в которой нет понимания смысла как промыслительного хода жизни и истории. В современной позитивистской трактовке истории все часто сводится к одномерным законам эволюции, спроецированным на социальную реальность. «Случайность» и «необходимость», – две грани одного и того же взгляда на мир, в котором царствуют законы социал-дарвинизма в том или ином виде. Такая картина мира исключает метафизические измерения из жизни и истории, такие как таинственность, непостижимость, трагичность исторической судьбы человечества и человека в ней. А значит, не предполагает нравственной

²²⁵ Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева). – М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 103.

²²⁶ Даренский В.Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. №1. С. 51.

²²⁷ Кожин В.В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 71.

ответственности за судьбы бытия. В такой системе ценностей естественно преобладание гедонистического образа жизни²²⁸.

В «Слове о законе и благодати» дано философско-богословское осмысление Крещения Руси и фигуры князя Владимира. Обращение в истинную веру есть чудо, действие благодати. Именно здесь исток мировоззрения неслучайности, являющееся антиподом секулярного мировоззрения. Хотелось бы отметить точку зрения Льва Гумилева, который также говорит о благодати, о том, что выбор веры, правильный выбор, был актом спасения²²⁹. И этот выбор есть чудо, чудо неслучайности, поскольку можно было примкнуть и к мусульманству, и к католицизму, и к язычеству. И через Крещение Россия, имеющая своё предназначение, вписывается как равноправный народ с другими христианскими народами. Но предназначение не столько данность, сколько заданность.

Максимум духовной историософии достигается в концепции «Москва – Третий Рим», в которой на первом месте миротворительная идея о приоритете духовных и нравственных ценностей над материальными. В конечном счете это напоминание миру о том, что в мире есть духовность и что не хлебом единым жив человек. Это, конечно, исконная христианская идея, которая, увы, постоянно подвергается забвению. В проекции на философию эта идея выражается в такой типологической черте как *поиск смысла жизни*. Только человек как духовно здоровое существо способен на это метафизическое делание, на вопрошание о высшем смысле жизни, истории и бытия.

²²⁸ Справедливости ради нужно сказать, что восприятие жизни как цепи случайных событий и обстоятельств может носить драматический характер, как, например, у А. И. Герцена. Глубоким трагизмом исполнены его следующие слова: «Какая оскорбительная власть случайности. <...> грустно, тяжело, неужели вся жизнь должна быть пыткой и мучением. Человек по песчинке, несчетным трудом, потом и кровью копит, а случай хватит – и одним глупым ударом разрушает выстраданное. <...> Что это за страшный омут случайностей, в который включена жизнь человека. Я сознаю себя бессильным бороться с тупой, но мощной силой, во власти которой личность и все индивидуальное» (Цит. по: Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001. С. 283). У русского мыслителя, исповедующего атеистическое мировоззрение, случайность не вызывает гедонистической и цинической реакций. Скорее, наоборот, безрадостный пессимизм и отчаяние охватывают душу такого человека. Но это особенность именно русского мировосприятия, в отличие от западного, в принципе индифферентного к высшим вопросам бытия, веры и неверия.

²²⁹ Гумилев Л.Н. Выбор веры // Гумилев Л.Н. Всем на завещана Россия. М.: Айрис-пресс, 2012. С. 62.

Россия всегда искала альтернативный, основанный на духовных, а не на биологических принципах существования путь. Многие представители русского религиозно-философского ренессанса писали об этом. Особенно сильно эта идея прозвучала у Е. Н. Трубецкого в работах «Два мира в древнерусской иконописи» и «Смысл жизни», в которых показано, что духовный строй жизни, явленный в древнерусской иконописи, представляет собой существенное отличие от строя, в котором господствуют эгоистические, основанные на взаимной вражде принципы. Россия никогда не принимает этот перенос с животного мира на социальный, в то время как современный Запад узаконивает именно социальное хищничество, используя правовые моменты в качестве ограничительных. Мораль здесь оказывается личным, по сути, маргинальным делом. В России же мораль, нравственное измерение, первично и основополагающе, что не отменяет нравственного драматизма истории. И это не исключительно русская ценность, но всечеловеческая, ставшая в России основанием бытия и нравственным заданием. Это не привилегия, но вселенская ответственность.

Кроме всечеловеческого измерения, еще одна важная особенность русской философии в том, что она всегда на грани и на пределе, она сущностно *эсхатологична*. Русское историософское сознание – всегда перед бездной, в пограничной ситуации, в предчувствии вселенских катастроф. Максимальная устремленность к пределу, никакой успокоенности и благодушной безмятежности. Мир – всегда на краю гибели, на краю смерти, и только в этом положении свершается подлинное бытие. То, к чему западный экзистенциализм, особенно в лице М. Хайдеггера, пришел лишь в XX веке, а именно к идее, что подлинное бытие открывается лишь в ситуации «*Sein zum Tode*» (Бытие к смерти), русская мысль выстрадала в подвиге борьбы со смертью и злом задолго до этого в своей истории. Нравственная основа эсхатологической мысли в том, что она разоблачает ложь «стабильного» бытия в нестабильном мире, «вечный мир» в мире войны, «вечную жизнь» в

смертном мире. «Потревоженный дух», как выразился В. Розанов, составляет основу Протизанной эсхатологией Русской идеи.

В этом контексте необходимо указать на аритмологическую концепцию бытия, разработанную русским ученым-математиком и философом, одним из видных представителей Московской философско-математической школы Н. В. Бугаевым²³⁰. Согласно этой идее, историческое бытие человечества не подчинено принципам непрерывной эволюции, а представляет собой разломанную, разорванную, пробитую небытийными трещинами трагическую историю. Нет никакой причинно-следственной связи между событиями, поэтому бытие сущностно непостижимо. Но именно таким образом возможно понять, почему есть зло и смерть, почему есть такие катаклизмы, как войны и революции²³¹. Аритмология в этом смысле – точка пересечения эсхатологии и историософии, что является отличительной чертой именно русской религиозной философии.

Аритмологическое мироощущение было свойственно многим русским писателям и философам. Можно вспомнить пушкинские строки: «Есть упование в бою...» и мысль Достоевского: «Бытие только тогда есть, когда ему грозит небытие». Среди философов ближе всех к аритмологии – П. А. Флоренский. В своей фундаментальной работе «Столп и утверждение истины» он пишет: «Если мир познаваемый надтреснут и мы не можем на деле уничтожить трещины его, то не должны и прикрывать их. Если разум познающий раздроблен, если он не монолитный кусок, если он самому себе противоречит, мы опять-таки не должны делать вида, что этого нет.

²³⁰ Бугаев Н.В. Математика и научно-философское мирозерцание // Математический сборник. М., 1905. № 2. С. 349-369.

²³¹ Известный исследователь русской философии С. М. Половинкин, характеризуя взгляды Н. В. Бугаева, отмечает, что в социальной сфере аритмология говорит о «мировых катастрофах, революциях, переворотах в индивидуальной и общественной жизни, о ритмической смене типов культур. Аритмология живет чувством, что «мир надтреснут». Аритмология – это чувство трагедии, совершающейся в мире, предчувствие эсхатологического конца. Эти «трещины бытия» есть «бездны зла», существующие лишь в человеческом аспекте. Непрерывность иллюзорна, реальность прерывна» (Половинкин С.М. Аритмология // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. М.: Мысль, 2000. Т.1. С. 179).

Безсильное усилие человеческого рассудка примирить противоречия, вялую попытку напрячься давно пора отразить бодрым признанием противоречивости»²³². Кроме П. А. Флоренского, такое мироощущение присуще С. Н. Булгакову, Н. А. Бердяеву, С. Л. Франку, В. В. Зеньковскому, Н. О. Лосскому, В. Ф. Эрну. Аритмологическое восприятие дает объемное, многомерное видение бытия, которое не подчиняется только законам природного детерминизма. Вне этого видения так или иначе мир будет казаться плоским, одномерным, таким, каким мыслится в секулярной парадигме понимания истории.

Особую актуальность аритмологическое понимание истории приобретает в контексте современного развития и воплощение в жизни русской идеи. Действительно, русская идея родилась в XIX веке как философский конструкт, однако в XX веке до ее реализации в реальной истории дело не дошло, поэтому именно в настоящее время русская идея представляет собой проект будущей России. И эта будущая Россия реализуется через разрыв, который произошел в XX веке, когда Россия развивалась по совершенно иному проекту.

В статье «Идея катастрофического прогресса» (1909) В.Ф. Эрд писал: «Понятие прерывности, приложенное к идее прогресса, показывает, что формы развития человечества вовсе не так просты, идилличны и прямолинейны, как это думает позитивное понимание. Нет, истинными и существенными толчками вперед были те величайшие грозы и революции духа, те взрывы энтузиазма и веры, когда эмпирическое и посюстороннее, бушуя, вздымалось столь высоко, что достигало высот ноуменального»²³³. В данной формулировке очень точно выражено аритмологическое понимание истории. «русская идея» как проект будущей России реализуется через разрыв исторической преемственности – и именно как «революция духа», «взрыв энтузиазма и веры». Поэтому её воплощение в жизнь не детерминировано и не гарантировано – оно может быть только результатом свободы воли.

²³² Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1 (1). М.: Правда, 1990. С. 157.

²³³ Эрд В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 216.

Аритмологическое понимание истории в максимальной степени позволяют учитывать фактор свободной воли в историческом процессе. Свободной воли не только отдельного субъекта, но и больших масс людей, т.е. коллективного субъекта. В данном случае речь идет о том, что Русская идея не может быть принята массовым сознанием непосредственно, она может распространяться в массах только через просветительскую и образовательную деятельность отдельных людей, то есть через свободный выбор определенного мировоззрения. Исторический разрыв является определенной константой исторического процесса, но наиболее сложными и непредсказуемым являются разрывы не в материальном бытии народа, а именно на уровне мировоззрения. Мировоззрение может меняться радикально в течении одного-двух поколений – это зависит от многих факторов: объективных, т.е. изменения исторического контекста и содержания социальной жизни людей; и субъективных факторов – т.е. свободной воли людей, свободного выбора мировоззрения. В данном случае именно последний фактор является решающим, поскольку Русская идея может распространяться только в том случае, если значительное число людей примет её на уровне личного сознательного выбора, и только затем она может приобрести характер массового мировоззрения.

Данная ситуация является достаточно традиционно для русской истории; многие русские мыслители отмечали прерывистость русской истории, которая зависела от многих факторов как внешних, так и внутренних. То, что русская история движется через разрывы – факт достаточно очевидный. Можно выделить много поворотных моментов в русской истории, после которых она двигалась в новом направлении по сравнению с предыдущим периодом. Это и выбор веры святым князем Владимиром, это и татаро-монгольское завоевание, это и освобождение от него, это и перемещение центра Руси из Киева в Москву, это и Смута, это и Раскол, и наконец, это петровские преобразования, а затем XIX век, который также следует выделять в особый период, когда Россия начинается с эпохи Александра I, с Венского конгресса 1815 г., стала сверхдержавой и самой сильной страной Европы. Наконец, это весь XX век,

начиная с 1917 года, когда русская история оборвалась во многих отношениях. В настоящее время мы так же находимся в таком же поворотном моменте истории, соответственно, его сознательной идеологической формой может быть только осознание Русской идеи как той идеи, которая консолидирует Россию и дает проект нового будущего нашей страны.

Историософская парадигма русской мысли проявила себя еще в одном крайне важном аспекте, который можно обозначить как *нравственная антроподицея*, т. е. нравственное оправдание мира и человека. Это типологическая особенность отечественной философии, заключающаяся в применении моральных критериев к тем феноменам, которые в западной традиции считаются аксиологически нейтральными. Прежде всего это относится к онтологии и гносеологии, т. е. к бытию и возможностям его познания. Аксиология относится, собственно, к человеку, к миру культуры и социальным практикам. Такая дифференциация философского знания идет от Аристотеля, от его дисциплинарного разделения областей философии и закрепления за ними своего собственного статуса.

В русской философской традиции обнаруживается иной порядок вещей и ценностей. Русская мысль всегда исходила из моральных постулатов христианской этики: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1Ин 5:19). Это очень важное положение, не позволяющее смешивать Творца и творение (как в манихействе, гностицизме), но строго различать сотворенное благое бытие и испорченный по греховной человеческой воле мир. В проекции на философию это приводит к положению о том, что бытие – это «больное бытие». Н. А. Бердяев в книге «Философия свободы» выразил это предельно внятно: «Бытие заболело: все стало временным, т. е. исчезающим и возникающим, умирающим и рождающимся... Бытие в этом болезненном состоянии атомизируется, распадается на части, и все отчужденные части связываются насильственно, поработаются необходимости, образуется тяжелая материя»²³⁴. Данный тип мысли представляется «еретическим» для

²³⁴ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1990. С. 116, 130.

классического западного рационализма. Эта онтологическая болезнь поражает человека, исцелить которого возможно лишь духовно-нравственным путем. И это и есть основная задача русской философии: *нравственно исцелить человека*, по крайней мере, наметить пути такого исцеления. Все остальные проблемы, связанные с познанием мира, оказываются второстепенными. Примечательно, что «Слово о законе и благодати» прочитывается в контексте нравственной философии как первый текст, задавший корневую традицию *этикоцентризма русской мысли*²³⁵. О нравственной историософии «Слова» говорит В. В. Кожин: «Политические вопросы» становятся в «Слове о законе и благодати» подосновой глубокой, полной значения *историософской* концепции, а «решение» этих вопросов совершается на пути утверждения высших *нравственных* идеалов, которые обобщены в понятии Благодати»²³⁶.

Западноевропейская традиция трактует нравственные понятия несколько иначе: от изречения Анаксимандра до Гегеля, виновен изначально и по определению, его вина детерминирована самим порядком вещей. Стоит напомнить это изречение Анаксимандра, которое стоит у истоков западного мышления: «А из каких начал вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [ущерба] в назначенный срок времени»²³⁷. Неслучайно, что в западной традиции очевиден приоритет права над моралью, юридика над нравственностью. У человека как бы нет презумпции этической невинности, он виновен по факту своего бытия.

В контексте русской традиции право в большей мере нравственная, а не юридическая категория. Право – это Правда и Справедливость, откуда и вытекает главная идея – *идея оправдания человека*. На Западе, если и занимались оправданием, то делали это по отношению к Богу (теодицея). Но

²³⁵ См.: Макаров А. Нравственные воззрения Илариона Киевского // Альманах библиофила. Выпуск 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988 - 1988). М.: Книга, 1989. С. 89.

²³⁶ Кожин В.В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 70.

²³⁷ Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. М., 1989. С. 127.

в России оправдывают не Бога, а человека – и в глазах Бога, но в большей мере в глазах других людей, то есть *в свете совести*. Как говорил выдающийся русский композитор Г. В. Свиридов: «*Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия принесла в мировое сознание*»²³⁸. Как гениальный художник, обладавший особым чувствованием эстетического мира возвышенного и прекрасного, Г. В. Свиридов также точно и правдиво чувствовал нравственную глубину русской национальной культуры.

Русская идея – это *нравственная антроподицея*. Смысл истории, бытия человека в истории сводится к нравственному оправданию мира, оправданию и спасению человека. Историософия становится сотериологией. Не наказывать человека, а простить его – сущность русского этического подхода к виновности человека. «Как можно оправдать человека?» – такой же русский вопрос, как и вопрос о смысле жизни, который, как говорил А. Гулыга, впервые поставлен русскими. И для русской историософии в ее нравственном измерении также важны имена Н. Гоголя, В. Одоевского, Ф. Достоевского, Л. Толстого, В. Гаршина, А. Чехова, И. Бунина, А. Платонова – всех тех, кто прорывался сквозь мрак, пустоту и бессмысленность к высшим началам бытия, всегда пробиваясь к нравственному Абсолюту.

Но вернемся к вопросу о проблеме трагизма в мировой и русской истории, места в ней катастрофы и случайности, что занимало Русского философа В.С. Соловьева, о котором уже шла речь. Главная установка философа заключается в том, что человечество представляет собой единый большой организм, и участие в общей жизни человечества представляет смысл отдельной нации. Это и есть *принцип всеединства*, экстраполированный на *всю человеческую историю*, которая видится целостностью и единством, а не набором отдельных, разрозненных, культурных образований, не связанных друг с другом и живущих своей частной жизнью.

В данном аспекте он солидарен со своим «духовным учителем» Н. Ф. Федоровым, проповедовавшим братство и родство человечества как его

²³⁸ Свиридов Г. Музыка как судьба. М., 2002. С. 274.

должное моральное состояние и критиковавшим братоубийственную рознь, которая господствует в наличном «несовершеннолетнем» человечестве. В этой парадигме национализм представляет собой злейшего врага христианского универсализма, исповедником которого был В. С. Соловьев. В этом смысле борьба с национальным эгоизмом была его и жизненной, и философской задачей, которой он посвятил значительную часть своей теоретической деятельности.

Известный историк общественной мысли России XIX века Н. И. Цимбаев пишет о В. С. Соловьеве как критике и обличителе национализма, «зоологического национализма», языческого «народопоклонничества», национального эгоизма. Среди критикуемых М. Н. Катков, Н. Н. Страхов, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, А. А. Киреев²³⁹. Это неслучайно. Если возвратиться к работе В. С. Соловьева «Русская идея», нужно сказать, что трансцендентная высота национального идеала, которая была в ней выражена, была недостижима ни для одного крупного мыслителя того периода.

Именно этот трансцендентный идеал нации основывается у Соловьева на христианском провиденциализме. Он формулирует религиозно-философский тезис: «В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных»²⁴⁰. Это положение навсегда отводит Соловьева от обвинений и упреков в либерализме, поскольку для последнего понятия «таинственные события» просто не существует. Либерализм основывается либо на *позитивистской идее закона*, детерминирующего все природно-социальные явления, что в принципе исключает тайну; либо просто на *житейской идее случайности*, игры слепых, стихийных сил, которые также исключают какую бы то ни было таинственность из исторического процесса. И то и другое постулирует бессмысленность мира как отсутствия высшего смысла, связывающего все явления в единую цепочку, в которых может быть тайна, но не бессмысленность.

²³⁹ Цимбаев Н.И. Классический русский писатель // Там же. С. 18.

²⁴⁰ Соловьев В.С. Русская идея. С. 49.

В. С. Соловьев как философ всеединства не может быть либералом, поскольку его философская теория, укоренённая в высоких традициях платонизма и христианской мистики. С этим трансцендентным, то есть религиозным критерием В. С. Соловьев определяет суть русской истории: «Девятьсот лет тому назад мы были крещены Святым Владимиром во имя Животворящей Троицы, а не во имя бесплодного единства. Русская идея не может заключаться в отречении от нашего крещения. ... Восстановить на земле этот верный образ Божественной Троицы – вот в чем русская идея»²⁴¹.

2.2. Русская идея в XXI веке в контексте духовного проекта Нового Возрождения

Если рассматривать мировую историю не в эсхатологическом ключе, а с точки зрения её циклической динамики, то следует отметить, что в настоящее время глобальное человечество переживает период конца «Новейшего времени», который принято отсчитывать от начала Первой мировой войны и на смену которому пришел период, который условно называют «Постмодерном». Однако само это название является своего рода «заменителем» какого-то содержательного понятия, которое до сих пор не найдено. Нашей целью является обоснование идеи о том, что новый исторический период, который начался процессом возрождения России в начале XXI века, имеет глобальный характер и может быть определен с помощью понятия «Новое Возрождение».

Такой подход предполагает в первую очередь пересмотр самого смысла понятия «Возрождение» («Ренессанс») как термина, обозначающего определенный исторический период. Известный российский философ В. В. Бибихин (1938–2004) в своей книге «Новый Ренессанс» (1998) писал: «Суть всей истории – Ренессанс, возрождение настоящего... Ренессанс – цель и мера

²⁴¹ Соловьев В.С. Русская идея. С. 68.

всякого нашего усилия»²⁴². Речь идет здесь о том, что «Возрождение» («Ренессанс») должно пониматься не как какой-то частный исторический период, который уже не повторится, а как определенная универсальная и повторяющаяся в истории ситуация. «Его метаисторический размах (В. В. Биbihин о Ренессансе) выходит за временные пределы и не исчерпывается ролью переходного периода от Средних веков к Модерну. В этом смысле многие, особенно внеевропейские культурологи, считают, что Ренессанс начинался не раз и что он продолжается или продолжался вплоть до новейшей современности и связан с такими ее определяющими факторами, как наука и планетарная технология»²⁴³. Такой подход, основанный на глубоком историософском понимании сущности «Возрождения» («Ренессанса») как универсального исторического феномена, нам представляется плодотворным.

В русской философской традиции получило мощное развитие понимание истории как циклической смены различных духовных эпох, которые повторяются в новых формах. В частности, например, Н. Бердяев описывал этот процесс в своей пророческой работе «Новое Средневековье» (1924), сравнивая историческую эпоху с временем суток, когда день сменяется ночью. «Духовные начала новой истории изжиты, духовные силы ее истощены. Рациональный день новой истории кончается, солнце его заходит, наступают сумерки, мы приближаемся к ночи. Все категории пережитого уже солнечного дня непригодны для того, чтобы разобраться в событиях и явлениях нашего вечернего исторического часа. По всем признакам мы выступили из дневной исторической эпохи и вступили в эпоху ночную»²⁴⁴.

Однако относительно нашей современности можно утверждать, что уже сегодня мы живём в преддверии выхода из ночи в день. Это не хорошо и не плохо – в рамках христианского понимания истории это процесс истории

²⁴² Биbihин В.В. Собрание сочинений. Том 3. Новый ренессанс. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 27.

²⁴³ Там же. С. 208.

²⁴⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье / Сост. В.В. Сапова. М.: Канон+, 2002. С. 222.

человечества между двумя пришествиями Христа. Одно уже было, второе будет. Пока что человечество пошло на второй круг в повторении периодов с приходом христианства. По логике этих рассуждений Н. Бердяева, Новое Средневековье затем уже сменит Новый Ренессанс, а Новый Ренессанс когда-то сменит уже новое Новое время – но последнее не будет просто повторением первого, антропоцентрического и наукоцентрического Нового времени, а будет основано на опыте «Нового Средневековья».

В частности, можно предположить, исходя из опыта предшествующих эпох мировой истории, что важнейшей функцией грядущей новой эпохи Возрождения станет пристальное внимание не столько к прошлому, сколько возрождение того лучшего из прошлого, что делало нас ближе к Богу, не вместо Него, а ближе к Нему. Время тотального всечеловеческого «вместо Него» уходит. Гегемония валится – как колосс, как вавилонская башня, как Карфаген. Н. Бердяев в указанной книге справедливо писал о том, что в наше время возврат к прошлому, его ментальным и духовным настройкам, к образу мыслей, господствовавшим до XX века, то есть в Новое время, являясь «реакционным». Он приводит и пример из более раннего прошлого и высказывает такой парадокс: «После Французской революции совершенно реакционно было возвращение к духовному и материальному строю XVIII века, который и привел к революции, и совсем не реакционно возвращение к средневековым началам, к вечному в них, к вечному в прошлом»²⁴⁵.

Вывод Н. Бердяева: «К слишком временному и тленному в прошлом нельзя вернуться, но можно вернуться к вечному в прошлом. В наше время “реакционным” нужно признать возврат к тем началам новой истории, которые восторжествовали окончательно в обществе XIX века и ныне разлагаются. Призыв задержаться на началах новой истории и есть “реакция” в глубочайшем смысле слова, помеха на путях творческого движения»²⁴⁶. Исходя из этого, Н. Бердяев 100 лет назад диагностировал наступление

²⁴⁵ Там же. С. 227.

²⁴⁶ Там же. С. 228.

«нового Средневековья», но уже сейчас, в ХХI веке, есть основания говорить о приближении и даже наступлении «Нового Возрождения». Историческое время, как известно, ускоряется, и поэтому если «классическое» Средневековье длилось тысячу лет, то «новое» вполне может пройти в 10 раз быстрее, хотя это процесс трудный и противоречивый. Тем самым «Новое Средневековье» стало ценной культурологической метафорой, которая концептуализирует духовный поворот человечества.

Н. Бердяев с помощью этой метафоры дал определение специфики ХХ века и вообще современного состояния человечества следующим образом: «Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории»²⁴⁷, – утверждал Н. Бердяев 100 лет назад.

Философ имеет все основания сказать, что прошедшее не растворяется в небытии, а остаётся наследием. Вся история человечества – это наследие для неповторения ошибок, улучшения, движения от худшего к лучшему, от тьмы к свету, от дьявола к Богу. На этом правиле создан мир и погружен человек в него. Мы живём в удивительные времена развенчания лжи и саморазоблачения кумиров. Обнажается природа демократизма, социализма, либерализма и капитализма. Обнажаются и разоблачаются они как средство борьбы за власть. Гуманизм в их системах даже не «фиговый листок», призванный прикрывать их сущность, а обезболивающее средство для достижения истинных целей и намерений, которые несут в себе агрессивный характер.

²⁴⁷ Там же. С. 229.

Отрицающая Бога позиция всех господствовавших в прошедшем столетии «-измов» привела человечество к пропасти антропологической деградации и физического уничтожения. Результатом этого стало фактическое уничтожение в начале прошлого века четырёх основных Империй: Германской, Российской, Австро-Венгерской и Османской. Затем «на развалинах старого мира» возникли два симулякра империй – СССР и США.

Все XX столетие происходило под религиозной идеей безбожия, смыслом которой было вытеснение Бога среди людей, особенно христианства, через «мамонизацию» человечества. Истоки этих процессов и намерений не просто в безбожии, а в борьбе с Ним. «Архитекторы» современного мира предположили, что за 70 лет господства атеизма и борьбы с православием на исторической русской земле они смогли вычеркнуть из жизни русских людей Христа. Но за 30 лет после развала Союза воскресло православие настолько, что сегодня на СВО под ликом Спаса Нерукотворного русские идут умирать в борьбе за родную землю, хотя 30 лет назад такое было еще просто немыслимо.

Эти объективные культурно-исторические процессы в настоящее время стали предметом активного осмысления в российской философии, в частности при разработке современного понимания Русской идеи как теоретического отражения специфики и духовных императивов русской цивилизации. Например, один из авторов новейшей содержательной монографии на эту тему О. В. Парилов отмечает: «Идея Богочеловечества, принцип софийности как воплощение Божества в духовном состоянии человечества – эти уникальные темы русской философии являют собой значительный вклад в содержательное наполнение провиденциального аспекта русской идеи»²⁴⁸. Понятно, что эти содержательные смыслы и императивы Русской идеи в эмпирическом бытии воплощаются только опосредованно, однако без них невозможно понять специфику исторического пути России и её призвание в современном мире.

²⁴⁸ Парилов О.В. Провиденциальный аспект русской идеи // Кочеров С.Н., Парилов О.В., Кондратьев В.Ю. Философия русской идеи: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. С. 231.

Русская идея не сводится исключительно к русской религиозности, но определяет смысловые основания и русской философии, и русской культуры в целом²⁴⁹; с другой же стороны, без знания этих смыслов невозможно понять ни специфику России как государства-цивилизации²⁵⁰, ни специфику российского социума²⁵¹, ни призвание России в мире²⁵². Тем самым понятие Русская идея в настоящее время приобрело статус интегрального культурологического понятия. Это понятие позволяет анализировать те аспекты русской цивилизации, которые определяют её значимость.

В Новом Ренессансе после предыдущего Нового Средневековья, каковым, по Н. Бердяеву, был XX век, мир полярно разделится и отделится друг от друга стенами. Но теперь победителя не будет. В борьбе религии Бога и религии дьявола возродятся утраченные ранее империи, чтобы занять круговую оборону от господства религии дьявола и духа антихриста. Прежде всего возродится русская государственность имперского типа.

Прошлая эпоха увенчала в мире господство безбожия. Представить себе 200 лет назад такое количество безбожников, открыто пропагандирующих отрицание Господа, было невозможно в мире вообще и в России в частности. Но уже Достоевский пишет о необратимых процессах обезбоживания русского народа. И сегодня мы видим, что мир стал в массе своей отрицающим Всевышнего. Приближается «время жатвы» (Мк. 4: 29), когда опустевшее свято место будет занято Его антиподом. Единственным спасением станет осмысленная вера и служение если не Христу, то антихристу. Третьего не будет дано. Нынешнее положение дел – подготовка к будущему сражению.

²⁴⁹ См.: Корольков А.А. Русскость культуры, русскость философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 3. С. 136-142.

²⁵⁰ См.: Панарин А. Православная цивилизация. Институт русской цивилизации. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1114 с.; Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А. Гусейнова, А. Кара-Мурзы, А. Яковлевой. М.: ИФРАН, 2011. 303 с.

²⁵¹ Теплых Н.В. Русский мир как традиционная основа духовной культуры социума // Социально-политические науки. 2021. № 2. С. 147-151.

²⁵² См.: Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.; Перевезенцев С.В. Русский мир в XXI веке // Русская политология. 2022. №1 (22). С. 71-81.

Тем самым «Новое Возрождение» – это наступающая ныне эпоха самой напряженной духовной борьбы за возрождение человечества между цивилизациями, защищающими традиционные ценности (среди которых центральную роль играет Россия), и «антицивилизацией» Запада, которая эти ценности уничтожает, сводя человека к животному уровню.

Свобода духа является величайшей силой человека, но без Бога становится его глубочайшей слабостью. Именно на свободу нападают силы, желающие манипулировать людьми для порабощения. Истинная свобода – стремление к рабству Божьему, к служению Ему, благодаря чему ты становишься воистину свободным сотворцом. Но антихрист подсовывает людям мнимую свободу, главной целью которой является отрыв от Бога. Люди становятся его рабами через индивидуализм, через служение своим похотям, удовольствиям и комфорту. Однако можно сделать более чем вероятный прогноз о том, что религиозное возрождение человечества неизбежно сменит эгоистическую и прагматическую цивилизацию англосаксов – в противном случае человечество ждет страшный экологический и духовный кризис.

В этом смысле русская цивилизация за последние 100 с лишним лет получила уникальнейший разнополярный опыт жизни – как в естественном состоянии православной империи, так и в неестественном состоянии безбожной псевдоимперии и безыдейного государства. Все три формы разновекторны, но объединимы факторами миссии русского народа и его благополучия. Сотериологическая миссия русских – в спасении себя и всего человечества. Именно потому Россия – Катехон, то есть духовный бастион традиционных ценностей, который призван спасти мир, всё человечество от антропологической деградации и физического уничтожения. Исходя из такого определения России как центра Русского мира можно говорить о всепланетарной миссии русского народа.

Если отойти от острых и злободневных аспектов современного международного противостояния, обусловленного накопившимися проблемами последних десятилетий, то возобновившийся конфликт России и

Запада соответствует общемировому контексту «столкновения цивилизаций» – концепт, который предложил С. Хантингтон, где автором рассматриваются культурные противоречия между народами как непреодолимые. Надо сказать, что прогнозы Хантингтона ближе к реальности, чем предложенная Ф. Фукуямой идея о «конце истории», в которой тот предполагает абсолютное господство либеральной демократии, как наиболее желанного образца организации жизни человечества на земле. Ошибочность идеи Ф. Фукуямы заключается в том, что он не учитывает духовно-культурные различия народов, которые легли в основу формирования их идентификации. Модель глобализма для всего человечества – утопия, которую смело называть либеральной по причине использования одномерного образа человека, который должен руководствоваться исключительно гедонистическими ценностями. Каждый человек уникален. Об это говорит духовная (религиозно-философская) культура.

Исследование темы «столкновения цивилизаций» встречаются уже в XIX веке. Ф. Ницше в своих построениях большое внимание уделяет негативной лепте, которую вносит в европейскую цивилизацию англосаксонский мир а также говорит о позитивных последствиях союза Германии с Россией для европейской цивилизации в целом и возрождению европейской культуры в частности²⁵³. К сожалению философ не был услышан своими современниками, что привело человечество на протяжении фактически полутора веков в на тупиковый путь развития: кровопролитным противостояниям Германии с Россией в мировых войнах, бесчеловечному по сути своей доминированию ценностей западного мира в лице США и Британии и неокOLONиальной по сути своей гегемонии Запада в лице англо-саксов. Нынешнее положение дел в мире с активным давлением на Россию и беспрецедентных за всю историю человечества инструментах давления и ведения разно уровневых войн с нами

²⁵³ Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 45.

стало логичным продолжением выбранного Западом пути, что негативно отразилось прежде всего на духовной культуре Европы.

Мыслители России, в основном славянофильской направленности, начиная с XIX века особо отмечали культурные отличия России от Запада, ещё даже не рассуждая с точки зрения столкновения цивилизаций. Они указывали на экспансионистский характер западной культуры по отношению к русской искренне возмущаясь тому, как представители либерализма в России поддерживают этот агрессивный процесс. Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев уже тогда заложили основы нашего «цивилизационного столкновения» в геополитических смыслах, отдавая приоритет в этом процессе противостояния России. Во второй главе, названной автором «Почему Европа враждебна России», книги «Россия не Европа» Н. Я. Данилевский заявляет: «Россия, – не устают кричать на все лады, – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы»²⁵⁴. Не случайно другой русский мыслитель Ф. М. Достоевский называет этот труд «настойной книгой каждого русского».

К. Н. Леонтьев, основываясь на трудах своих предшественников, тоже славянофилов, яркий представитель философии консерватизма, указывает на кардинальные отличия Запада с Россией и выражает непримиримую позицию по отношению к несущей западные ценности идеологии либерализма. Он акцентирует своё внимание на особой миссии России, на ее «византизме», который спасителен прежде всего для нее самой. «Византизм» в понимании Леонтьева – это и есть русская национальная самобытность, содержащаяся в греко-российских древних «корнях» и «истоках»²⁵⁵. Византизм тем самым выступает как важнейший идентификационный признак, отличающий Россию

²⁵⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 24.

²⁵⁵ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб., 2005. Т. 7. Кн.1. Т. 7.С. 326.

от других культур. Соответственно, и Россия воспринимается философом как хранитель истинного Православия²⁵⁶.

Идея объединения незападного мира для противостояния попыткам сохранения мировой гегемонии Запада во главе с США на наших глазах перешла в стадию своей конкретной реализации. В трудах выдающегося русского ученого, профессора Московского университета А. С. Панарина (1940–2003) сформулирована «Идея Великого Востока». В книге «Глобальное политическое прогнозирование» он писал: «Евразия может определяться как Великий Восток – этот способ идентификации практически неизбежен ввиду глобального вызова вестернизации, посягающей на исконную биполушарную (западно-восточную) структуру мира. Восточная идея, если ей в самом деле суждено сыграть свою роль в грядущей реконструкции мира, должна стать процедурой открытия качественно новых возможностей для Евразии... Восточная идея необходима континенту и для того, чтобы предотвратить “конфликт цивилизаций” между конфуцианско-буддистским, индо-буддистским и мусульманским регионами Евразии. Здесь – наиболее значимая точка роста, возбужденная восточной идеей. Континенту необходима настоящая культурная революция, связанная с выработкой межкультурных универсалий, интегрирующих его великие цивилизационные миры в единую гибкую, но по-своему целостную (перед лицом внешних вызовов) систему. Предстоит выработать великий симбиоз восточно-христианской, индо-буддистской, конфуцианско-буддистской и мусульманской традиций».²⁵⁷

Эти размышления обращают наше внимание на необходимости по-другому посмотреть на разделение Запада и Востока. В основе лежит коллективное противостояние незападного мира насильственной вестернизации как деградации и примитивизации человека. Реликтовое

²⁵⁶ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб., 2005. Т. 7. Кн.1. С. 110.

²⁵⁷ Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. – М.: Алгоритм, 2002. – С. 341-342.

христианство на Западе уже давно не может противостоять диктатуре антихристианских сил (мировых «хозяев денег»), и поэтому последняя надежда человечества – это незападные народы во главе с Россией, наш коллективный Восток. Содружество народов мира, которые противостоят цивилизации антихриста – это тот «четвертый мир», «новый Ковчег», который может продлить существование этого мира и отложить Апокалипсис.

Выводы из второй главы

В первом параграфе второй главы диссертационного исследования в центре рассмотрения находится Русская идея как духовно-нравственное ядро Русского мира, как позитивная ценность национального самосознания. Но Русская идея, как показывают русские мыслители XIX века, раскрывает себя именно в истории, проникнутой вселенским смыслом. То, что русская история постоянно движется через разрывы, – факт достаточно очевидный. Можно выделить много поворотных моментов, после которых она двигалась в новом направлении. Диссертант показывает, что разрывы русской истории в отечественной религиозной историософии, и в этом ее своеобразии, преодолеваются на почве православного провиденциализма за счет объединяющего и направляющего сотериологического смысла – спасения человечества. Наиболее интересные решения здесь представлены в философии всеединства В. Соловьева и аритмологии Н. Бугаева.

Историософская парадигма русской мысли проявила себя еще в одном важном аспекте - нравственной антроподицее. Это типологическая особенность отечественной философии, заключающаяся в применении моральных критериев к тем феноменам, которые в западной традиции считаются аксиологически нейтральными. В западной культурной традиции очевиден приоритет права над моралью. В контексте русской традиции право в большей мере нравственная, а не юридическая категория. Право – это Правда и Справедливость, откуда и вытекает идея оправдания человека. На Западе это оправдание Бога в глазах отдельного человека (теодицея). Но в России

оправдывают не Бога, а человека (антроподицея), в глазах Бога и в глазах других людей, то есть в свете совести.

Во втором параграфе второй главы диссертационного исследования показано, как из культурологического понимания Русского мира как самобытного цивилизационного единства следует политологическое и геополитическое понятие Русского мира как «государства-цивилизации». Мы приходим к выводу, что нет узкого ограничения Русского мира в рамках религиозности русской цивилизации и взаимодействия православия с другими конфессиями на духовно-нравственном уровне. Всё гораздо шире. Это позволяет нам понять специфику Русского мира как государства-цивилизации, ни особенностей российской государственности.

Исходя из понимания истории как циклической смены духовных эпох, которые повторяются в новых формах, автор прогнозирует Новое Возрождение благодаря усилиям Русского мира как «государства-цивилизации». Подобно тому, как Н. Бердяев пророчил наступление Нового Средневековья, автор диссертационного исследования пишет о перспективе Нового Возрождения как эпохе напряженной духовной борьбы за возрождение человечества между цивилизациями, защищающими традиционные ценности, а Россия в центре этого движения, и «антицивилизацией» Запада, которая эти ценности уничтожает, сводя человека к животному уровню.

ГЛАВА 3. СОТЕРИОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ РУССКОЙ ИДЕИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

3.1. Русская идея как основа самоопределения современного российского общества

Современная русская философия, ориентированная религиозно и патриотически, продолжает во многом прерванную работу русских философов дооктябрьского периода. Хотя правомерно говорить и о своеобразной сотериологии, и историософии советского периода отечественной истории. Сейчас отметим наиболее важные позиции современных авторов, продолжающих и развивающих *историософскую* и *сотериологическую* традицию русской религиозной философии. Это важно не только для того, чтобы показать преемственность взглядов «классиков» и современников, но и наметить пути практического воплощения духовных идей Русского мира и Русской идеи в эмпирическую, культурную и общественно-политическую действительность.

Сотериология в широком смысле – это учение о спасении. С. С. Аверинцев отмечает, что сотериология «в религиозном мировоззрении предельно желательное состояние человека, характеризующееся избавлением от зла – как морального («порабощенности *греху*»), так и физического (смерти и страдания), а также полным преодолением отчуждения и несвободы. Спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога»²⁵⁸.

Смерть в религиозном сознании есть следствие грехопадения и поэтому трактуется не только в физических терминах закона природы, но в моральных – как наказание за грех, как результат моральной порочности. Зло и смерть выступают как два предельных крайне негативных феномена, препятствующих подлинному и полноценному существованию человека.

²⁵⁸ Аверинцев С.С. Спасение // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010.

Причем они оказываются взаимосвязанными: смерть есть зло и зло есть смерть, спасение от которых составляет сущность мировых религий. Как пишет русский философ Б. П. Вышеславцев: «Все великие религии суть религии спасения, так как из юдоли жизни, из страдания, из трагического конфликта вытекает жажда спасения»²⁵⁹. В этом смысле «жажда спасения» есть константа религиозной антропологии, и как таковая она должна иметь универсальный характер.

Идея спасения представлена не только в мировых религиях, более всего в христианстве, которое часто так и определяют, как религию спасения. Идея спасения также весомо представлена в русской духовной культуре, в том числе в литературе и философии, которую М. Н. Громов назвал «философией Иова Многострадального», поскольку *вопрос о страдании* имеет особое место в русской традиции²⁶⁰. Это созвучно мыслям известного теолога А. Мацейны: «Наука о спасении составляет сущность философии страдания... Все формы философии страдания завершаются этикой – практической стороной науки спасения»²⁶¹. Спасение – это спасение от смерти, от зла смерти. Многие и классические, и современные авторы именно в этом видели сокровенную суть русской философии, ее глубинную сотериологию, заключающуюся в преодолении смерти. Сотериологическое кредо русской философии нашло глубокое и фундаментальное выражение в «Оправдании добра» В. С. Соловьева: «Весь наш мир нераздельно (не только душевный и политический, но и физический) требует спасения»²⁶².

Современные авторы также подтверждают эту мысль Соловьева²⁶³. Русская философия, центрированная на идее страдания, а также на преодолении зла и смерти, имеет ярко выраженный *нравственный* характер.

²⁵⁹ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 228.

²⁶⁰ Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии. М., 1997. С. 95.

²⁶¹ Мацейна А. Происхождение и смысл философии // Историко-философский ежегодник '93. М.: Наука, 1994. С. 291.

²⁶² Соловьев В.С. Оправдание добра // Соч. в 2-х. томах. М., 1988. Т.2. С. 67.

²⁶³ Ключев А.С. Русские философы о музыке // Вестник РХГА. 2022. №3. С. 215; Карасев Л.В. О символах Достоевского. Вopr. философии. 1994. №10. С. 90-112. С. 110.

Спасение от зла и смерти часто трактуется как типологическая черта русской философии, а преодоление смерти – как ее духовное задание.

Пытаясь отыскать исторические корни русской идеи, А. В. Гулыга полагает, что она во многом родилась из катастрофического прошлого страны. Этот опыт преодоления беды, опыт спасения, который на языке богословия и религиозной философии называется сотериологией, является сердцевиной русской идеи, добытой не абстрактно-кабинетным путем, а выстраданной буквально на поле брани, в ходе многочисленных военных противостояний, внутренних революционных катаклизмов, а также противостояния суровым природно-климатическим условиям. Русская идея поэтому – во многом практическая идея, идея самой жизни, ее спасения. Однако ее теоретические параметры также важны, поскольку философия – это и теория, дающая смысл и понимание происходящим в мире событиям.

А. В. Гулыга высказывал принципиально важные мысли для понимания природы русского самосознания, особенностей отечественной духовной традиции. Не только катастрофическое прошлое порождает идею спасения, но и предчувствие общей беды. Это, можно сказать, провидческий или прогностический дар русских, имеющий не только историческое (эмпирическое, земное), но и сверхэмпирическое (духовное, небесное) происхождение. Неслучайно, что основные интенции русской философии имеют сверхчувственный характер, трансцендентный вектор устремленности *к абсолютному, идеальному*.

Как пишет Б. П. Вышеславцев в книге «Вечное в русской философии», первой чертой русской философии является ее связь эллинизмом, с сократическим методом, античной диалектикой, а «другой основной чертой, ярко выступающей в русской философии, является ее интерес к проблеме Абсолютного»²⁶⁴. Человек, вообще, с точки зрения философа, есть «реляция к Абсолюту», то есть человек может быть вполне человеком только лишь в соотношении с Абсолютным.

²⁶⁴ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. С. 154.

Жажда спасения не только лично себя, но и всего мира непосредственно связана со стремлением к Абсолюту. Это живая органическая связь составляет сущность русской идеи и основу национального самосознания, утрата которого, как полагает А. В. Гулыга, является современной трагедией русского народа. Действительно, если посмотреть на многие реалии повседневной жизни, то в них мы не обнаружим ни жажды спасения, ни стремления к Абсолюту. Поэтому совершенно справедливо считает А. В. Гулыга: «Русская идея актуальна сегодня как никогда, ведь человечество (и не только Россия) подошло к краю бездны. Вот почему омерзительны все сегодняшние попытки представить русских в своей идее как народ рабов и одновременно агрессоров»²⁶⁵.

Эти слова были сказаны в 1996 году, и сегодня они звучат сверхактуально. За прошедшее время уровень русофобии и в России, и в мире только увеличился: идея России как агрессора не сходит с повестки дня стран, которые используют всю технологическую мощь пропаганды, чтобы очернять Россию. В этой ситуации необходимо более активно постигать сущность русской идеи, которая является духовным содержанием Русского мира.

Обратимся к работе Н. А. Бердяева «Русская идея», в которой историософия пронизана сотериологией, а сотериология раскрывается в историософском контексте. В этом смысле эта книга Н. А. Бердяева даже в контексте богатой историософией и сотериологией русской мысли представляет собой уникальное явление. Философу, несмотря на разорванность русской истории и культуры, удалось связать их воедино, показав внутреннюю органику и ценностно-смысловое единство всех ее периодов: и средневекового, допетровского, и XIX века, и даже коммунистического. Основа данного анализа – русская идея, которая проходит духовным инвариантом через все исторические периоды России.

Тема спасения в русской философской культуре – предмет многочисленных и констатаций, и исследований. Эту идею в различных

²⁶⁵ Гулыга А.В. Там же. С. 34.

вариациях можно обнаружить у целого ряда выдающихся русских мыслителей: у В. Ф. Одоевского, П. Я. Чаадаева, Ф. М. Достоевского, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, С. Н. Булгакова, Б. П. Вышеславцева, П. А. Флоренского, Н. А. Сетницкого, А. К. Горского, К. Э. Циолковского и др.

Так же, как и апофатика, сотериология является предметом многих исследований светского характера. У современных авторов оно находит серьезную и глубокую проработку. Прежде всего следует назвать монографии: В. Ш. Сабиров и О. С. Соина «Идея спасения в русской философии»²⁶⁶, С. Г. Семенов «Тайны Царствия Небесного»²⁶⁷, И. В. Вишева «Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли»²⁶⁸, О. Г. Пугачева «Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX – начало XX вв.)»²⁶⁹, а также ряд важных работ С. Н. Кочерова, А. А. Горелова, А. Г. Гачевой и др.²⁷⁰

Если суммировать взгляды русских философов и современных авторов, то можно сказать, что идея спасения – в центре ценностной иерархии русской духовной культуры, она образует его аксиологическое ядро: правда – соборность – спасение – триада духовных ценностей русской культуры, во многом созвучных триаде истина – добро – красота²⁷¹. В сходной тональности о Русской идее пишут и современные авторы С. Н. Кочеров и О. В. Париков:

²⁶⁶ Сабиров В. Ш., Соина О. С. Идея спасения в русской философии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010; Сабиров, В.Ш. Русская идея спасения (Жизнь и смерть в русской философии): монография // В.Ш. Сабиров. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 152 с.

²⁶⁷ Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994.

²⁶⁸ Вишев И.В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли. М., 2005.

²⁶⁹ Пугачев О.С. Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX– начало XX вв.). Пермь : изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1998.

²⁷⁰ Гачева А. Г. Апокатастасис в русской религиозно-философской мысли последней трети XIX – первой трети XX в. Апологеты целостного идеала: тема всеобщности спасения в творчестве мыслителей Советской России А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, Д.Л. Андреева // Вестник РГГУ. 2018. С. 24-37; Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Философия и современность. 2017. №1. С. 50-66; Кочеров С. Н. Идея спасения как форма примирения российского мессианизма и миссионизма // Вестник Минского университета. 2013. №1 (1). <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/361/592> (дата обращения: 10. 06. 2023).

²⁷¹ Коршунов К.В., Кравченко В.А. Социально-философская характеристика «правды», «соборности» и «спасения» как ценностного ряда русской идеи в контексте современного Русского мира // Ценности и смыслы. 2018. №3. С. 106-116. С. 114.

«При всем различии мнений российских мыслителей о миссии России в мире общим для них было то, что она была неразрывно связана со спасением всего человечества»²⁷². Справедливо в этом контексте авторы называют немецкого философа В. Шубарта, одного из немногих западных авторов, прозревших в сотериологическую миссию России, суть которой, по его словам, «спасение человечества русскими. То, что движет ими в личной жизни – забота о нравственном возрождении, – движет ими и в международной жизни... Русская национальная идея – спасение человечества – придет из России. Это самая глубокая и самая широкая национальная идея из всех, имеющихся у других народов»²⁷³. Примечательно и то, что некоторые западные исследователи, проникая в сердцевину подлинных ценностей русской культуры, понимали ее глубинный смысл, заключающийся в идее спасения. Такова нравственная суть русской духовной культуры, русской духовности, в данном случае понятная западному философу и, к сожалению, часто не понятная нашим соотечественникам.

Поскольку сотериологическая тематика была глубочайшим образом проработана в русской философской и духовной культуре, она не могла не отразиться на ценностно-смысловом содержании Русской идеи и, соответственно, Русского мира²⁷⁴. В ней отражены коренные принципы русской философии – соборное единение и общее дело, которые проецируются и в духовную, и в практическую плоскость Русского мира.

Прежде всего, необходимо помнить, что «поиск всеобщего спасения – это то, что объединяет русскую философию с христианством»²⁷⁵. Это довольно тонкий момент, часто приводящий к неправомерному отождествлению

²⁷² Кочеров С.Н., Париков О.В. Философия русской идеи. М., 2022. С. 274.

²⁷³ Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2003. С. 114.

²⁷⁴ Кочеров С.Н. Идея спасения как форма примирения российского мессианизма и миссионизма // Там же; Скворцов Л.В. Возможна ли реанимация Русской идеи? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: Реферативный журнал. 2021. №4. С. 11; Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Философия и современность. 2017. №1. С. 55.

²⁷⁵ Кленина Е.А., Песков А.Е. Иммунологические идеи в русской философии // Вестник АГТУ. 2013. № 2 (56). С. 116.

русской религиозной (христианской) философии с христианством и даже с православным богословием. А с другой стороны, существует тенденция разъединять русскую философию и христианство на основании якобы еретичности построений отечественных мыслителей. И то и другое – крайности. Русская философия христоцентрична, исходит из духа христианства, но не является при этом богословием. Более подходящее для нее название – «светское богословие». Поэтому и сотериологические идеи русской философии имеют во многом недогматический характер, несмотря на очевидное совпадение целей с христианством. И Русская идея – это не догматическое богословие, но свободное исследование христианских истин применительно к миру в его социально-культурных, политико-экономических, хозяйственных и прочих измерениях.

Уже в самых первых произведениях древнерусской книжности, в которых заявлена историософская проблематика – «Слове о законе и благодати» и «Слове о полку Игореве», – сформулирован, как отмечает современный исследователь, «смысл бытия всего русского государства – поиск пути спасения, спасения Благодатью Божией»²⁷⁶. Именно эта проблематика будет предметом всей дальнейшей отечественной религиозно-философской мысли вплоть до основателя славянофильства А. С. Хомякова.

Ссылка на А. С. Хомякова в вопросе о сотериологических основаниях русской идеи и русской философии далеко не случайна. Хомяков, один из первых мыслителей XIX века, поверил в спасительную миссию России, в ее особое духовное предназначение. Когда в России произойдет возрождение духа на православных началах, то будет создан тот тип общества, который своим примером спасет Европу, эту «страну святых чудес», от деградации. Сама же Россия была предметом его особого внимания²⁷⁷.

²⁷⁶ Мони́на М.П. Историософская проблематика в поэтическом творчестве А.С. Хомякова // Общество: философия, история, культура. 2023. № 2. С. 114.

²⁷⁷ Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова // Хомяков А.С. Соч. в двух томах. Т.1. Работы по историософии. М., 1994. С. 4.

Россия самобытна, считает А. С. Хомяков, ее своеобразие коренится в ее религиозных особенностях и религиозном предназначении: «Россия и славянский мир одни только приняли или по крайней мере сохранили великий завет обновленного Востока, жизнь веры и учения, которая не могла привиться к другим европейским племенам»²⁷⁸. Способность к *хранению веры* – важное нравственное качество народа, позволяющее ему пережить многие беды и невзгоды. В статье «О старом и новом» содержится вся сумма историософских вопросов, которые будут определять дальнейший ход русской мысли. Очень важной является констатация изначальной нравственной чистоты исторического прошлого России, что выгодно ее отличает от Запада²⁷⁹. Это не идеализация патриархального прошлого, как часто представляют славянофильскую мысль, это качества истинного патриотизма: вера в прошлое своей страны и надежда на великое будущее. Как раз того, чего сегодня катастрофически не хватает в России.

Значимость А. С. Хомякова огромна. Н. Я. Данилевский заканчивает свою книгу «Россия и Европа» стихотворением А. С. Хомякова «Ключ». Н. Н. Страхов написал такие слова о нем: «Пусть чистые нравственные начала, составляющие самую душу нашего народа, проникнут, наконец, в наше сознание и найдут себе полное и ясное для всего мира выражение и воплощение; тогда новая лучшая жизнь может проснуться в старых народах, и сбудется предсказание Хомякова о *могучем и светлом источнике*, сокрытом в груди России»²⁸⁰. Наследие А. С. Хомякова бесспорно является одним из важнейших духовных компонентов русской идеи и Русского мира.

О сотериологии Н. А. Бердяев говорит так: «В русском сознании эсхатологическая идея принимает форму стремления ко всеобщему спасению»²⁸¹. Идея «всеобщего спасения» не просто красивая мессианская

²⁷⁸ Хомяков А.С. Соч. в двух томах. Т.1. С. 262.

²⁷⁹ Хомяков А.С. Там же. С. 469-470.

²⁸⁰ Страхов Н.Н. Борьба с Западом. М., 2010. С. 479-480.

²⁸¹ Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. С. 267.

метафора, призванная тешить национальную гордыню, но идея ответственности, в том числе и перед другими народами, стремление создать справедливый миропорядок, основанный не на утилитарных и корыстных идеях, который в большей мере свойственный капиталистическим системам Запада, а на нравственных идеях любви, братства и справедливости.

И эта жажда спасения народа имеет совершенно искренний характер, она свойственна не только христианским авторам, но и представителям революционно-демократического крыла русской интеллигенции. Можно вспомнить первый период жизни и творчества Ф. М. Достоевского, когда его увлекло учение французских социалистов, в результате чего он попал в кружок петрашевцев. Конечно, пройдя через каторгу, он отошел от этих взглядов, увидел их однобокость и утопичность, но, если бы у него не было этой изначальной жажды справедливости, он бы не встал на этот путь.

Важная мысль Бердяева, что русская идея спасения носит не индивидуальный характер, а всеобщий, как он говорит, «спасение – коммюнитарно», поскольку, следуя за Достоевским, оно утверждает идею, что «все ответственны за всех». Неслучайно у Н. А. Бердяева такая высокая оценка личности и учения Н. Ф. Федорова, в котором он видел воплощение исконных и истинных черт русского человека, «русский из русских», у которого «печалование о горе людей» привело к невероятной идее спасения всех людей без исключения через их воскрешение²⁸².

В этом, помимо всего прочего, выражено коренное отличие русского человека от западного, и вообще, русской культуры от западной. Последней, начиная с Нового времени, в силу глубоко индивидуалистического и эгоцентрического характера свойственно переживание за личную жизнь и безопасность, другие – не предмет заботы западного человека, другие – это их приватная зона, все должны сами за себя отвечать. В то время как в России в силу соборных интенций русской культуры именно другие важны, поэтому

²⁸² Бердяев Н.А. Там же. С. 228.

если речь идет о спасении, то это всеобщее спасение. Таково отличие России от Запада, и такова сущность Русской идеи.

Философия «общего дела» Н. Ф. Федорова, несомненно, является одним из наиболее сильных проявлений русского сотериологического мышления. «Детский дух народа», его вера в спасение тела сделала дух апокалипсиса духом русского мироощущения»²⁸³. Именно в такой парадигме телесной сотериологии и находится учение Н. Ф. Федорова. «Сознавать свою смертность, – говорит философ, – значит осознавать каждому общую причину своих частных, личных бедствий»²⁸⁴. Можно вполне согласиться с таким выводом исследователя: «Православная сотериология противоречит учению Николая Федорова, тогда как светская религиозная мысль симпатизирует философу и верит в согласование его концепций с догматикой»²⁸⁵.

Обратимся снова к книге Б. П. Вышеславцева, в которой целая глава посвящена спасению. Он говорит о двух путях спасения – индуистской и христианско-эллинской идеях спасения. Если для индуизма спасение – это уход из иллюзорного мира в состояние нирваны, бытийной пустоты, то христианство предлагает иной путь. Философ говорит о бытийном положении человека в экзистенциальных терминах: «Последний вопрос о смысле жизни тогда всплывает из глубины самосознания, когда «я» находится в трагическом противоречии, когда оно сталкивается с бессмыслицей, несчастьем, несправедливостью»²⁸⁶.

И в этой точке крайнего духовного напряжения христианство, в отличие от индуистской резиньции, предлагает свой путь «трагического оптимизма», который предполагает деятельное участие человека в преодолении зла и несовершенстве мира. Но это он может сделать не индивидуальными усилиями, а лишь сообща. В духе Федорова и всей соборной традиции русской

²⁸³ Кленина Е.А., Песков А.Е. Иммертологические идеи в русской философии // Вестник АГТУ. 2013. № 2 (56). С. 118.

²⁸⁴ Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2, с. 200.

²⁸⁵ Сизов С.Е. Философия Николая Федорова в контексте православной сотериологии // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2021. № 1 (29). С. 98.

²⁸⁶ Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии. С. 228.

философии Вышеславцев говорит: «Идея универсализма не есть абстракция, а подлинная действительность. Нет изолированных, самодостаточных гармоничных систем ни в индивидуальной психологии, ни в социальной, национальной или государственной жизни. Все связано со всем, «все сообща дышит», «все отвечают за всех и все во всем повинны» (Достоевский)»²⁸⁷. Только лишь универсальное спасение и искупление – такова главная мысль Б. П. Вышеславцева.

А что означает сотериология применительно к эмпирической, в том числе и политической, действительности?

В обстоятельной монографии А. Г. Гачевой «Человек и история в зеркале русской философии и литературе» отдельная глава посвящена идее христианской политики. Автор показывает, что вопрос о политике никогда не был в стороне у главных представителей русской философии. И что важно, он был связан с вопросом об оправдании истории. Политическое действие имеет смысл, если история имеет смысл. Большинство русских философов позитивно воспринимали человеческую историю, видя в ней, несмотря на зло, трагизм, катаклизмы, проявления Божьего промысла. Иначе христианская политика имеет историософское основание. В центре внимания автора – фигуры Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, Ф. И. Тютчева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. П. Свенцицкого, В. Н. Муравьева, которые каждый по-своему были убеждены в необходимости внесения духовных принципов христианства в политическую область.

Резюмируя взгляды русских философов, А. Г. Гачева пишет: «Мессианская идея России основана на евангельском благовестии, а это значит, что она исходит из *сверхприродной* задачи, превосходящей только человеческое измерение истории, и поэтому в области средств опираться должна на новозаветную этику»²⁸⁸. Такова общая позиция большинства

²⁸⁷ Вышеславцев Б.П. Там же. С. 251.

²⁸⁸ Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М., 2021. С. 229.

русских философов. Особенно сильно это звучит у Е. Н. Трубецкого, хотя не только у него. В противном же случае возобладает эгоизм (национальный, политический), который отбросит христианский мир к языческой стадии.

В плеяде блестящих имен русских мыслителей, являвшихся сторонниками христианской политики, хотелось бы остановиться на Ф. И. Тютчеве, который известен больше как поэт, нежели христианский политик. Однако его философские и политические воззрения находятся в одном ряду с высшими достижениями русской мысли XIX века. Ф. И. Тютчев, будучи дипломатом, прекрасно понимал, что такое Запад и каково его отношение к России. Несмотря на то что Европа всегда была враждебно настроена по отношению к России, откровенно обманывала, коварно предавала нас, он говорит о необходимости христианских оснований политического действия, которые должны исходить из России. И в этом особое призвание России, ее духовная миссия.

Как отмечает известный историк русской философии и культуры Б. Н. Тарасов, в основе историософских и политических раздумий поэта – насущная озабоченность безответными вопросами: кто мы такие, зачем живем, куда идем²⁸⁹. Эти чисто русские вопросы принято еще называть «проклятыми вопросами». А. П. Чехов называл их «анафемскими мыслями». У Тютчева мы встречаем их в обилии, именно они и составляют глубинную философскую основу его творчества. Неслучайно Ф. М. Достоевский назвал Тютчева первым поэтом философом, которому, кроме Пушкина, не было равного.

Христианская политика, таким образом, транслирует те духовные основания, на которых строится Русский мир. Как видно из исследований А. Г. Гачевой, Б. Н. Тарасова и других авторов, политическая конструкция

²⁸⁹ Тарасов Б.Н. Федор Тютчев о назначении человека и смысле истории // Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М., 2011. С. 12. Б. Н. Тарасов автор многих фундаментальных исследований, посвященных русской философии. Среди близких нашей теме необходимо отметить: Тарасов Б.Н. Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте. М., 2006; Тарасов Б.Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: Сборник статей. М., 2007.

Русского мира на христианских основаниях уже активно разрабатывалась русскими философами в XIX веке. Главное положение, объединяющее их всех: политика неотрывна от духовных основ христианства. Эти идеи должны быть использованы при формировании геополитической стратегии Русского мира.

В проекции на современные реалии применение историософских и сотериологических идей русской философии обусловлено еще одним важным аспектом, связанными с глобальным антропологическим кризисом современности, с невероятной дегуманизацией, охватившей западный мир. Распространение таких явно враждебных человеку идеологий, называемых политкорректно «постгуманистическими антропологиями», как трансгуманизм, трансгендер, иммортализм, киборгизация, дигитализация и т. д., все эти направления – яркое свидетельство деградации человека, его традиционного этико-антропологического образа²⁹⁰.

Сотериологический потенциал русской идеи может реально воспрепятствовать этим деградационным процессам в обществе, культуре и науке, поскольку развитие биотехнологий сегодня прямо пропорционально утрате человеком его традиционного образа.

²⁹⁰ См.: Ростова Н. Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? М., 2022.

3.2. Культурфилософские основания Русского мира и концепция внешней политики Российской Федерации

История – не нагромождение нелепых случайностей: она имеет провиденциальный смысл и не просто «объективные» законы исторического прогресса, как правило, основывающиеся на методологии приоритета материально-экономического базиса перед культурной духовной надстройкой, – это духовное задание, духовная цель, в стремлении к которой реализуется высший смысл истории и смысл исторического бытия народов, осмысленно участвующих в этом процессе. Как отмечает известный исследователь отечественной консервативной мысли М. Б. Смолин: «Самобытная русская (или более широко – православная) жизнь в мире, в котором главным догматом является безальтернативность западного образа жизни и западного вектора развития, является глубоко неуместным исключением из пропагандируемого правила»²⁹¹. Русская историософская мысль, таким образом, является реальной альтернативой западной системе ценностей. Эта альтернатива проходит по линии эсхатологии, что очень хорошо показывают в своей книге В. Э. Багдасарян и С. И. Реснянский «Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики»²⁹². Мощный сотериологический импульс как раз предотвращает апокалиптический исход эсхатологии, которого, кстати, жаждал К. Н. Леонтьев, идеи которого были не приняты современниками²⁹³. Но это скорее исключение, большинство русских мыслителей стояли на

²⁹¹ Смолин М.Б. Самобытность идеала русской государственной власти // Власть. 2012. №7. С. 216; См. также: Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2011. 560 с.

²⁹² Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики. М.: «БОС», 2022. С. 7.

²⁹³ В.Ю. Даренский доказывает, что К.Н. Леонтьев был «первый русский мыслитель Нового времени, возвративший русскую философию в лоно святоотеческой традиции» (Даренский В. Ю. Концепция «розового христианства» К. Леонтьева: непонятое пророчество // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 70–85. С. 72).

позиции православного Катехона, удерживающего мир от ниспадения в бездну.

Стоит отметить, что даже и некоторые либерально мыслящие авторы, такие как А. С. Ахиезер и др., признают за Россией особую миссию. Так, в книге А. С. Ахиезера и В. В. Ильина «Российская цивилизация: содержание, границы, возможности» авторы определяют Россию как «народную империю» и дают её следующее определение: «Империя как форма национально-политической организации необходима России. Сильная проникающая державность с высокой мерой народного идентитета – условие выживания. Вопрос, как подчеркивалось выше, не в том, как упразднить империю в России, а как сделать ее цивилизационно эффективной, народоориентированной. Последнее достигается рядом сопряженных действий, нацеленных на гармонизацию взаимодействий гражданина и государства в нации... Россия избрала собственный, неповторимый и необратимый путь развития. Ее место в ряду субъектов международной жизни определяется неконфронтационностью, отказом от силового противостояния, готовностью вести диалог, расширять, углублять взаимовыгодное сотрудничество... Россия – полиэтническая, поликонфессиональная евразийская общность, где сходятся Запад и Восток, взаимообогащаясь, приходят в соприкосновение многочисленные народы, культуры, языки, традиции. Ни одна держава не знает такого средового разнообразия, полилога. Россия – целый космос»²⁹⁴.

Анализируя сотериологию применительно к эмпирической, в том числе и к политической, действительности, отметим, что одной из позиций в ее определении в глобальном измерении исследователи отмечают спасение мира, которое возможно лишь религиозным путем. Согласно христианской максиме «Мир во зле лежит», и посильная борьба с мировым злом является существеннейшей частью сотериологической политики. Историческая идея

²⁹⁴ Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. — М: Изд-во МГУ, 2000. — С. 109.

«Москва – Третий Рим» всегда питает политические действия, цель которых создать такие условия в мире, чтобы не было одного мирового гегемона. Россия никогда не стремится к такой гегемонии, но стремится к максимально возможному справедливому миропорядку, в котором такой гегемон невозможен. Во многом это находит свое выражение в идеях христианской политики, которая также была значительно разработана в русской философии в трудах В. С. Соловьева, Ф. М. Достоевского, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, П. Б. Струве, Л. А. Тихомирова и др.

Наиболее полно, с нашей точки зрения, идея христианской политики, основанная на историософском видении, представлена у выдающегося русского религиозного мыслителя Л. А. Тихомирова: «Для того духовно-нравственного подъема, который в настоящее время необходим для возрождения России, одно из главнейших условий составляло бы усиление христианского влияния на политику»²⁹⁵. Автор писал это в 1906 году, но эти слова, которые можно назвать духовно-политическим заветом, крайне актуальны сегодня. И они как раз основываются на сотериологических ценностях, которые в христианской политике могут найти наиболее адекватное воплощение.

Очень точно, с нашей точки зрения, духовную роль России, способную противостоять деструктивным процессам современности, раскрывает в своих работах философ В. Ю. Даренский, в которых представлена философско-политическая программа, пронизанная духовными смыслами и ценностями Русской идеи²⁹⁶. Русский мир в данной системе координат можно определить как духовный бастион традиционных ценностей, которые сдерживают ниспадения мира в бездну антропологического уничтожения. Но Русский мир – это не только исключительно духовная реальность, традиционная система ценностей, основанная на этико-метафизических принципах русской идеи.

²⁹⁵ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 1999. С. 8.

²⁹⁶ Даренский В.Ю., (2019) Цивилизационный суверенитет России как принцип неклассической идеологии // НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право. Том 44. № 4. С. 598.

Это, конечно, и геоисторическая, и геокультурная земная реальность, выходящая за территориальные пределы России и включающая весь русскоязычный мир, но сосредоточенная в политических границах Российской Федерации, установленных Конституцией РФ.

В. А. Тихонова, рассматривая специфику российской политической культуры, отмечает, что «заложенные в российской политической культуре морально-этические принципы справедливости и гуманизма представляют шансы для объединения усилий участников мирового процесса в геополитической трансформации, соответствующей коренным интересам народов»²⁹⁷. Это объясняется тем обстоятельством, что «исторический опыт России по укреплению суверенитета, развитию социально-политических преобразований способствует повышению шансов её влияния на государства, отстаивающие свои национальные интересы. Прежде всего речь идёт о творческой переработке этого опыта в целях развития национального самосознания и политической культуры, их ориентации на иные принципы взаимоотношений народов, чем те, которые навязываются нынешней политикой глобализма, космополитизма и соответствующими им абстрактно понятыми «общечеловеческими ценностями»²⁹⁸.

Сегодня Россия находится в ситуации жестких санкций со стороны западного недружественного мира. Это обусловлено традиционным геополитическим и духовным противостоянием России и Запада, в настоящее время достигшим своей исторической кульминации. Культура отмены – одно из наиболее грубых и нелюбезных проявлений санкционной политики Запада по отношению к России, цель которой не столько культура России, сколько сама Россия как геополитическое образование, ее физическое бытие. С. С. Сулакшин говорит, что «в межстрановой борьбе с Россией фактор ее

²⁹⁷ Тихонова В.А. Морально-этические константы российской политической культуры // Россия в контексте межкультурных коммуникаций. XX-XXI век. Монография / под общ. ред. Е.В. Мареевой, Н.В. Синявиной. М.: МГИК, 2022. – С. 47.

²⁹⁸ Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: концептуальный аспект // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 4 (39). – С. 11.

русскости является мишенью враждебных и агрессивных воздействий. Чтобы уничтожить Россию (как это было сделано с СССР), нужно уничтожить русскость страны»²⁹⁹. «Уничтожение русскости страны» – серьезнейшая гроза, которую ни в коем случае нельзя ни замалчивать, ни преуменьшать. В этом контексте особое значение имеет внешняя политика РФ, а именно то, каким образом наше государство будет себя позиционировать в мире, раскрывая свои сильные позиции и привлекая на свою сторону те страны, которые имеют антиамериканские и в целом антизападнические настроения.

В этой связи важное значение для определения особенностей Русского мира имеет принятая в стране Концепция внешней политики Российской Федерации, которая 31 марта 2023 года была подписана Указом Президент РФ В. В. Путиным «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» (КВП РФ). С точки зрения духовных и историко-культурных перспектив Русского мира для реализации современной культурной политики РФ и для будущего нашей страны в целом, этот документ имеет важнейшее значение. Важно отметить актуальность появления этого документа в контексте данного исторического этапа развития человечества на фоне геополитических столкновений цивилизаций, когда происходит трансформация и смена эпох. В Концепции также зафиксированы важнейшие тезисы, которые необходимо применять в практической плоскости формирования государственной культурной политики современной России, что предвидит активное взаимодействие структур как внутри русского общества, так и существующих на внешнем контуре русского цивилизационного проекта.

Данная Концепция регулирования внешней политики России переживает уже шестую редакцию. Этот документ впервые был утвержден в 1993 году. Основной его задачей тридцать лет назад ставилось «налаживание устойчивых позитивных взаимоотношений со странами ближнего зарубежья в целях

²⁹⁹ Сулакшин С.С. Русский вопрос: смысл и задачи русского народа // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2020. 15(1). С. 162.

преодоления дестабилизирующих дезинтеграционных процессов на территории бывшего СССР». Через семь лет (28 июня 2000 года) Президентом РФ В. В. Путиным был утвержден следующий вариант концепции. В нем первостепенной задачей ставилось «укрепление союза России и Белоруссии». В 2008 году концепцию одобрил Президент РФ Дмитрий Медведев. В этом документе акцентировалось внимание на «перспективе утраты Западом своей монополии на глобализационные процессы», а Россия называлась «крупнейшей евразийской державой». В очередном варианте концепции, которая была принята в 2013 году, прослеживалась мысль о «сокращении возможностей Запада доминировать в мировой экономике и политике».

Предыдущая версия документа была принята в 2016 году и содержала указание на 11 задач российской внешней политики, ключевой среди которых отмечалась «защита суверенитета и территориальной целостности страны». Также были упомянуты «сохранение и укрепление прочных позиций в мировом сообществе», «содействие устранению имеющихся очагов конфликтов на их территории», «формирование отношений добрососедства с сопредельными государствами» и популяризация национальной культуры.

Важность данного документа определяется современной международной ситуацией, как правило, характеризующейся в терминах фундаментальной цивилизационной трансформации, в ходе которой происходит переход от однополярного к многополярному миру³⁰⁰. Это трудный, но неизбежный и справедливый процесс, по поводу которого в КВП РФ сказано: «Человечество переживает эпоху революционных перемен. Продолжается формирование более справедливого, многополярного мира. Необратимо уходит в прошлое неравновесная модель мирового развития, которая столетиями обеспечивала опережающий экономический рост колониальных держав за счет присваивания ресурсов зависимых территорий и государств в Азии, Африке и

³⁰⁰ Вопросам многополярности современного мира было уделено большое внимание на последних XX Международных Лихачевских научных чтениях «Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка», прошедших 9–10 июня 2022 г. в Санкт-Петербурге.

Западном полушарии. Укрепляется суверенитет, увеличиваются конкурентные возможности незападных мировых держав и региональных стран-лидеров»³⁰¹.

С начала 90-х годов XX столетия, сразу после распада Советского Союза, агрессивный Запад под декларациями демократических ценностей и «диалога культур» преследовал цели уничтожения России прежде всего в социо-культурном смысле, как государство-цивилизацию, через попытки стирания русской национально-культурной идентичности и суверенитета. Всё это предвидело тотальный отказ от своих традиционных ценностей и постепенное тотальное растворение в западном проекте во главе с США.

В КВП РФ чётко обозначена роль США, как главного идейного вдохновителя и проводника русофобской политики Запада, что несёт в себе прямую угрозу национальной безопасности России. Такое определение функции американцев созвучно со словами А. В. Гулыга, который в 1998 году писал: «Нынешняя демократизация выглядит как дерусификация и американизация страны»³⁰². Спустя пару лет философ А. С. Панарин также подчёркивает разрушительную функцию Запада по отношению к России: «Победа Запада в холодной войне и новое имперское самовозвеличивание США резко снизили способность прометеевых обществ «первого мира» к критической саморефлексии перед лицом глобального кризиса. На этом фоне объективно возрастает роль других мировых культур, более космически укорененных и экологически ответственных. Настоящую загадку в этом плане представляет русская культура»³⁰³. Мысль Концепции об *укреплении суверенитета незападных мировых держав* с точки зрения геополитической ситуации вокруг России является глубоко изученной отечественными философами на протяжении предыдущих десятилетий.

³⁰¹ Концепция внешней политики Российской Федерации // <https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html> (дата обращения: 15. 05. 2023).

³⁰² Гулыга А. В. Служить России // Долг и память военного поколения. М., 1998. С. 89.

³⁰³ Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. С. 44.

На данном историческом этапе противосточные с агрессивным Западом подчёркиваются конфликтом на Украине, используемым агрессором в качестве инструмента борьбы с Россией³⁰⁴. «Украинский фактор» сегодня представляет собой один из стратегических инструментов *антирусской политики*, проводимой странами НАТО, которые активно опираются на антирусские силы внутри самой Украины. Об этом много размышлял А. И. Солженицын. На вопрос корреспондента еженедельника «Московские новости» (апрель 2006 г.) «Должна ли Россия, пусть не политически, а хотя бы интеллектуально, ставить вопрос о воссоединении русских земель в случае очевидного увода Украины украинской элитой в Евросоюз и особенно в НАТО», он ответил: «Огромные просторы, никогда не относившиеся к исторической Украине, как Новороссия, Крым и весь юго-восточный край, насильственно втиснуты в состав нынешнего украинского государства и в его политику жадно желаемого вступления в НАТО. ...При всех условиях Россия ни в коей форме не смеет равнодушно предать многомиллионное русское население на Украине, отречься от нашего единства с ним»³⁰⁵.

О ситуации на Украине А. И. Солженицын следил до самых последних дней своей жизни. У него очень много аналитически точных прогнозов и достоверных духовных прозрений о трагическом будущем. Важна его оценка западной политики в отношении Украины, особенно Америки, которая всемерно поддерживает «каждый антирусский импульс Украины». Все это происходит на наших глазах, когда «губительный накал страстей вокруг русско-украинского вопроса» достиг своей кульминации.

Ещё одним важным понятием, затронутым в КВП РФ, является понятие гибридной войны, как войны нового типа, ведущейся преимущественно на внешнеполитическом контуре³⁰⁶. Можно констатировать, что НАТО под

³⁰⁴ Концепция...

³⁰⁵ Солженицын А.И. С Украиной будет чрезвычайно больно. М.: АСТ, 2023. С. 212.

³⁰⁶ Кондорский Б. М. Гибридная гражданская война в России // Свободная мысль. 2023. №1 (1697). С. 43.

руководством США действуют на основе уже сформулированных законов ведения гибридной войны, что включает в себя:

- глобальный геополитический характер конфликта;
- его цивилизационный характер;
- перманентный и всеобщий характер конфликта;
- использование всех известных на сегодня средств и методов войны;
- использования стратегии войны «чужими руками» или прокси-войны³⁰⁷.

Гибридная война – это те условия, в которых России приходится действовать сегодня в геополитическом пространстве.

Фактически можно констатировать, что наработки Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева легли в основу Концепции. В связи с чем можно утверждать, что КВП РФ в своей основе опирается на многовековой культурно-исторический и философский опыт русской цивилизации. Нынешнее состояние мира в его острой конфликтной фазе выражает *духовно-антропологический кризис человечества*, то есть кризис самого человека. Некоторые современные авторы склонны военный конфликт рассматривать в терминах «борьбы за человека»³⁰⁸.

В связи с этим КПВ РФ с точки зрения не простой международной обстановки крайне актуальна, поскольку риск столкновения цивилизаций в третьей мировой войне, в которой в связи с ядерным потенциалом участников не будет победителей, требует от России очень тщательной проработки своих позиций на внешнем контуре в рамках существования всего человечества.

Поскольку, как описано в КПВ РФ, Россия является ядром русской цивилизации, резонно возникает вопрос о месте нашего государства в мире, его мисси. Что вытекает из фундаментальной концепции русских цивилизационных ценностей. В КВП РФ говорится: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие

³⁰⁷ Бартош А. А. Законы и принципы гибридной войны // Военная мысль. 2022. № 10. С. 8-9.

³⁰⁸ См.: Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. М., 2022. С. 9-10.

предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»³⁰⁹.

Внутренние духовные и культурно-исторические особенности Русского мира определяют внешнюю политику России. Каким образом сегодня трактуется это понятие? В данном контексте мы используем определение Русского мира историком и политологом С. В. Перевезенцевым: «Русский мир – это многоцветие народов, сплоченных русским народом в общей исторической судьбе, решающих общие исторические задачи, сохраняющих при этом свои традиционные культуры и религии. Основа Русского мира – восточнославянская православная цивилизация в ее духовно-политических и культурно-исторических границах. Ядро и центр Русского мира – Россия, которая объединяет в себе и вокруг себя многие народы и государства, принадлежащие к различным религиям и культурам»³¹⁰.

В Русском мире важнейшими являются понятия-ценности: вера (духовность), государство, достоинство, культура, милосердие, мир, народовластие, традиции, нравственность, Отечество, русский язык.

Это достаточно полные, исчерпывающие как внешние, так и внутренние параметры Русского мира. Все они свидетельствует об *устремленности русской культуры к духовному идеалу* на примере героизма русских солдат во всех Отечественных войнах, включая и сегодня в зоне СВО.

Однако мы полагаем, что еще одна важная нравственная характеристика Русского мира недостаточно здесь прописана. Речь идет о *сотериологии*, то

³⁰⁹ Концепция...

³¹⁰ Перевезенцев С.В. Русский мир в XXI веке // Русская политология. 2022. №1 (22). С. 74.

есть о *спасительной миссии России* для всего мира. У С. В. Перевезенцева она представлена двумя понятиями, наиболее близкими к понимаемому нами значению, а именно – милосердие и справедливость. Мы бы добавили в этот ряд *идею спасения* – как духовно-нравственного сосредоточения Русского мира. Здесь мы выходим на *историософские параметры Русского мира*, что является важной частью отечественной философской культуры, которые мы рассмотрели в предшествующих частях работы. Каким образом сотериологическая идея представлена в КВП РФ?

В Концепции приоритетными для России являются национальные интересы: «Сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан»³¹¹.

Стратегическая цель русской внешней политики формулируется в основном тезисе: «Формирование справедливого и устойчивого мироустройства». Что является важнейшей задачей, которую способно осуществить лишь государство, обладающее большим накопленным *этическим капиталом*, основывающемся на справедливости. Именно этот фактор позволяет выстраивать устойчивый мир. Осуществляется она через ряд конкретных этапов.

- Защита угнетаемых стран и народов через развитие всесторонних партнерских отношений с ними. В этом заключается реальная помощь этим странам, поскольку именно укрепление сотрудничества с этими странами способствует укреплению их внутреннего ресурса.

- Поддержка союзников, исходя из суверенных приоритетов самой России вне зависимости от внешних санкций и признаний других государств. Всеобъемлющая поддержка Республики Абхазия, Республики Южная Осетия.

- Создание системы международной безопасности для сохранения культурно-цивилизационной самобытности всех государств и народов. Равенство возможностей – это и есть принцип истинной демократии,

³¹¹ Концепция Внешней Политики Российской Федерации

возможной в России, где *принцип справедливости* занимает верховное положение в системе нравственных ценностей.

- Распространение принципа справедливости на все сферы жизни.

- Защита человеческого достоинства и традиционного образа человека. В ситуации широкого распространения постгуманистических, трансгуманистических и трансгендерных антропологий эта задача является особенно важной, поскольку существует угроза исчезновения человека в его традиционном биосоциальном и духовно-нравственном виде.

- Помощь в борьбе с терроризмом, защита христиан на Ближнем Востоке.

Таким образом, проведённый анализ КВП РФ проявляет сотериологическую интенцию России, предполагающую спасение мира от несправедливости, источником которой является запад и его колониализм. Потому помощь в этом процессе всем тем, кто нуждается в поддержке, является главным принципом внешней политики, что совпадает с принципами христианской политики, которую всегда исповедовало и осуществляло российское государство.

«Защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации от деструктивного иностранного воздействия»³¹². Данная задача в стратегическом смысле является для России безусловной³¹³.

Действительно, в 1990-е гг. возникла угроза исчезновения русской государственности, которая планомерно тонула в котловане глобализации и «общечеловеческих ценностей». В это поистине смутное время национальная идентичность практически была равна нулю, а любые попытки серьезного разговора о России, русскости, русской культуре воспринимались чуть ли не как проявления национализма. Русский духовный космос был серьезно поврежден первоначально коммунистической интернациональной идеологией, а затем посткоммунистической рыночно-либеральной

³¹² Концепция Внешней Политики Российской Федерации

³¹³ Гулыга А.В. Служить России // Долг и память военного поколения. М., 1998. С. 303.

потребительской идеологией, оказавшейся еще более чуждой русскому человеку, нежели коммунистическая. Так как последняя основывалась на коллективизме в искаженной форме соборного духа, но все же близкой к ценностям национального самосознания, в то время как потребительство, основанное исключительно на индивидуалистическом жизненном проекте, показало свою глубочайшую отчужденность от ценностей русского национального бытия.

Возрождение духовных ценностей России в качестве национальных интересов во внешней политике является стратегической целью: «Укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия многонационального народа Российской Федерации»³¹⁴. Выполнение этой задачи является жизненно важным, и от него напрямую зависит физическое существование нашего государства. Многовековой опыт как нашей страны, так и других народов, свидетельствует о том, что духовно-нравственные ценности всегда имеют превосходство над материальными, экономическими и техническими аспектами. Жизнеспособность государства определяется сохранением всего культурного состояния народа. Если эту задачу не выполнять, то государство разваливается, как доказал печальный опыт Советского Союза.

Россия является реальной альтернативой либерально-глобалистской повестке Запада. Духовный ресурс *позитивной эсхатологии* у России огромный, об этом говорит известный российский философ А. Л. Казин: «Испытав на себе направленные удары хаоса, Россия пронесла сквозь тысячу лет своей истории образ *света над бездной*. Хаос и космос в русской традиции встречаются друг с другом не как таковые, в своей отдельности, а как грани онтологического призвания человека быть *свободным продолжателем и гарантом совершенства творения*»³¹⁵.

³¹⁴ Концепция Внешней Политики Российской Федерации

³¹⁵ Казин А.Л. Космос, хаос и совершенство: эстетико-культурологический аспект // Ценности и смыслы. 2023. No 3 (85). С. 6–27

При современном осмыслении концепции «Русский мир» необходимо особое внимание уделять ее спецификации на различных уровнях культурно-исторической действительности. Ключевое значение при этом имеют экономический, политический, геополитический, аксиологический (ценностный), культурологический и религиозный аспекты.

Экономический уровень подразумевает, что Русский мир рассматривается как экономический регион, стремящийся восстановить внутреннюю технологическую, сырьевую и финансовую самодостаточность в рамках глобального разделения труда. Это позволит избежать экономической зависимости и подчинения западным державам. Альтернативой этому сценарию является полная экономическая деградация и превращение в сырьевой придаток Запада.

Политический уровень определяет Русский мир как регион с настоящим политическим суверенитетом, где государства способны защищать свои национальные интересы и цивилизационные ценности. В противном случае существует риск установления марионеточных режимов, контролируемых из-за рубежа и часто характеризующихся русофобией и неонацистскими тенденциями. Для Российской Федерации принятие прозападного режима под прикрытием «либерализма» может привести к дальнейшему распаду и утрате государственной целостности.

Геополитический уровень предполагает Русский мир как регион, способный поддерживать военный баланс с НАТО, в том числе через военное сотрудничество с другими азиатскими странами, такими как Китай и Индия, в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Аксиологический уровень акцентирует внимание на том, что Русский мир основан на возрождении и сохранении традиционных ценностей, которые противостоят «антропологической катастрофе» Запада. В культурологическом контексте это означает, что Русский мир выступает как цивилизация, противостоящая этой катастрофе (термин М. К. Мамардашвили). Он объединяет множество локальных культурных традиций, а его главной целью

является сохранение этих традиций и развитие «традиционного человека» — личности, способной к духовному росту и обновлению.

На религиозном уровне Русский мир рассматривается как цивилизация, в которой религиозные традиции остаются фундаментом культуры и мировоззрения людей, глубоко влияя на все сферы общественной жизни.

Тем самым, как отмечает В. Ю. Даренский, «в настоящее время понятие “Русский мир” приобрело статус историософской категории с многоуровневым содержанием. Ее смысл вышел за рамки обозначения одной из «локальных цивилизаций» и приобрел еще более глубокое метафизическое измерение»³¹⁶.

Важно помнить об известных, но сегодня забытых словах Н. В. Гоголя из «Выбранных мест из переписки с друзьями». Там есть глава «Нужно любить Россию», в которой сказано: «Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русский»³¹⁷. Это духовный завет Гоголя, который есть подлинный критерий русскости. Чтобы это свершилось, чтобы Россия исполнила свою духовную миссию быть продолжателем творения, необходимы настоящие, а не бутафорские изменения в культурной политике России, опирающиеся на национальные ценности государства, чего сегодня, увы, еще не произошло в полной мере.

Выводы из третьей главы

В первом параграфе третьей главы диссертационного исследования раскрывается сотериологический смысл историософской направленности Русской идеи, которая состоит в жажде спасения не только лично себя, но и всего мира и непосредственно связана со стремлением к Абсолюту. Эта органическая связь присутствует и в основании Русского мира в наши дни,

³¹⁶ Даренский В.Ю. Русский мир как историософская категория // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Междунар. науч. конф. (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 5: Социально-политические, исторические и философские науки. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. С. 340.

³¹⁷ Гоголь Н.В. Нужно любить Россию. М., 2008. С. 295.

будучи основой национального самосознания. Если в историософских поисках русских философов и писателей XVIII – XIX вв. вызревал идеал Русского мира как самобытной цивилизации, то их сотериологические поиски в современной ситуации определяют культурные и политические цели российской государственности.

Сравнивая два пути спасения – индуистский и христианский, автор отмечает, что для индуизма спасение – это уход из иллюзорного мира в состояние нирваны, бытийной пустоты, а для христианства путь спасения связан с деятельной борьбой с несовершенством мира, что составляет основание христианской политики в целом.

Во втором параграфе третьей главы диссертационного исследования речь идет о выражении ценностно-смысловых оснований Русского мира во внешней политике Российской Федерации. С этой целью текстуально анализируется Концепция внешней политики РФ (КВП РФ). В качестве приоритетного направления в Концепции внешней политики Российской Федерации обозначено формирование справедливого и устойчивого мироустройства, что проявляет сотериологическую интенцию Русского мира, которая продиктована необходимостью спасения всего человечества от несправедливости, экстраполируемой Западом через неоколониализм. Если каким-то странам и народам необходима помощь и поддержка в любой точке мира, Россия может её предоставить. Во многом эти принципы внешней политики Российской Федерации совпадают с духовными основаниями Русского мира, которые получили свое культурфилософское осмысление в русской религиозной философии и литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многообразие трактовок Русского мира свидетельствует об актуальности данного концепта в ситуации становления многополярного мира. Доминирование политической составляющей в оценках Русского мира и существующей литературе объясняется обстановкой геополитического вызова России после распада Советского Союза и современной ситуацией острого противостояния России и коллективного Запада. Русский мир, понятый как самобытное цивилизационное единство, оказывается духовной и социально-гражданской альтернативой западноевропейской цивилизации.

Ценностно-смысловое и духовное ядро Русского мира, его стратегические интенции основаны на необходимости сохранения и возрождения национальной идентичности, которая последний век была утрачена, а после развала Советского Союза начала интенсивно растворяться под экспансионистской ориентацией на Запад во главе с американцами, создав тем самым реальную экзистенциальную угрозу для России. Современный концепт «Русский мир» не может ограничиваться лишь геополитическими параметрами, но должен включать в себя историософский характер и сотериологический опыт русской религиозной философии, сконцентрированный в Русской идее.

Концепт «Русский мир» невозможно формализовать и втиснуть в рамки категорий. Это всё ещё находящаяся в развитии социокультурная реальность, которая требует синергии усилий от разных представителей общественных наук.³¹⁸ Но движение к междисциплинарному изучению Русского мира, широкое предметное поле которого, как показано в первой главе, граничит как с проблемами геополитики, с одной стороны, там и с проблемами метафизики – с другой стороны, не является единственно возможным. Имеет смысл выбрать противоположное движение и другой подход, где Русский мир в пространстве культуры раскрывается перед нами как самобытная

³¹⁸ Кривопусков В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов // Вестник АГУ. 2016. Вып. 1 (174). С. 116.

цивилизация, причем не в шпенглеровской узком смысле умирающей культуры. Цивилизация в данном случае означает расцвет самобытной культуры, представление о которой формировалось в историософских поисках русских мыслителей на протяжении нескольких столетий. Именно культурологическое измерение Русского мира всерьез изучалось в рамках русского философского и теологического дискурса, а также в отечественной литературе и публицистике XVIII – XX вв.

Анализ проблемы русскости как основы национального менталитета и маркера национальной идентичности, в свою очередь, обнаруживает наднациональный и надэтнический характер Русского мира в том случае, когда этническое и национальное понимаются в строго научном или идеологическом смысле. Соответственно, концепты русскости и Русского мира несовместимы с идеями национализма, основанными на лозунгах «крови и почвы». Исследование концепта русскости как характеристики национального менталитета даёт возможность выходить далеко за рамки узкого понимания национализма, а также избежать растворения национальной культуры в лишенном уникальных особенностей и традиционных истоков глобализме.

Русскость есть основа национального менталитета русского народа, основной маркер его национальной идентичности. При этом русскость предстает как противоречивое единство в основании русской сердечности. С одной стороны, это благоговейно-уважительная отзывчивости к собственным национальным ценностям и отеческим святыням, а с другой – открытость к «всечеловеческому» и «вселенскому», что подтверждает анализ творчества русских философов и писателей XVIII-XX вв.

Идея «всемирной отзывчивости» русского человека у Ф.М. Достоевского является продолжением и развитием идеи соборности у славянофилов. В свою очередь, мысль о «всечеловечности» русского национального идеала есть «светская транскрипция» церковного идеала соборности, спроецированная на эмпирическую реальность национального бытия. В этом плане смысловым

ядром Русского мира оказывается поиск вселенской справедливости как «сверхценности» русской религиозной философии, получающая в наши дни новую трактовку. Русский мир в свете указанного понимания – это пространство мирового смысла, пространство, где творятся смыслы, где обыденная жизнь во всей ее суете наполняется высшим смыслом. Неслучайно поиск смысла – отличительная черта отечественной философии.

Размышления о Русском мире историософичны и постоянно обращены к вопросам о смысле истории, конце истории и т. п. Эсхатологические концепции XVI - XVIII века перекликаются в русском культурфилософском дискурсе с историософскими размышлениями XIX века и утопиями XX века. При этом Русский мир демонстрирует синтез психологического и религиозного, который предстает в русской энергии совлечения, в русской жажде нисхождения и служения. Здесь квинтэссенция психологии русского народа, все его противоречия, нелогичность, взлеты и падения, трагизм и стремление к высшему духовному идеалу.

Русская идея - это духовно-нравственное ядро Русского мира, позитивная ценность национального самосознания. Но Русская идея, как показывают русские мыслители XIX века, раскрывает себя именно в истории, проникнутой вселенским смыслом. То, что русская история постоянно движется через разрывы, – факт достаточно очевидный. Можно выделить много поворотных моментов, после которых она двигалась в новом направлении. Диссертант показывает, что разрывы русской истории, и в этом ее своеобразие, преодолеваются на почве православного провиденциализма за счет объединяющего и направляющего сотериологического смысла – спасения человечества. Наиболее интересные решения здесь представлены в философии всеединства В. Соловьева и аритмологии Н. Бугаева.

Историософская парадигма русской мысли проявила себя еще в одном важном аспекте – нравственной антроподии. Это типологическая особенность отечественной философии, заключающаяся в применении моральных критериев к тем феноменам, которые в западной традиции

считаются аксиологически нейтральными. В западной культурной традиции очевиден приоритет права над моралью. В контексте русской традиции право в большей мере нравственная, а не юридическая категория. Право – это Правда и Справедливость, откуда и вытекает идея оправдания человека. На Западе это оправдание Бога в глазах отдельного человека (теодицея). Но в России оправдывают не Бога, а человека (антроподицея), в глазах Бога и в глазах других людей, то есть в свете совести.

Из культурологического понимания Русского мира как самобытного цивилизационного единства следует политологическое и геополитическое понятие Русского мира как «государства-цивилизации». Мы отталкиваемся от того, что Русская идея не замыкается в русской религиозности, равно как и православие в Русском мире существует гораздо шире взаимодействия с нравственными смыслами других конфессий. Такой подход позволяет понять специфику Русского мира как государства-цивилизации, особенности российской государственности.

Исходя из понимания истории как циклической смены духовных эпох, которые повторяются в новых формах, автор прогнозирует Новое Возрождение благодаря усилиям Русского мира как «государства-цивилизации». Подобно тому, как Н. Бердяев пророчил наступление Нового Средневековья, автор диссертационного исследования пишет о перспективе Нового Возрождения как эпохе напряженной духовной борьбы за возрождение человечества между цивилизациями, защищающими традиционные ценности, а Россия в центре этого движения, и «антицивилизацией» Запада, которая эти ценности уничтожает, сводя человека к животному уровню.

Сотериологический смысл историософской направленности Русской идеи заключается в жажде спасения не только лично себя, но и всего мира и непосредственно связана со стремлением к Абсолюту. Эта органическая связь присутствует и в основании Русского мира в наши дни, будучи основой национального самосознания. Если в историософских поисках русских

философов и писателей XVIII – XIX вв. вызревал идеал Русского мира как самобытной цивилизации, то их сотериологические поиски в современной ситуации определяют культурные и политические цели российской государственности.

Сравнивая индуистский и христианский путь спасения, можно отметить, что для индуизма спасение – это уход из иллюзорного мира в состояние нирваны, бытийной пустоты, а для христианства путь спасения связан с деятельной борьбой с несовершенством мира, что составляет основание христианской политики в целом. Христианская политика, таким образом, транслирует в область практики и социальной жизни те духовные основания, на которых строится Русский мир.

Ценностно-смысловые основания Русского мира выражены во внешней политике Российской Федерации. С этой целью в диссертации текстуально анализируется Концепция внешней политики РФ (КВП РФ). В качестве приоритетного направления в Концепции внешней политики Российской Федерации обозначено формирование справедливого и устойчивого мироустройства, что демонстрирует сотериологическую интенцию Русского мира, которая продиктована необходимостью спасения всего человечества от несправедливости, экстраполируемой Западом через неоколониализм. Если каким-то странам и народам необходима помощь и поддержка в любой точке мира, Россия может её предоставить. Во многом эти принципы внешней политики Российской Федерации совпадают с духовными основаниями христианской политики, которые изначально составляли основу Русского мира и получили свое культурфилософское осмысление в русской религиозной философии и литературе.

Перспективы дальнейшего исследования данной проблематики связаны с углублением духовно-антропологического кризиса в результате современного господства научного мировоззрения и пропаганды трансгуманизма. Актуальным в этом свете является осмысление Русского мира и Русской идеи в более широких исторических рамках, а также во

взаимосвязи философского и теологического дискурса. Необходимость противостояния негативным духовным тенденциям в общемировом масштабе требует дальнейшего осмысления отечественного духовного наследия, включая культурфилософский анализ концепта «Русский мир».

Практическая значимость предлагаемого диссертационного исследования связана с перспективами уточнения культурной политики российского государства в аспекте пропаганды традиционных ценностей отечественной культуры. Содержание диссертационного исследования востребовано перспективами патриотического воспитания российской молодежи. Наибольшего внимания заслуживает дальнейшая теоретическая и практическая разработка духовного проекта Нового Возрождения как следствия утверждения Русского мира.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Спасение / С.С. Аверинцев // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2010.
2. Аксаков И.С. Письма к родным. 1844-1849 / И.С. Аксаков. – М.: Наука, 1988. – 704 с.
3. Алейникова С.М. «Русский мир» геополитический подход С.М. Алейникова // Весці БДПУ. – Серія 2. 2017. № 1. – С. 41-47.
4. Алимов А.В. О восстановлении границ русского мира / А.В. Алимов // Международный научный журнал «Символ науки». – 2022. № 5-1. – С. 93-99.
5. Алимов А. В. Концептуальные основы Русского мира в социально-политической системе России / А.В. Алимов // Общество: политика, экономика, право. – 2023. № 4. – С. 46–57.
6. Арсеньев Н.С. Из русской культурной и творческой традиции / Н.С. Арсеньев. – London: Overseas publ. interchange, 1992. – 301 с.
7. Архимандрит Константин (Зайцев). Чудо русской истории: сборник статей, раскрывающих промыслительное значение исторической России, опубликованных в зарубежной России за последнее двадцатилетие / Константин (Зайцев). – Jordanville : Holly Trinity monastery, 1970. – 315 с.
8. Астафьев П.Е. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура / П.Е. Астафьев. – М. : Институт Наследия, 2021. – 590 с.
9. Астафурова Т.Н., Скрынникова И.В. Современная российская идентичность сквозь призму дискурсивных метафор / Т.Н. Астафурова, И.В. Скрынникова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – С. 77-83.
10. Астутто Д. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского: культурно-историческая проблематика цикла / Д. Астутто // Вестник Московского государственного областного университета. – 2021. №3. – С. 38-44.

11. Афанасьев А.П. Смысл и предназначение России / А.П. Афанасьев. – М.: Звонница-МГ, 2013. – 544 с.
12. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России): Т.1. От прошлого к будущему – 2. изд., перераб. и доп. / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. 804 с.
13. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики / В.Э. Багдасарян, С.И. Реснянский С.И. – М.: «БОС», 2022. – 380 с.
14. Баркова В.В. Российское самосознание и тенденции его развития / В.В. Баркова // Аналитика культурологии. 2012. Вып. 2 (23). С. 56-61.
15. Бартош А.А. Законы и принципы гибридной войны / А.А. Бартош // Военная мысль. 2022. № 10. С. 6-15.
16. Батанова О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: диссертация ...кандидата политических наук / О.Н. Батанова. – М.: РАГС, 2009. – 163 с.
17. Бедаев А.И., Михайлова Е.А., Тихонова В.Л. Русские общины в интеграционных механизмах каспийского региона / А.И. Бедаев, Е.А. Михайлова, Тихонова В.Л. // Caspium Securitatis. 2021. № 4. С. 27-42.
18. Безродная А.Ю. Влияние историко-культурного контекста на концепт «Русский мир» / А.Ю. Безродная // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Том 26, № 4 (2020). С. 69-75.
19. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского Зарубежья. – М.: Наука, 1990. С. 43-272.
20. Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье / Н.А. Бердяев / Сост. В.В. Сапова. М.: Канон+, 2002. 448 с.
21. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М.: Правда, 1990. – 608 с.

22. Биbihин В.В. Собрание сочинений. Том 3. Новый ренессанс / В.В. Биbihин. – М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2013. – 424 с.
23. Бугаев Н.В. Математика и научно-философское мирозерцание / Н.В. Бугаев // Математический сборник. – М.: Университетское изд., 1905. – № 2. – С. 349-369.
24. Будилович А.С. Славянское единство / А.С. Будилович. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. – 784 с.
25. Булгаков С.Н. Война и русское самосознание / С. Н. Булгаков // Русские философы о войне. – М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. – С. 332-385.
26. Булгаков С.Н. Моя родина / С. Н. Булгаков // Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. – Орел: Изд-во Орловской государственной телерадиовещательной компании, 1988. – С. 9-26.
27. Валицкая А.П. Образ России в контексте национального самосознания / А.П. Валицкая // Образ России. Сборник научных статей. – СПб.: Пневма, 2009. – С. 6-23.
28. Верещагин С.Г., Верещагина А.В. Русскость как категория национального менталитета русского народа / С.Г. Верещагин, А.В. Верещагина // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Том: 10. № 4 (37). С. 24-28.
29. Вишев И.В. Проблема жизни, смерти и бессмертия человека в истории русской философской мысли / И.В. Вишев. – М.: Академический проект, 2005. – 432 с.
30. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому» / Е.А. Вишленкова. – М.: НЛЮ, 2011. – 384 с.
31. Волхонский М.А., Муханов В.М. Концепция «Русского мира». Множественность смыслов в контексте международных процессов / М.А. Волхонский, В.М. Муханов // Международная аналитика. 2019. № 4 (30). С. 58-65.

32. Время языка. Сборник статей памяти профессора В.В. Колесова / ред. С.А. Аверина / В.В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 2021. – 352 с.
33. Воркачев С.Г. Что есть Родина? Идея патриотизма в русской лингвокультуре / С.Г. Воркачев // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 2 (26). – С. 73–79.
34. Вышеславцев Б.П. Вечное в русской философии // Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса / Б.П. Вышеславцев. – М.: Республика, 1994. – С. 154-325.
35. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
36. Гачев Г.Д. Ментальности народов мира / Г.Д. Гачев. – М.: Эксмо, 2008. – 544 с.
37. Гачева А.Г. Апокатастасис в русской религиозно-философской мысли последней трети XIX – первой трети XX в. Апологеты целостного идеала: тема всеобщности спасения в творчестве мыслителей Советской России А.К. Горского, Н.А. Сетницкого, В.Н. Муравьева, Д.Л. Андреева / А.Г. Гачева // Вестник РГГУ. 2018. С. 24-37.
38. Гачева А.Г. Человек и история в зеркале русской философии и литературы / А.Г. Гачева. – М.: Водолей, 2021. – 700 с.
39. Гвардини Р. Гельдерлин. Картина мира и боговдохновенность / Р. Гвардини. – СПб.: Наука, 2015. – 490 с.
40. Гиматдинова А.Р., Недашковская Н.И. Методология исследований наций и национализма в современной российской историографии (на материале концепта «русскости») / А.Р. Гиматдинова, Н.И. Недашковская // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 162, кн. 3. – С. 232–247.
41. Глебова Н. Г. Коннотативно-оценочный потенциал слов – репрезентантов концепта РУССКОСТЬ в современном русском языке / Н. Г. Глебова // Научный диалог. 2017. № 11. С. 25-37.

42. Глебова Н.Г. Когнитивные признаки концепта «русскость» в национальной концептосфере и его объективация в русском языке. Диссер. на соискание уч. степени ... к. ф. н. / Н. Г. Глебова. – Н.-Новгород, 2018. – 223 с.
43. Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения, 9–10 июня 2022 г. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2022. – 628 с.
44. Гоголь Н.В. Нужно любить Россию / Н.В. Гоголь. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 672 с.
45. Горелов А.А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм / А.А. Горелов // Философия и современность. 2017. №1. С. 50-66.
46. Горлова И.И., Гриценко В.П. Российская цивилизация и «Русский мир» / И.И. Горлова, В.П. Гриценко // Журнал Института наследия. – 2018. 2(13). [Электронный ресурс] URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/206.html> (дата обращения: 29.12.2024).
47. Горшунова А.С. Феномен «русскость» в мультимодальном аспекте (на материале короткометражного фильма «Russian Cyberpunk Farm // Русская кибердеревня») / А.С. Горшунова // Политическая лингвистика. — 2022. — № 3 (93). – С. 49-59.
48. Громов М.Н. Структура и типология русской средневековой философии / М.Н. Громов. – М.: ИФРАН, 1997. – 289 с.
49. Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии / М.Н. Громов. – Тверь: Изд. ТГУ, 2013. – 206 с.
50. Гронский А. Русский Мир в поисках содержания / А. Гронский // Россия в глобальной политике. 2017. №4. <https://globalaffairs.ru/articles/russkij-mir-v-poiskah-soderzhaniya/>
51. Гулыга А.В. Служить России / А.В. Гулыга // Долг и память военного поколения. М.: ИФ РАН, 1998. С. 47-90.
52. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы / А.В. Гулыга. – М.: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. – 334 с.

53. Гумерова Ж.А., Шелехов И.Л. Основные направления исследования русского национального самосознания в XX-XXI вв. / Ж.А. Гумерова, И.Л. Шелехов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 39–42.
54. Гумилев Л.Н. Выбор веры // Гумилев Л.Н. Всем на завещана Россия / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2012. – С. 61-66.
55. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
56. Даниленко В.П. Картина мира в пословицах русского народа / В.П. Даниленко. – СПб.: Алетейя, 2017. – 466 с.
57. Даренский В.Ю. «Большая восточная идея» в прогностике А.С. Панарина / В.Ю. Даренский // Вестн. Удм. ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, вып. 3. С. 367–373.
58. Даренский В.Ю. Историософия архимандрита Константина (Зайцева) / В.Ю. Даренский // Русско-Византийский вестник. – 2021. – № 4 (7). – С. 75–91.
59. Даренский В. Ю. Концепция «розового христианства» К. Леонтьева: непонятое пророчество / В.Ю. Даренский // Русско-Византийский вестник. – 2022. № 4 (11). – С. 70–85.
60. Даренский В.Ю. Русская философия как фактор цивилизационной идентичности в XXI веке / В.Ю. Даренский // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. Т. 2. №1. – С. 49–67.
61. Даренский В.Ю. Русский мир как историософская категория / В.Ю. Даренский // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Междунар. науч. конф. (Донецк, 17-20 октября 2017 г.). – Том 5: Социально-политические, исторические и философские науки. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. С. 338-341.

62. Даренский В.Ю. Цивилизационный суверенитет России как принцип неклассической идеологии / В.Ю. Даренский // *НОМОТНЕТІКА: Философия. Социология. Право*. 2019. Том 44, № 4. С. 593-600.
63. Даренский В.Ю. Эсхатологическая борьба: «биосоциальный автомат» против образа Божьего / В.Ю. Даренский // *Человек в информационном обществе*. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2023. С. 826-829.
64. Дверницкий Б.Г. Н. Я. Данилевский – основоположник русской историософии / Б.Г. Дверницкий // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. – 2019. – №4. – С. 283-290.
65. Демин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии / И.В. Демин. – Самара: Издательство СГА, 2016. – 240 с.
66. Денисов А.А. Русская идея как основная проблема русской философии А.А. Денисов // *Вестник омской православной духовной семинарии*. – 2022. № 2(13). – С. 112-119.
67. Доктрина Русского мира / Сост. В.В. Аверьянов. – М.: Изборский клуб, Книжный мир, 2016. – 640 с.
68. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях / Ф.М. Достоевский // *Собрание сочинений в 12-ти т. Т. 10*. М.: Мир книги, Литература, 2008. – С. 209-271.
69. Достоевский Ф.М. О русской литературе впечатлениях / Ф.М. Достоевский. – М.: Современник, 1987. – 399 с.
70. Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников: В 2 т. впечатлениях. Т. 2. / Ф.М. Достоевский. – М.: Худ. лит., 1990. – 642 с.
71. Дронов А.И. Россия и Русский мир (культурологический аспект) / А.И. Дронов // *Наука. Искусство. Культура*. 2022. Вып. 3(35). С. 14-24.
72. Думнова Э.М. Феномен формирования самосознания народа в современном российском обществе / Э.М. Думнова // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13, № 3. С. 12-18.

73. Егорычев А. М., Мардахаев Л. В., Варламова Е. Ю. Социальный мир человека XXI века: универсальное, национальное, особенное / А.М. Егорычев, Л.В. Мардахаев, Е.Ю. Варламова // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. – 2023. № 1(104). – С. 118–124.

74. Еремин А.В. Консерватизм как социокультурный феномен русского исторического пути: истоки, трансформация в советскую эпоху, влияние на современность / А.В. Еремин // Верхневолжский филологический вестник. 2022. №3 (30). – С. 179–185.

75. Ермичев А.А. О «Русскости» русской философии: в ответ В. Н. Сагатовскому / А.А. Ермичев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 110-118.

76. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности / И.А. Есаулов. – М.: Кругъ, 2004. – 560 с.

77. Ефимец М.А. Русский мир как концепт и культурно-историческая реальность. Автореф. дисс. канд. культурологии / М.А. Ефимец. – Краснодар, 2022. 28 с.

78. Ефимец М.А. Культурно-цивилизационные противоречия XXI века и потенциал Русского мира / М.А. Ефимец // Вестник московского государственного университета культуры и искусств. 2022. No 1 (105). с. 26-34.

79. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. 690 с.

80. Захаров В.Н. Идея этнопоэтики в современных исследованиях / В.Н. Захаров // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. – С. 7–19.

81. Захарова О.В. Христианский смысл «Пушкинской речи» Достоевского / О.В. Захарова // Проблемы исторической поэтики. – 2022. Т. 20. № 2. – С. 324–336.

82. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.

83. Зимбули А.Е. Русский этос («Вечно нам жить, вечно нам плыть?») / А.Е. Зимбули // Образ России. Сборник научных статей. – СПб.: Пневма, 2009. – С. 106-144.
84. Иванов А.А., Казин А.Л., Светлов Р.В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Том 16. Выпуск 4. С. 143-157.
85. Иванов Вяч. И. О русской идее // Иванов Вяч. И. Родное и вселенское / Вяч. И. Иванов. – М.: Республика, 1994. – С. 360-373.
86. Ильин И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 285-333.
87. Ильин И.А. Наши задачи / И.А. Ильин // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 496 с.
88. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / В.В. Ильин, А.С. Ахиезер. – М: Изд-во МГУ, 2000. – 304 с.
89. Имя и чаша. Сб. науч. трудов. в 2-х тт. / Под ред. В.П. Океанского. – Иваново: Центр кризисологических исследований, 2012. – 250 с.
90. Исупов К.Г. Образ России в словарном освящении / К.Г. Исупов // Образ России. Сборник научных статей. – СПб.: Пневма, 2009. С. 23-70.
91. Иустин (Попович), преп. Философия и религия Ф.М. Достоевского / Иустин (Попович). – Мн.: Издатель Д.В. Харченко, 2007. – 312 с.
92. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К.Д. Кавелин. – М.: Правда, 1989. – 656 с.
93. Казаков Е.Ф. Душа русской культуры: к определению понятия / Е.Ф. Казаков // Вестник КемГУКИ. 2017. №45. С. 140-148.
94. Казаков Е.Ф., Чеснокова Е.А. К проблеме русской национальной идентичности / Е.Ф. Казаков, Е.А. Чеснокова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 31–36.

95. Казин А.Л., Жданова Е.В. Русская культура в современной немецкой интерпретации. Основные подходы / А.Л. Казин, Е.В. Жданова // Вестник славянских культур. – 2020. Т. 57. – С. 86–93.

96. Казин А.Л. Космос, хаос и совершенство: эстетико-культурологический аспект / А.Л. Казин // Ценности и смыслы. – 2023. № 3 (85). – С. 6–27.

97. Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т. 1: Общие проблемы / К.М. Кантор. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 904 с.

98. Каплин А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи / А.Д. Каплин. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 624 с.

99. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 127 с.

100. Карасев Л.В. О символах Достоевского / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1994. – №10. – С. 90-112.

101. Квашина Л. П. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского: поэтика и политика / Л.П. Квашина // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022. № 4. – С. 33–39.

102. Киселев С.Н. О линии раздела между Россией и Европой / С.Н. Киселев // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Культурология. Политология. 2022. № 3. – С. 3-11.

103. Кленина Е.А., Песков А.Е. иммортологические идеи в русской философии / Е.А. Кленина, А.Е. Песков А.Е. // Вестник АГТУ. – 2013. № 2 (56). – С. 115-119.

104. Климент, митр. Калужский и Боровский. Митрополит Климент: Русскость – это особое состояние человеческой души. Режим доступа: [Http://www.narodsobor.ru/events/orthodoxy/7946-mitropolit-kliment-russkost-eto-osoboe-sostoyanie-chelovecheskoj-dushi](http://www.narodsobor.ru/events/orthodoxy/7946-mitropolit-kliment-russkost-eto-osoboe-sostoyanie-chelovecheskoj-dushi) (дата обращения: 10. 02. 2024).

105. Климкова Л.А. Феномен русскости: языковая экспликация / Л.А. Климкова // Русский универсум в условиях глобализации: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции / Науч. ред. Е.В. Валеева. – Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 381–389.
106. Клюев А.С. Русские философы о музыке / А.С. Клюев // Вестник РХГА. – 2022. №3. – С. 212-225.
107. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве / В.О. Ключевский. – М.: Прометей, 1991. – 234 с.
108. Козловцева Н.А. Образ Русского мира в актуальном социокультурном пространстве / Н.А. Козловцева // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 58-67.
109. Козловцева Н.А. Формирование образа Русского мира в современных условиях: потенциал гуманитарного сотрудничества : дис. ... канд. культурологии / Н.А. Козловцева. – М.: Рос. акд. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ, 2018. – 190 с.
110. Козловцева Н., Толстова Н. Формирование образа Русского мира как аспект социокультурной адаптации иностранных граждан в процессе обучения / Н.А. Козловцева // Bakhtiniana, São Paulo, 14 (1): 82-113, Jan./March 2019.
111. Кожин В.В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура / В.В. Кожин. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – С. 45-74.
112. Кокшенёва К.А. Концепт «русская культура» и современные практики культурного наследования / К.А. Кокшенёва. – М.: Институт Наследия, 2019. – 472 с.
113. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.
114. Колесов В.В., Словарь русской ментальности. В 2 т. Т.1. А–О / В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. – СПб.: Златоуст, 2014.

115. Кондорский Б.М. Гибридная гражданская война в России / Б.М. Кондорский // Свободная мысль. 2023. №1 (1697). С. 43-56.
116. Константин (Зайцев), арх. Чудо русской истории / Константин (Зайцев). – М.: Форум, 2000. – 863 с.
117. Концепция внешней политики Российской Федерации // <https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html> (дата обращения: 15. 05. 2023).
118. Коробов-Латынцев А.Ю. Философ и война. О русской военной философии / А.Ю. Коробов-Латынцев. – М. : Издательский Дом «Русская философия», 2022. 250 с.
119. Королева С.Б., Никола М.И. Концепт Holy Russia в романе Г. Уэллса «Джоанна и Питер» / С.Б. Королева, М.И. Никола // Имагология и компаративистика. 2019. – С. 181-207.
120. Корольков А.А. Русская духовная философия / А.А. Корольков. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. – 576 с.
121. Корольков А.А. Органика культуры / А.А. Корольков. – Бийск: Издательский дом «Бия», 2011. – 332 с.
122. Корольков А.А. Русскость культуры, русскость философии / А.А. Корольков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. Вып. 3. С. 136-142.
123. Коршунов К.В., Кравченко В.А. Социально-философская характеристика «правды», «соборности» и «спасения» как ценностного ряда русской идеи в контексте современного Русского мира / К.В. Коршунов, В.А. Кравченко // Ценности и смыслы. – 2018. №3. – С. 106-116.
124. Котов А.Э. Русский национализм и православие во второй половине XIX в. / А.Э. Котов // Христианское чтение. 2020. № 5. С. 248–257.
125. Кочеров С.Н. Идея спасения как форма примирения российского мессианизма и миссионизма / С.Н. Кочеров // Вестник Минского университета. 2013. №1 (1). <https://www.minin-vestnik.ru/jour/article/view/361/592> (дата обращения: 10. 06. 2024).

126. Кочеров С.Н. Русский мир: проблема определения / С.Н. Кочеров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 5. С. 163–167.
127. Кочеров С.Н., Парилов О.В. Философия русской идеи: Монография / С.Н. Кочеров, О.В. Парилов. – М: Издательский Дом «Русская Философия», 2022. – 300 с.
128. Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова / В.А. Кошелев// Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т1. Работы по историософии. – М.: Московский философский фонд. Изд-во «Медиум», 1994. – С. 3-15.
129. Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века / А. Койре. – М: МОДЕСТ КОЛЕРОВ, 2003. – 304 с.
130. Кравченко П.П. Мир православный (национальная идея многовекового развития России) / П.П. Кравченко. – Филинь, 2017. – 518 с.
131. Кривопусков В.В. Концепт «Русский мир»: принципы и возможности методологических подходов / В.В. Кривопусков // Вестник АГУ. 2016. Вып. 1 (174). С. 111-119.
132. Крюкова Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия / Г.А. Крюкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Языкознание и литературоведение. 2008. Вып. 59. С. 128-135.
133. Кэррик Л. Достоевский и «другая Европа»: афоризмы, статьи, эссе, дневники, путевая проза, письма / Л. Кэррик. – СПб.: Из-во «Пушкинский дом», 2017. – 700 с.
134. Лазарева А.Н. Идеи соборности и свободы в русской религиозной философии / А.Н. Лазарева. – М.: ИФ РАН, 2003. – 153 с.
135. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 7. Кн.1. Т. 7. С. 300-444.

136. Леонтьев К. Н. Грамотность и народность / К.Н. Леонтьев // Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 7. Кн.1. С. 90-131.
137. Летягин Л.Н. Русский мир: феномены сопредельности / Л.Н. Летягин // Образ России. Сборник научных статей. – СПб.: Пневма, 2009. – С. 77-94.
138. Лимонов Ю. Россия в западноевропейских сочинениях первой половины XIX века / Ю. Лимонов // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 3-19.
139. Лихачев Д. Заметки о русском / Д. Лихачев. – М.: Колибри, АзбукаАттикус, 2014. – 480 с.
140. Макаров А. Нравственные воззрения Илариона Киевского / А. Макаров // Альманах библиофила. Выпуск 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988 -1988). – М.: Книга, 1989. – С. 76-89.
141. Мальченков С.А. Социально-философский анализ цивилизационных трансформаций современной России: дис. ... д-ра филос. наук / С.А. Мальченков. – Саранск, 2022. – 405 с.
142. Маннхерц Ю. Иррациональное в русской истории / Ю. Маннхерц // Иррациональное в русской культуре / Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 6-24.
143. Мареева Е.В. Культурология. Теория и история культуры. Учеб. пос. – 3-е изд., перераб. и доп. / Е.Н. Мареева. – М.: Издательство «Экзамен», 2008. – 414 с.
144. Мареева Е.В. «Общечеловеческое» или «всечеловеческое»: вклад Н. Я. Данилевского в методологию исследования «русского мира» / Е.Н. Мареева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 3 (119), 2024. С. 75-82.
145. Маркиз де Кюстин. Николаевская Россия / Маркиз де Кюстин. – М.: «Терра», 1990. – 288 с.

146. Марков А.П. Образы и сценарии будущего в отечественной гуманитарной мысли / А.П. Марков // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 1 (73). – С. 33–42.
147. Маркова Т.В., Шетулова Е.Д. Историософия С.Л. Франка: вопрос об общественном идеале / Т.В. Маркова, Е.Д. Шетулова // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – vol. 9-1 (72). – pp. 94-96.
148. Мацейна А. Происхождение и смысл философии / А. Майцена // Историко-философский ежегодник'93. – М.: Наука, 1994. С. 126-139.
149. Межуев В.М. Российская цивилизация: утопия или реальность? / В.М. Межуев // Россия XXI, 2000, № 1. – С. 3-12.
150. Межуев В.М. Россия в диалоге с Европой: генезис взглядов на становление российской цивилизационной идентичности / В.М. Межуев // Социология власти. 2007. № 1. – С. 5-34.
151. Миллионщикова Т.М. Социальная парадигма русской литературы XIX в. с точки зрения американских славистов / Т.М. Миллионщикова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2022. № 2. – С. 92–105.
152. Мильков В.В. Иларион / В.В. Мильков // Философская антропология. – 2019. – Т.5. – №1. – С. 102–121.
153. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века / А.Ю. Минаков. – Воронеж: Издательство ВГУ, 2011. – 560 с.
154. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева) / Митрополит Иларион. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 176 с.
155. Мони́на М.П. Историософская проблематика в поэтическом творчестве А.С. Хомякова / М.П. Мони́на // Общество: философия, история, культура. – 2023. № 2. – С. 113–117.
156. Мостовщикова Е.А. Светлый образ России / Е.А. Мостовщикова // Образ России. Сборник научных статей. – СПб.: Пневма, 2009. – С. 168-181.

157. Назаренко А. В. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси / А.В. Назаренко. – Москва-Брюссель: Conférence Sainte Trinité du Patriarcate de Moscou ASBL; Свято-Екатерининский мужской монастырь, 2013. – С. 184-185. – (Patrologia Slavica, Вып. 2).
158. Назаров В.И. Русский мир как форма закономерного развития / В.И. Назаров // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. №17-1. С. 207-209.
159. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. (На фоне катаклизмов XX века). В 2-тт. Том первый / М.В. Назаров. – М.: Русская Идея; СПб.: Русская Лира. 2020. – 544 с.
160. Назарова Г.Ф., Фокина А.В. Русский мир: обновление подходов к концепции / Г.Ф. Назарова, А.В. Фокина // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №6 (69). С. 338-343.
161. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории / Н.А. Нарочницкая. – М.: Международные отношения, 2003. – 536 с.
162. Нарочницкая Н.А. Русский мир / Н.А. Нарочницкая. – СПб., Алетейа, 2007. – 303 с.
163. Нарочницкая Н. А. Русский код развития / Н.А. Нарочницкая. – М.: Книжный мир, 2013. – 352 с.
164. Нарочницкая Н.А. Россия и Сербия в эпоху перемен: Линии напряжения европейской истории XIX–XXI вв. I. Сербия в новом столкновении России и Запада / Н.А. Нарочницкая // Перспективы. 2022. №4. С. 7-14.
165. Неронова М.Ю. Развитие русской идеи и русский мир / М.Ю. Неронова // Философские науки. 2019. №3 (32). С. 213-224.
166. Нижников С.А. П.Я. Чаадаев: от мифологического образа к реальному лицу / С.А. Нижников // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2017. Т. 21. №. 4. С. 488-494.

167. Никонов В.А. Современный мир и его истоки / В.А. Никонов. – Москва: Изд-во Московского университета, 2015. – 880 с.
168. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. – М. Аспект Пресс, 1999. – 404 с.
169. Образ России. Сборник научных статей. – СПб.: Пневма, 2009. 224 с.
170. Огнева Е.А. Художественный формат концепта русскость как когнитивной доминанты в трилогии А. Толстого «Хождение по мукам» Е.А. Огнева // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. – С. 30-44.
171. Океанский В.П. Русская словесная культура в контексте цивилизационной метаистории / В.П. Океанский. – Иваново, 2017. – 160 с.
172. Орлов И. Феномен советскости в отечественной историографической традиции / И. Орлов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 597–607.
173. Осипов В.Н. Возрождение русской идеологии / В.Н. Осипов. – М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 720 с.
174. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование / А.С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2002. – 352 с.
175. Панарин А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. 416 с.
176. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством) / А.С. Панарин. – М.: ИФ РАН, 1994. – 262 с.
177. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма / А.С. Панарин. – М.: ИФ РАН, 2005. 189 с.
178. Панарин А.С. Православная цивилизация. Институт русской цивилизации / А.С. Панарин. – М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
179. Париллов О.В. Провиденциальный аспект русской идеи / О.В. Париллов // Кочеров С.Н., Париллов О.В., Кондратьев В.Ю. Философия русской идеи: монография. – Н. Новгород: Мининский университет, 2018. С. 226-248.

180. Перевезенцев С.В. Русская история: с древнейших времен до начала XXI века / С.В. Перевезенцев. – М.: Академический проект, 2018.
181. Перевезенцев С.В. Русский мир в XXI веке / С.В. Перевезенцев // Русская политология. – 2022. № 1 (22). – С. 71-76.
182. Пищальникова В. А. Концепт / О.В. Пищальникова // Большая российская энциклопедия 2004–2017. Гл. ред. президент РАН Ю.С. Осипов. – Том. 15. Конго – Крещение. М.: РОСПЭН, 2010. – С. 173.
183. Пищальникова О.В. Ф.М. Достоевский как национальный бренд: причины и последствия / О.В. Пищальникова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2022, том 16. № 1. – С. 12–23.
184. Половинкин С.М. Аритмология / С.М. Половинкин // Новая философская энциклопедия в 4-х томах. – М.: Мысль, 2000. Т.1. – С. 179.
185. Полторацкая С.В. Ф.М. Достоевский и И.С. Шмелев: проблема «русскости» / С.В. Полторацкая // Труды Белгородской духовной семинарии. – 2018. – С. 134-142.
186. Пономарев Е.Р. Отечество в философских построениях И.А. Ильина: литературные проекции / Е.Р. Пономарев // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 3. С. 222–243.
187. Попков В.Д. Русский мир. Философские рамки понимания проблемы / В.Д. Попков // Вопросы философии. – 2021. № 7. – С. 27–37.
188. Послание Президента Федеральному Собранию. 2024 г. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения 24.10.2024)
189. Проблема имени в русской словесной культуре: Сб. материалов под общ. ред. В.П. Океанского. – Шуя: Шуйский филиал ИвГУ, 2013. – 326 с.
190. Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки, Всероссийская конф. (2008; Москва–Пенза). 3-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 22–24 мая 2008 г. / Ред. М.Н.Громов и др. – М.: ИФ РАН, 2009. – 279 с.

191. Прокаева О.Н. Всечеловечность как ментальное качество русского народа (на основе книги Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока») / О.Н. Прокаева // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. 11-4. – С. 25-27.
192. Пугачев О.С. Этический контекст проблемы бессмертия в русской религиозной философии (конец XIX– начало XX вв.) / О.С. Пугачев. – Пермь : изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 1998. – 166 с.
193. Расторгуев В.Н. «Русский мир» и цивилизационная идентичность / В.Н. Расторгуев // Вестник ПСТГУ: Богословие. Философия 2015. Вып. 3 (59). С. 152-158.
194. Ремизов В.А. Культура личности как ресурс развития общества: к постановке проблемы / В.А. Ремизов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 5(43). – С. 13-18.
195. Ремизов В. А. Культура личности: ценностно-мировоззренческий анализ: монография / В.А. Ремизов. – М.: Изд. МГИКИ, 2000. – 214 с.
196. Репринцев А.В. Труд как социокультурный и педагогический феномен в традиционном Русском мире: механизмы и факторы формирования этнокультурной идентичности личности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trud-kak-sotsiokulturnyy-i-pedagogicheskii-fenomen-v-traditsionnom-russkom-mire-mehanizmy-i-factory-formirovaniya-etnokulturnoy> (дата обращения 21.10.2024).
197. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. – 719 с.
198. Россман В. Платон как зеркало русской идеи / В. Россман // Вопросы философии. 2005. №4.
199. Ростова Н.Н. Мягкая сила постгуманизма. Что нам мешает мыслить по-русски? / Н.Н. Ростова. – М.: Проспект, 2022. – 184 с.

200. Рудская Н.В. Испанцы и русские в культурологической концепции Вальтера Шубарта / Н.В. Рудская // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2011. №4. С. 18-22.
201. Русская доктрина / под. ред. А.Б. Кобякова и В.В. Аверьянова. – М.: Яуза-пресс, 2008. – 864 с.
202. Русские и «русскость»: лингвокультурологические этюды / В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2006. — 336 с.
203. Русские философы о войне. – М.: Кучково поле, 2005. – 496 с.
204. Русский мир: динамика научного познания: сб. статей участников Международной научно-практической конференции (23-25 октября 2019 г.) / отв. ред. С.В. Напалков; науч. ред. Е.В. Валеева. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 492 с
205. Русский мир как цивилизационное пространство / Под ред. А. Гусейнова, А. Кара-Мурзы, А. Яковлевой. М.: ИФРАН, 2011. 303 с.
206. Русский мир в меняющемся мире / Отв. ред. и сост. Г.А. Комарова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 402 с.
207. Русский мир. О нашей национальной идее. Изд-во Московской Патриархии, 2014. 128 с.
208. Сабиров В.Ш. Сотериологическое предназначение и смысл русской философии: Автореф. дисс. д.ф.н. / В.Ш. Сабиров. – Екатеринбург. 1991. 40 с.
209. Сабиров В.Ш. Русская идея спасения (Жизнь и смерть в русской философии): монография / В.Ш. Сабиров. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 152 с.
210. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Философский язык России как фактор ее культурного единства / В.Ш. Сабиров // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 2. С. 1–11.
211. Сабиров В.Ш., Соина О.С. Идея спасения в русской философии / В.Ш. Сабиров. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 272 с.
212. Савицкий П.Н. Континент Евразия / П.Н. Савицкий. – М.: Аграф, 1997. – 461 с.

213. Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания / К.А. Свасьян // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 5-47.
214. Свиридов Г. Музыка как судьба / Г. Свиридов. – М.: Молодая гвардия, 2002. – 798 с.
215. Святейший Патриарх Кирилл. Вступительное слово на открытии XVIII Всемирного русского народного собора 11 ноября 2014 года. [Электронный ресурс] URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3367103.html> (дата обращения 24.10.2024)
216. Семенова Е.В. Русская литература против «расчеловечивания» человека в современную эпоху / Е.В. Семенова // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2022. №5-1. – С. 68-71.
217. Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного / С.Г. Семенова. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 415 с.
218. Семикопов Д.В., Лебедев И.А., Аксенов А.В. Соборность как метафизическая категория в религиозном персонализме В.С. Соловьева, протоиерея Сергия Булгакова и архимандрита Софрония (Сахарова) / Д.В. Семикопов, И.А. Лебедев, А.В. Аксенов // Вестник Мининского университета. – 2022. – Т. 10. – №1.
219. Сендеров В.А. От «Всеславянской федерации» к «русскому миру» / В.А. Сендеров // Вопросы философии. 2015. №3. – С. 56-64.
220. Сербиненко В.В., Гребешев И.В. Русская метафизика XIX-XX веков / В. В. Сербиненко. – М.: Руниверс, 2016. – 806 с.
221. Сизов С.Е. Философия Николая Федорова в контексте православной сотериологии / С.Е. Сизов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2021. № 1 (29). – С. 96-104.
222. Синявина Н.В. Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография / Н.В. Синявина. – М.: МГИК, 2022. – 364 с.

223. Слово в русской логоцентрической культуре: Сб. материалов / под. ред. В.П. Океанского. – Шуя: Центр кризисологических исследований, 2013. – 198 с.
224. Смирнов А.В. Самосознание российского общества / А.В. Смирнов // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 3. С. 22-224.
225. Смолин М.Б. Самобытность идеала русской государственной власти / М.Б. Смолин // Власть. – 2012. №7. – С. 16-19.
226. Смолин М.Б. Тайны русской империи / М.Б. Смолин. – М.: Вече, 2014. – 448 с.
227. Смолина А.Н. Русская христианская лексика духовно-нравственного содержания: краткий словарь (лексикографический проект) / А.Н. Смолина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 4. С. 1092-1100.
228. Смыслы и ценности Русского мира: сб. статей и материалов круглых столов, организованных Фондом «Русский мир» / под ред. В.А. Никонова. М., 2010. 112 с.
229. Соина О.С. Ф. М. Достоевский о «русском мире» / О.С. Соина // Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19-21 мая 2016 г. – СПб.: СПбГУП, 2016. – С. 462-465.
230. Соина О.С. Русский мир в воззрениях Ф.М. Достоевского / В.Ш. Сабиров; О.С. Соина. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 312 с.
231. Солженицын А.И. В круге первом / А.И. Солженицын. – М.: Наука, 2006. 610 с.
232. Солженицын А.И. Нобелевская лекция / А.И. Солженицын // Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Т. 1. Статьи и речи. – Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1995. – С. 7-25.
233. Солженицын А.И. С Украиной будет чрезвычайно больно / А.И. Солженицын. – М.: АСТ, 2023. – 240 с.

234. Соловей В. Д. Кровь и почва русской истории / В.Д. Соловей. – М. : Русский мир, 2008. – 480 с.
235. Соловьев В.М. Модели русской национально-культурной идентичности И. А. Ильина / В.М. Соловьев // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. – 2020. Вып. 2 (831). – С. 218-229.
236. Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев // В.С. Соловьев // Соч. : в 2. т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 1. – С.47-549.
237. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе, и конце всемирной истории / В.С. Соловьев // Соч. в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – С. 635-763.
238. Соловьев В.С. Данилевский / В.С. Соловьев // Соч. в 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – С. 406-414.
239. Соловьев В.С. Русская идея / В.С. Соловьев // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – С. 41-69.
240. Сорокин П.А. Существенно важные черты русской нации в двадцатом веке / пер. с англ. / П.А. Сорокин // Молодая гвардия. – 1990. – № 10. – С. 181–198.
241. Страхов Н.Н. Борьба с Западом / Н.Н. Страхов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 576 с.
242. Сулакшин С.С. Русский вопрос: смысл и задачи русского народа С.С. Сулакшин // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. – 2020. 15(1). – С. 162-187.
243. Строев Е.С. Проблемы российского самосознания / Е.С. Строев // «Проблемы российского самосознания», Всероссийская конф. (2006; Москва –Орел) / Ред. М.Н. Громов и др. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 7-15.
244. Сыромятников О.И. Наследие Ф. М. Достоевского как вершина православного реализма / О.И. Сыромятников // Русско-Византийский вестник. – 2022. №2 (9). – С. 89-98.
245. Тарасов Б.Н. Историософия Ф.И. Тютчева в современном контексте / Б.Н. Тарасов. – М.: Наука, 2006. – 159 с.

246. Тарасов Б.Н. Человек и история в русской религиозной философии и классической литературе: Сборник статей / Б.Н. Тарасов. – М.: Кругъ. 2007. – 936 с.

247. Тарасов Б.Н. Федор Тютчев о назначении человека и смысле истории / Б.Н. Тарасов // Тютчев Ф.И. Россия и Запад. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – С. 5-34.

248. Теплых Н.В. Русский мир как традиционная основа духовной культуры социума / Н.В. Теплых // Социально-политические науки. 2021. №2. С. 147-151.

249. Теплых Н.В. Ценностные доминанты «русского мира» и перспективы будущего России / Н.В. Теплых // Социальные нормы и практики. – 2023. №1. – С. 63-73.

250. Теплых Н.В. Концепт «Русский мир» в социальной и политической философии России: этапы, принципы формирования, перспективы. дисс. к. филос. н. / Н.В. Теплых. – Саранск, 2023. – 216 с.

251. Тихомиров Л.А. Христианство и политика / Л.А. Тихомиров. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1999. – 616 с.

252. Тихонова В.А. Морально-этические константы российской политической культуры / В.А. Тихонова // Россия в контексте межкультурных коммуникаций. XX-XXI век. Монография / под общ. ред. Е.В. Мареевой, Н.В. Синявиной. М.: МГИК, 2022. С. 41-48.

253. Тихонова В.А. Политическая культура российского общества: концептуальный аспект / В.А. Тихонова // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 4 (39). – С. 5-12.

254. Тишков В.А. Избранные труды: в 5 т. Т. 4: Российский народ: История и смысл национального самосознания / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2021. – 631 с.

255. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России / В.А. Тишков. – М.: ИЭА РАН, 2023 – 69 с.

256. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы / В.А. Тишков // Вестник Российской академии наук: научный и общественно-политический журнал. 2019, Т. 89, № 4. – С. 408-412.

257. Тишков В.А. Русский мир: история и география / В.А. Тишков // Русский мир в меняющемся мире / Отв. ред. – Г.А. Комарова. – М.: ИЭА РАН. 2018. – С. 13–34.

258. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии / В.А. Тишков // http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035 (дата обращения: 21.12.2022).

259. Тонких Н.В. Достоевский и Русский мир / Н.В. Тонких // Подъем. 2015. №3. С. 202-210.

260. Трубецкой Е.Н. Старый и новый национальный мессианизм / Е.Н. Трубецкой // Трубецкой Е.Н. Избранное. – М.: Канон, 1995. – С. 299-324.

261. Трыков В.П. Константы «русскости» и эволюция русского культурного сознания в книге Эжена-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» / В.П. Трыков // Rhema. Рема. 2017. № 3. С. 21–39.

262. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / Ф.И. Тютчев. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 592 с.

263. Ужанков А.Н. Картина мира древнерусского книжника. Категории русской средневековой культуры / А.Н. Ужанков. – М.: Институт Наследия, 2022. – 213 с.

264. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019>

265. Указ Президента РФ от 25.01.2023 г. № 35. «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г.» № 808 [Электронный

ресурс].

URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004>

266. Фахрутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова... Опыт лингвокультурологического анализа русскости / Ф.Ф. Фахрутдинова. – Иваново: Изд-во «Ивановский государственный университет», 2000. – 204 с.

267. Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. / Н.Ф. Федоров. – М.: Прогресс, 1995–1999.

268. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? / Г.П. Федотов // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 2. СПб.: София. 1991. С. 172–191.

269. Фетисов В.П. Солнце не заходит. Труды по нравственной философии / В.П. Фетисов. – Воронеж: ВГЛТА, 2011. – 518 с.

270. Фишман Л., Мартьянов В. Если не урок, то проект. Ставка на лучшую Современность для человечества как шанс для России / Л. Фишман, В. Мартьянов // Россия в глобальной политике. – 2022. Том 20. № 4(116). – С. 66–85.

271. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1 (1) / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – 491 с.

272. Флоровский Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 848 с.

273. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. – М.: Наука, 1989. – 576 с.

274. Хейдари М. Русскость – всемирность в ценностном (аксиологическом) поле героев фантастических произведений А. Платонова 1920-х годов / М. Хейдари // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 256–258.

275. Хоменко Д.П. Проблема «Русского мира»: теория и историография / Д.П. Хоменко // Genesis: исторические исследования. – 2022. – № 6. – С. 143

276. Хомяков А.С. Сочинения в двух томах. Т 1. Работы по историософии / А.С. Хомяков. – М.: Московский философский фонд. Изд-во «Медиум», 1994. – 590 с.

277. Цимбаев Н.И. Классический русский писатель // Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения / Н.И. Цимбаев. – М.: Современник, 1991. С. 3-28.

278. Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006 / В.Л. Цымбурский. – М.: РОССПЭН, 2007. – 543 с.

279. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования / В.Л. Цымбурский. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 372 с.

280. Чаадаев П.Я. Статьи и письма / П.Я. Чаадаев. – М.: Современник, 1989. – С. 38-147.

281. Шешунова С.В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И. С. Шмелева С.В. Шешунова. – М.: Ленанд, 2017. – 194 с.

282. Шибаева М.М. Культура в «зеркале» русской мысли: монография М.М. Шибаева. – М.: МГУКИ, 2001. – 249 с.

283. Шпидлик Т. Русская идея: иное видение человека / Пер. с франц. / Т. Шпидлик. – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2006. – 464 с.

284. Шубарт В. Европа и душа Востока / В. Шубарт. – М.: Эксмо, 2003. – 480 с.

285. Эрн В.Ф. Сочинения / В.Ф. Эрн. – М.: Правда, 1991. – 576 с.

286. Ярская-Смирнова Е.Р. Русскость как диагноз / Е.Р. Ярская-Смирнова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. Том III. № 1. – С. 197-200.